
КОММЕНТАРИИ

В настоящее издание, задачей которого было дать общее представление об отражении событий Первой мировой войны в литературе 1914–1917 гг., включены произведения разного художественного уровня: от поэтических шедевров до примеров массовой продукции. В соответствии с той же задачей из произведений, созданных признанными мастерами поэтического слова, не всегда выбирались лучшие, иногда предпочтение отдавалось более слабым текстам, ярче демонстрирующим и настроения времени, и характер разработки тем или иным автором военной темы.

Композиция издания подчинена хронологическому принципу: произведения распределены по годам. В начале каждого годового раздела помещаются стихи, за ними следует проза. В комментариях указаны первые публикации текстов, но в тех случаях, когда они были переработаны автором для позднейших изданий, тексты приводятся в последних редакциях, поскольку само наличие этих редакций указывает на значимость произведения в глазах автора.

Состав книги подготовлен Б. В. Авериным, И. В. Аршиновой, К. С. Бутузовой и А. В. Козакевич.

Комментарии подготовили: Б. В. Аверин, Я. Я. Агафонова, К. М. Азадовский (Николай Клюев), И. В. Аршинова, А. Ю. Арьев (Георгий Иванов), А. А. Афиногеева, Е. Л. Белькинд, Г. Н. Беляк, П. В. Бояркина, К. С. Бутузова, М. Н. Виротайнен, В. Л. Зунин, А. В. Козакевич, С. В. Старкина (Велимир Хлебников).

1914 год

Анна Андреевна Ахматова (1889–1966)

С началом войны, по словам А. А. Ахматовой (наст. фамилия — Горенко), начался новый, «не календарный» XX век («Поэма без героя»). Ее муж Н. С. Гумилев был зачислен вольноопределяющимся в Гвардейский запасной кавалерийский полк. В сентябре 1914 г. Анна Ахматова навестила его в деревне

Наволоки под Новгородом, где был расквартирован полк. В середине декабря Николай Степанович прибыл на побывку в Петроград, через несколько дней, 24 декабря, Анна Андреевна проводила его на фронт. Позднее она вспоминала: «На Рождество 1914 провожала Ник<олая> Ст<епановича> на фронт до Вильны. Там ночевали в гостинице, и утром я увидела в окно, как молящиеся на коленях двигались к церкви, где икона [Ченстоховской] Остробрамской Божьей Матери» (Записные книжки Анны Ахматовой: (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 665). Простившись с Гумилевым, Ахматова отправилась к матери в Киев, где встретила Новый год. 25 января 1915 г. в Петрограде вместе с Блоком, Северяниным, Кузминым, Мандельштамом, Сологубом и другими поэтами она выступает на вечере «Писатели — воинам» в Александровском зале Петроградской городской думы, читает военные стихи Гумилева. Ахматова писала ему регулярно, посылала свои новые стихи. Если стихов в письме не оказывалось, он выговаривал ей: «Что же ты мне не прислала новых стихов? У меня, кроме Гомера, ни одной стихотворной книги, и твои новые стихи для меня была бы такая радость. Я целые дни повторяю: “Где она, где свет веселый серых звезд ее очей” и думаю при этом о тебе, честное слово» (Гумилев Н. Собр. соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 241).

Июль 1914

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. С. 9–10 (в обратной последовательности стихотворений). Печатается по: Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 198–199.

Первое стихотворение было начато 11 июля 1914 г. Тема войны появилась в нем несколькими днями позже, после того как 15 июля Австрия объявила войну Сербии, 19 июля Германия объявила войну России, а 20 июля был опубликован «Высочайший манифест» о вступлении России в войну. В Слепневе (имение матери Н. С. Гумилева в Тверской губернии), где жила в то время Ахматова, «Высочайший манифест» стал известен вечером 20 июля.

¹ *Трус* — буря и волнение, лютование стихий; землетрясение (Даль).

² «*Ранят тело твое пресвятое, Мечут жребий о ризах твоих*». — Отсылка к событиям последних дней земной жизни Иисуса Христа. Перед казнью воины правителя избивали Христа и издевались над Ним, а распяв, «делили одежды Его, бросая жребий» (Мф 27: 27–35). Ср. также в Псалтири: «Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий» (Пс 21: 19). По жребию делили землю между коленами Израилевыми: «И сказал Господь Моисею, говоря: <...> По жребию должно разделить землю» (Числ 26: 52–55).

Утешение

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. С. 10. Печатается по: Ахматова А. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 208.

Стихотворение было прочитано Ахматовой на благотворительном вечере «Поэты — воинам» (в пользу раненых) 28 марта 1915 г. в Зале Армии и Флота на Литейном. Н. Н. Берберова вспоминала: «Ахматова была в белом платье со “стюартовским” воротником (какие тогда носили), стройная, красивая, черноволосая, изящная. Ей тогда было под тридцать, это был расцвет ее славы, славы ее паузника, ее челки, ее профиля, ее обаяния. “Вестей от него

не получишь больше”, — читала она, сложив руки на груди, медленно и нежно, с той музыкальной серьезностью, которая была в ней так пленительна» (*Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 101).

¹ *Эпиграф* взят из поэмы Н. С. Гумилева «Мик» (1913–1914). Михаил Архистратиг — архангел Михаил, предводитель небесного воинства.

² *В объятый пожарами, скорбной Польше...* — В сентябре 1914 г. в Польше шли основные бои Восточного фронта; 15 (28) сентября началось первое сражение за Варшаву в рамках Варшавско-Ивангородской операции.

Игорь Северянин (1887–1941)

В начале войны Игорь Северянин (наст. имя и фамилия — Игорь Васильевич Лотарев) написал ряд патриотических стихотворений: «Германия, не забывайся!», «Поэза возмущения», «Поэза благословения», «Все вперед!», «Переход через Карпаты» и др. Для него, как и для других футуристов, война представлялась крушением старого мира, за которым неизбежно последует строительство нового. 19 июля 1914 г., в день, когда Германия объявила войну России, он писал жене Федора Сологуба А. Н. Чеботаревской: «Со всею страстью живу от газеты до газеты, ожидая возгрома того Грандиоза, который мне, в силу своего величия, так необходим, так нужен. Я хочу, чтобы все дрались, бились, уничтожали друг друга, сходили бы с ума от злобы, гнева, хвастовства, чтобы все стали поэтами Протеста, протеста даже беспричинного, чтобы победила всех и вся одна Россия, как страна, в которой я родился, я живу и я гремлю! Победа России — моя победа! От своей же победы я не могу, я не в силах отказаться» (*Игорь Северянин.* Переписка с Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Л. Н. Ивановой и Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 747).

Как единственный сын вдовы Северянин не подлежал призыву. Вспоминая о начале Первой мировой войны, Рюрик Ивнев писал: «Общество раскололось: одни гибли на фронтах, другие “радовались жизни”. Настроение этой части российских обывателей выразил Игорь Северянин, “распевавший” с эстрады свои “поэзы”: “Война — войной, а розы — розами...”. Таких поэтов называли “соловьями над кровью»» (*Рюрик Ивнев.* Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2007. С. 144). В стихотворении «Еще не значит быть изменником...» Северянин призвал без смущения наслаждаться в военное время удовольствиями столичной жизни:

Еще не значит быть изменником, —
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...
Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить любимому в письмо.
Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из хризантем,
По-прежнему пить кофе с пенками
И кушать за десертом крем...

Реакция последовала незамедлительно: в анонимной статье «Людям из Биржевок» (Очарованный странник: Альманах Осенний. Пг., 1914. № 5) сообщалось, что на это стихотворение поступило 178 возмущенных откликов «выразителей лучшей части русского общества». Устроители благотворительных вечеров перестали приглашать Северянина. Неоднократно заявляя в стихах, что поэты не нужны на войне, Северянин, вместе с тем, в свойственной ему манере декларировал и готовность принять участие в военных действиях: «Мы победим! Не я, вот, лично: / В стихах великий — в битвах мал, / Но если надо — что ж, отлично! / Шампанского! Коня! Кинжал!» («Стихи в ненастный день», 1914); «Друзья! Но если в день убийственный / Падет последний исполин, / Тогда ваш нежный, ваш единственный, / Я поведу вас на Берлин!» («Мой ответ», 1914). Последние строки вызвали смех даже у поклонников поэта. Дон-Аминадо (А. П. Шполянский) рассказывал: «Игорь Северянин, душа, кумир, любимец публики, делавший полные сборы в Политехническом музее, и, что бы там академики не скулили, поэт несомненный, и при немалой жеманности и безвкусице, конечно, талантливый, — тот, прямо из будуара, “где под пудрой молитвенник, а под ним Поль-де-Кок”, вышел на эстраду, стал во фрунт и так через носоглотку, при всем честном народе, и завернул:

Когда отечество в войне,
И нет воды — лей кровь, как воду!
Благословение народу,
Благословение войне!

На сей раз это была дань времени, моменту, медный пятак в кружку на лазарет, в день Белой Ромашки. Но так как аппетит приходит во время еды, то, как только на фронте стало совсем плохо, неунывающий Игорь быстро решил, что пришло время героических средств. Поклонился безумствовавшим психопаткам и так и бабахнул:

Наступит день и час таинственный —
Растопит солнце снег долин...
Тогда ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!

После подобного манифеста о чем было беспокоиться?» (Дон-Аминадо. Воспоминания // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. 590). См. также: Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1, кн. 2. С. 600–616.

В этот момент произошло окончательное размежевание Северянина с футуристами, в частности с Маяковским (отношения с ним и до этого не были безупречными), который полагал постыдным писать в такое время модные сонеты, поэмы, триолеты и романсы. Однако военные стихи Северянина не ограничиваются названными темами. В них звучит и осуждение сил, развязавших кровавую битву («Поэза возмущения», «Поэза к Европе»), и прославление русских войск («Они сражаются в полях...», «Переход через Карпаты»). Тем не менее читатели и критики досадовали на «жалко-патриотические выкрики» Северянина и его «вульгарные “противогерманские” поэмы» (см., например, статью Н. Ливкина в журнале «Млечный путь» (1915. № 5. С. 77)).

28 марта 1915 г. Северянин вместе с Ф. Сологубом, А. Блоком, А. Ахматовой и др. выступил на «Вечере современного искусства “Поэты — воинам”

в пользу Лазарета Деятелей Искусств», состоявшемся в Петрограде, в зале Армии и Флота. Попасть на фронт Игорь Лотарев не стремился. Его призвали в армию лишь в 1916 г. но на театр военных действий он не попал, поскольку был признан негодным к службе и определен в санитары на самую черную работу. Л. И. Борисов в мемуарном очерке «В казарме на нарах с С.» рассказывает о том, что до освобождения от службы «по могучей протекции» Северянин две недели провел в запасном полку (*Борисов Л. И. За круглым столом прошлого. Л., 1971. С. 103–108*). В 1916 г. вместе с начинающим поэтом Г. А. Шенгели Северянин совершил длительное турне, выступая в Москве, Харькове, Одессе, Петрограде, Кутаисе, Тифлисе, Баку, Армавире, Екатеринодаре. Февральскую революцию Северянин поначалу встретил восторженно, однако с течением времени его политические взгляды, которым вообще была свойственна непоследовательность, изменились. Отправившись в конце марта 1918 г. в Тойлу, в Россию он уже не вернулся.

Все вперед!

Впервые: *Игорь Северянин. Victoria Regia: Четвертая книга поэм. М., 1915*. Написано в 1914 г. Печатается по: *Игорь Северянин. Собрание поэм. СПб., 1918. Т. 4: Victoria Regia. С. 102*.

В стихотворении перечислены страны, вступившие в войну на стороне Антанты: 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 4 августа Англия — Германии, 5 августа Черногория — Австро-Венгрии, 6 августа Сербия — Германии, 9 августа Черногория — Германии, 11 августа Франция — Австро-Венгрии, 22 августа Австро-Венгрия — Бельгии, 23 августа Япония — Германии, 25 августа Япония — Австро-Венгрии.

¹ *Краснокрестие* — Российское общество Красного Креста, накануне войны объединившее 109 общин сестер милосердия. Основной их целью была подготовка «опытного женского санитарного персонала для ухода за больными и ранеными, как в военное, так и в мирное время» (Нормальный Устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Иркутск, 1904. С. 1).

² *...Черногория, царица орлов!* — На гербе Королевства Черногория был изображен двуглавый орел.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

«Александр Александрович встретил весть о войне с волнением и какой-то надеждой <...>. Он поступил в ближайшее районное попечительство, оказывавшее помощь семьям запасных <...> делал обследования, собирал пожертвования», — вспоминала тетка и первый биограф поэта М. А. Бекетова (*Бекетова М. А. Александр Блок: Биографический очерк. Пб., 1922. С. 197*). 3 сентября 1914 г. Любовь Дмитриевна, жена Блока, зачислившись в сестры милосердия, уехала с госпиталем в Галицию. Блок провожал ее на Варшавском вокзале (*Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 238*). 6 октября 1914 г. он писал ей: «Чувствую войну и чувствую, что вся она — на плечах России, и больше всего — за Россию, а остальные — бог с ними — им бы только выпутаться из своих бед, а для нас они пальцем не пошевелинут» (Литера-

турное наследство. М., 1978. Т. 89: Александр Блок. Письма к жене. С. 332). В октябре отправился на фронт Франц Феликсович Кублицкий-Пиоттух, отчим поэта. Бригада его выступила из Петербурга. «Сегодня ночью мы провожаем Франца. Он уходит с эшелонами», — писал Блок жене 19 октября 1914 г. (Там же. С. 334). С. М. Городецкий в 1922 г. вспоминал, что Блок не поддался «шовинистическому угару, охватившему русское общество в 1914 году. <...> Он держался в стороне от военного шума, захлестнувшего и литературу» (Городецкий С. М. Воспоминания об Александре Блоке // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 340). Близко знавший Блока в это время В. Н. Княжин писал: «Отношение его к войне представляется моему сознанию как отношение довольно сложное и с течением времени изменявшееся». (Княжин В. Н. Александр Александрович Блок. Пб., 1922. С. 115). 6 марта 1916 г. Блок сделал запись: «Сегодня я понял, наконец, ясно, что отличительное свойство этой войны — *невеликость* (невысокое). Она — просто огромная фабрика в ходу, и в этом ее роковой смысл. Несомненно, она всех “прозаичнее” (ищу определений, путаясь в обывательском языке). Это оттого что миром окончательно завладел так называемый антихрист. Отсюда — невозможность раздуть патриотизм; отсюда — особенный обман малых сих» (Блок А. Записные книжки. С. 283). «Переживая войну как грозу, томимый еще более грозными предчувствиями», Блок «исключал свою волю из сферы действующих сил и лишь напряженно прислушивался к голосам стихий» (Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок: (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.) // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 23). Поэт был призван в действующую армию 7 июля 1916 г. Ему удалось устроиться табельщиком 13-й инженерно-строительной дружины Земского и городского союзов. Он служил под Пинском на строительстве дорог и военных укреплений, переживая период творческого упадка и занимаясь сбором материалов из военного быта. В статье «Интеллигенция и революция» (Знамя труда. 1918. 19 января; Наш путь. 1918. № 1, апрель) Блок скажет: «Европа сошла с ума: цвет человечества, цвет интеллигенции сидит годами в болоте, сидит с убеждением (не символ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоске, которая называется “фронт”» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 10). 19 марта 1917 г. Блок вернулся в Петроград, получив отпуск из дружины. «Он вернулся при первой возможности, откровенно причислив себя к дезертирам. О жизни в тылу позиций вспоминал урывками, неохотно; “война — глупость, дрянь” — формулировал он в конце концов свои впечатления» (Зоргенфрей В. А. Александр Александрович Блок. С. 25).

«Петроградское небо мутилось дождем...»

Впервые: Русское Слово. 1914. № 217, 21 сент. (под заглавием: «На войну»). Вошло в третий том лирики Блока, в цикл «Родина». Написано 31 августа — 1 сентября 1914 г. Печатается по: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 275).

В стихотворении отразились впечатления Блока от увиденного на вокзале в Петергофе, откуда отправлялся на фронт один из военных эшелонов. «К началу XX века в Петергофе на постоянных квартирах располагались четыре полка. Они имели обширные военные городки, в которых находились здания

казарм, офицерского собрания, мастерских, конюшен, манежей. <...> Когда началась война, Вторая Отечественная, как она тогда официально называлась, на фронт в разных направлениях один за другим уходили полки петергофского гарнизона» (*Любимов Е. А.* Военные были старого Петергофа // Петергоф: Очерки по краеведению. Петергоф, 2007. Ч. 2. С. 126–127). Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттх, отчим Блока, в то лето лечившийся в Крыму, был вызван в Петербург по случаю мобилизации. «Бригада, которой командовал Франц Феликсович, стояла в Петергофе. В мирное время он ездил туда только изредка, так как обязанности бригадного командира не сложны. Теперь же ему пришлось переселиться на казенную квартиру в Петергоф для приведения бригады в боевой порядок. Поехала с ним и Александра Андреевна (мать поэта. — *Сост.*)» (*Бекетова М. А.* Александр Блок. С. 196–197). Адрес, по которому жили родные Блока в Новом Петергофе: Офицерский флигель Каспийского полка № 1, кв.1 (см.: «Здесь тишина цветет...»: Блоковские окрестности Петербурга: Путеводитель / Сост. И. Т. Варго, А. В. Горегина, Л. В. Пушкарева. СПб., 2012. С. 79). Казармы 148-го Пехотного Каспийского полка находились недалеко от железнодорожной станции (здание сохранилось). Сохранились дневниковые записи Блока от последних дней августа 1914 г.: «30 августа. Мы обедаем у мамы в Петергофе. — Эшелон уходил из Петергофа — с песнями и ура. <...> 31 августа. Пишу маме. Австрийцы разбиты? Стихи» (*Блок А.* Записные книжки. С. 238).

Отклик на первую газетную публикацию стихотворения появился в статье Мих. Левидова «Бессильные», представляющей собой обзор новейшей русской поэзии на военную тему. Блок, по мнению критика, выгодно отличается от других поэтов, поскольку имеет «силу и мужество оставаться самим собой»: «Мистик романтизма и индивидуализма, прямой потомок Новалиса, этот поэт сказал самое красивое, ценное и искреннее слово о текущем дне, слово, которое останется вечно. Это слово — его стихотворение “На войну”. И искренне, ценно и красиво оно потому, что он единственный стал на верную позицию, отмежевал себя от происходящего, не претендовал ни на роль пророка, обличителя или вождя. Здесь нет сожаления, решения, призыва, здесь только раздумье, рождающееся в душе поэта всегда, когда проносятся мимо далекие ему волны событий. <...> Слово Блока — истинное дитя времени» (*Жемчужина.* 1914. № 7, 24 ноября. С. 16). Георгий Иванов, процитировав первые четыре строфы стихотворения, заметил: «Когда читаешь такие стихи, ясным становится, как, в конце концов, не нужны истинным поэтам все школы и “измы”, их правила и поэтические “обязательные постановления”» (*Аполлон.* 1915. № 8–9. С. 98). По мнению В. Н. Княжнина, стихотворение — «скорее о России, чем о войне, или об отношении к войне, но как к чему-то стихийному, не от нашей воли зависящему» (*Княжнин В. Н.* Александр Александрович Блок. С. 116 — ср. выше, воспоминания В. А. Зоргенфрея об отношении Блока к войне).

С чтением стихотворения Блок выступал в начале апреля 1916 г. в Политехническом музее в Москве на вечере в пользу раненых воинов.

¹ *И, садясь, запевали «Варяга» одни...* — Имеется в виду песня «Гибель Варяга» (музыка А. Б. Вилинского) на текст стихотворения Е. М. Студенской «Памяти “Варяга”» (1904), известная в песенниках с 1910-х гг. и исполнявшаяся Н. В. Плевицкой. «Варяг» — русский крейсер, погибший во время Русско-японской войны в бою у Чемульпо 27 января 1904 г.

² *А другие — не в лад — «Ермака»...* — Речь идет о песне «Ревела буря, дождь шумел...», текст которой представляет собой сокращенный и измененный вариант думы К. Ф. Рылеева «Смерть Ермака» (1822).

³ *С Галицийских кровавых полей...* — В Галиции с 5/18 августа по 8/21 сентября 1914 г. между русской и австро-венгерской армией происходило одно из крупнейших сражений Первой мировой войны, закончившееся победой русских войск; каждая из сторон потеряла свыше 200 тысяч человек. Ср. в балладе В. А. Жуковского «Замок Смальгольм» (1822), с которой метрически сходно стихотворение Блока: «С Анкрамморских кровавых полей».

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924)

Начало Первой мировой войны Брюсов встретил, разделяя всеобщее воодушевление. «Во дни таких великих испытаний, которые переживает сейчас Россия, и каждый отдельный гражданин, и каждое отдельное учреждение должны приложить и свои усилия к общенародному делу», — писал он 26 июля 1914 г. (Известия Московского литературно-художественного кружка. 1914. Сентябрь. [Вып. 7]. С. 1). Брюсов говорил о «единодушно сознанным всем русским обществом» «безмерном величии» развертывающихся мировых событий. Он призывал оказывать материальную помощь бедным и раненым воинам, а также их семьям, собирать книги для лазаретов. Он был убежден в том, что война неминуемо отодвинет на второй план интересы культуры, «но она не должна ни на миг подавить их совершенно» (Там же. С. 2). Начавшуюся борьбу Брюсов понимал как борьбу «за право свободного развития культурной жизни, которая в течение десятилетий была подавляема милитаризмом, выросшим на немецкой почве» (Там же).

В августе 1914 г. Брюсов отправился в действующую армию в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости» в Польшу. Перед отъездом Литературно-художественный кружок устроил обед в его честь. Отвечая на приветственные речи, Брюсов произнес: «Забудьте теперь обо мне, я еду простым чернорабочим. <...> Будем верить в победу над германским кулаком. Славянство призвано ныне отстаивать гуманные начала, культуру, право, свободу народов» (Проводы В. Я. Брюсова // Голос Москвы. 1914. № 170, 25 июля). Еще не добравшись до места своего назначения, Брюсов писал в статье «Путь на Запад»: «Чем дальше мы едем, чем ближе оказываемся мы к таинственному “театру военных действий”, тем спокойнее и радостнее становится на душе. Из мимолетных наблюдений, из случайных встреч и “вагонных” разговоров выносишь твердое убеждение, что то настроение бодрости и веры в себя, которое в Москве можно было объяснять ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, есть настроение всей России <...> ни одной ноты не проскакивает в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в нашем конечном успехе» (Русские ведомости. 1914. № 189, 19 авг.). Около десяти месяцев Брюсов провел в Польше, выслав оттуда более семидесяти военных корреспонденций. Поэт посещал города, где только что прошли бои, побывал, например, в Ярославле, отбитом у австрийцев, и рассказывал о возобновлении обычной жизни. Но уже вскоре после прибытия ему пришлось столкнуться с бедствиями, нанесенными войной. Он писал о польских равнинах, холмах и просторах, где

«блуждают призраки Страдания, Разрушения, Смерти» (Русские ведомости. 1914. № 287, 13 дек.), о германской и русской армиях, поочередно наступающих и отступающих, о бегущем в паническом страхе населении, об опустошенных, изрезанных окопами полях, сожженных дотла деревнях, о толпах людей, ютящихся по лесам в шалашах и землянках. Брюсов сообщал о страшной безработице, начавшейся в Польше, о городах Калиш и Млава, население которых лишилось и домов, и заработка, и всякой возможности раздобыть кусок хлеба. Брюсов считал, что Россия должна прийти на помощь польским безработным, которые являются такими же жертвами войны, как и раненые (см.: Брюсов В. Безработица в Польше // Русские ведомости. 1914. № 218, 23 сент.). Побывав на полях битв под Варшавой, Брюсов описывал беженцев, которые возвращались в освобожденные города. Его поразили лица с выражением тупого безразличия, глаза, словно не видящие ничего. Некоторые жители уже по несколько раз бежали, узнав о приближении немцев, а потом возвращались на родное пепелище. Брюсову были интересны психологические портреты героев войны, он интервьюировал их и передавал свои впечатления в газетных статьях — см., например, его статью «Мимоходом: Один из героев» (Русские ведомости. 1914. № 298, 28 дек.), где описан смельчак-фаталист, с особым наслаждением испытывавший судьбу. Когда Брюсов узнал о гибели этого человека, он посвятил ему еще одну большую статью — «Штабс-капитан Гурдов» (Русские ведомости. 1915. № 41, 20 февр.). Объезжая края, где прошли бои, Брюсов подробно описывал «свежие раны»: «Еще недавно здесь была тенистая аллея, одна из тех, что придают особую прелесть пейзажам Западного края. Теперь дорога сразу обезличилась, не то облысела, не то ослепла» («После победы: На полях битв под Варшавой» // Русские ведомости. 1914. № 239, 17 окт.). Некоторые поездки были вовсе не безопасны, автомобиль легко мог попасть под обстрел. Брюсов слушал рассказы солдат и офицеров о злоупотреблениях пруссаков белым флагом, об обстрелах Красного Креста. Он старался быть объективным, описывал и зверства немцев, и то, как тщательно и обдуманно они действовали, как строили окопы таким образом, чтобы бойцы и при наступлении, и при отступлении оказывались под прикрытием. Разговаривая с солдатами, выяснял, что перестрелке, при которой не видишь врага в лицо, передвигаясь из окопа в окоп, они предпочитают штыковую атаку: «Суворовская традиция оказалась живой в нашей армии, и наши солдаты до сих пор “пуле-дуре” предпочитают “штык-молодец”» (Там же). В качестве газетных материалов посылались и стихи — в частности, публикуемое в настоящем издании стихотворение «Западный фронт».

Брюсов находился в Варшаве до мая 1915 г. Уезжая, он думал, что проведет в Москве всего две-три недели, но вернуться на театр военных действий ему уже не довелось (см. его письмо С. А. Венгеру от 30 мая 1915 г. (Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 684)). В августе 1915 г. территория российской Польши была оккупирована Германией и Австро-Венгрией.

В начале марта 1917 г., еще до образования «коалиционного правительства», Брюсов произнес на собрании писателей в Москве речь, затем переработанную в статью «Как прекратить войну?» (опубликована в том же году, до созыва Учредительного собрания). Здесь говорилось, что благо России, обеспечение обретенной свободы заключается в скорейшем окончании войны. Но это не должен быть мир «какой бы то ни было ценой», не должен он быть

и сепаратным. Его следует заключить на приемлемых для России условиях и по соглашению с союзниками. «Во имя всего великого, чем мы сейчас обладаем, во имя светлого будущего, открывающегося перед нами, во имя упрочения и развития русской свободы, — мы должны призывать к отражению нового германского нашествия, грозящего нам, к неумолимому продолжению войны, которое одно обеспечивает нам “приемлемый” мир» (*Брюсов В. Я. Как прекратить войну: О современном положении России. М., 1917. С. 31.*)

Фламандцам

Впервые: Русская мысль. 1914. № 8–9. Включено Брюсовым в книгу его стихов «Семь цветов радуги: Стихи 1912–1915 гг.» (М., 1916). Написано 7 августа 1914 г. Печатается по: *Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М.: 1973. Т. 2. С. 156.*

3 августа 1914 г. Германия объявила войну Бельгии; на следующий день произошло вторжение германских войск. В 1915 г. Брюсов посвятил захваченной немцами Бельгии несколько статей в «Русских ведомостях» («Немецкие оправдания» (№ 3, 4 янв.), «Страдания и величие Бельгии» (№ 8, 11 янв., № 9, 13 янв.)).

¹ *Народ Верхарна! не напрасно вещей Тебя прославил: жив твой мощный дух!* — Эмиль Верхарн (Verhaeren, 1855–1916) — бельгийский поэт, писавший по-французски. Брюсов стал первым переводчиком стихов Верхарна на русский язык (1906). В статье «Данте современности» (1913) Брюсов назвал Верхарна «великим фламандцем» и, в частности, писал: «Есть еще обширный круг людей, которые считают Верхарена преимущественно “своим поэтом”: это — его соотечественники, соплеменники, жители Фландрии. Для них Верхарен — поэт “родной” и “народный”. Маленькая Бельгия, бывшая когда-то Фландрией, великой, могучей, славной, видит в Верхарене национального певца своего яркого прошлого, своего скромного, но исполненного надежд настоящего и своих гордых мечтаний о лучшем будущем. И Верхарен не устает славить свою родину, которую любит безотчетной любовью сына к матери, не устает изображать ее пейзажи, виды ее могучих рек, перегороженных грандиозными плотинами, ее тучных пастбищ, кудрявых лесов, сумрачных дюн, и “ее” моря, — рисовать картины ее “городков с коньками” («les villes a pignons»), типы их незаметных обитателей, особенности народных празднеств (кermesses), прелесть памятников ее старины, — вызывать из забвения образы ее “героев”, давнего и недавнего прошлого, всех этих Вильгельмов, Филиппов, Бодуэнов, с красивыми прозвищами “Смелый”, “Железная рука”, “Прекрасный”, так много говорящими родному воображению. Серия сборников Верхарена “Toute la Flandre”, несомненно, должна стать в Бельгии национальной книгой (и становится уже, так как она принята в школах) и национальной гордостью, любимым чтением детей и взрослых, всех, кому дорога родная страна, — почти тем же для Фландрии, чем для Эллады были поэмы Гомера. “Вы цените в Верхарене мыслителя, новатора стиха, поэта-ученого, — могут сказать фламандцы, — мы же ценим и любим в нем певца нашей страны, выразителя нашей души, наш собственный голос!”» (День. 1913. 25 ноября. Приложение).

² *Карл Смелый* (1433–1477) — последний герцог Бургундии из династии Валуа; отличался необычайной личной отвагой; погиб на поле боя, не оставив

наследника. После его смерти принадлежавшая ему обширная часть Бургундских Нидерландов была поделена между Францией и Габсбургами.

³ *Бодуэн Железная Рука* (ум. 879) — основатель самостоятельного фландрского графства; прозвище Железная Рука получил за храбрость в боях, в частности — за защиту своих территорий от нападений викингов. Бодуэна (как и Карла Смелого) Брюсов упоминает в статье о Верхарне (см. выше).

⁴ *Нам не забыть, как ты в любимом Льеже Свою свободу гордо ограждал.* — Осада Льежа — первая битва на территории Бельгии — началась за два дня до 7 августа (даты, которой помечено стихотворение). Несмотря на отчаянное сопротивление, 16 августа 1914 г. Льеж был взят немецкой армией.

⁵ *С дней Марафона...* — Битва при Марафоне (490 г. до н. э.) — одно из крупнейших сражений греко-персидских войн, в котором персы потерпели сокрушительное поражение.

Западный фронт

Впервые: Русские ведомости. 1914. № 290, 17 дек. Включено Брюсовым в книгу его стихов «Семь цветов радуги» (см. выше). Печатается по: *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 155–156.

¹ *От Альп неподвижных до Па-де-Кале Как будто дорога бежит по земле...* — Речь идет о протяженности Западного фронта. Находясь в Польше, Брюсов неоднократно осматривал территории, на которых прошли бои (см. выше), — эти впечатления и легли в основу стихотворения.

Пиршество войны

Впервые: Клич. М., 1915. Включено Брюсовым в книгу его стихов «Семь цветов радуги» (см. выше). Написано в ноябре — начале декабря 1914 г. Печатается по: *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 151–152.

В ноябре 1914 г., когда под Ловичем, городом, расположенным к западу от Варшавы, проходили ожесточенные бои, Брюсов совершил поездку в Березины и Лович. 15 ноября он описал ее в корреспонденции для «Русских ведомостей»: «Окопы пусты; но около них, там и здесь, навзничь, ничком на боку, раскинув руки или прижав их к груди, с лицами, то искаженными мукой, то странно-спокойными, лежат тела немецких солдат. Большинство из них — в своих темных мундирах; другие — полураздеты: с них сняты сапоги и куртки. <...> Есть среди убитых юноши, почти мальчики, с кроткими личиками, с едва пробивавшимися усиками; есть люди пожилые, серьезные... <...> На войне, в походе, убитых приходится видеть каждый день, и люди осваиваются с мыслью, что смерть — обычное событие в ряду других событий нашей жизни. <...> Сзади нас — разрушенная, сожженная деревня. Под немолкнувший треск пулеметов идем ее осматривать. <...> Среди обгорелых деревьев — скудные следы деревянных срубов и полуразвалившиеся печи, более ничего. Такого полного разрушения целого поселка мне еще не доводилось видеть на этой войне. <...> Автомобиль быстро катит по опустелому шоссе, уже знакомой дорогой к Варшаве. Промелькнул Лович. Во многих домах стекла разбиты от сотрясения воздуха во время артиллерийского боя» («В тылу боя: (Поездка в Лович)» (№ 268, 20 нояб.)).

Аэропланы над Варшавой

Впервые: Брюсов В. Семь цветов радуги: Стихи 1912–1915 гг. М., 1916. Написано 24 декабря 1914 г. Печатается по: Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 2. С. 150.

Впечатления, переданные в стихотворении, двумя неделями раньше (10 декабря) были описаны Брюсовым в статье «Мимоходом: I. Опять аэропланы»: «Вражеский аэроплан — не новость для варшавян: много они перевидали воздушных разбойников за эту войну. Но зато варшавяне хорошо знают, чего можно ожидать от летающих немцев. Легкое смятение пробегает по всем улицам, с одного конца города до другого. Прохожие останавливаются, всматриваются в высь; соседи обмениваются друг с другом замечаниями; одно чувство охватывает всех. Замечательно, что не только паники, но даже сколько-нибудь значительного волнения теперь не замечается никогда. Несколько более нервных дам и более осторожных мужчин укрываются под воротами. Но и оттуда они каждую минуту выбегают на внутренний двор поглядеть на аэроплан. Большинство остается на улице; люди стоят “шпалерами” вдоль тротуаров, закинув голову вверх. А многие идут своей дорогой дальше, по своим делам. <...> С прусским упрямством немец описывает над городом большой круг, выбирая место, куда бросить бомбы. Аппарат движется плавно, не увеличивая и не уменьшая скорости. “Бум-бум!” — начинается обстрел аэроплана с варшавских фортов. То там, то здесь взлетают в небо словно туго замотанные клубки белого дыма. Остановившись, они быстро распутываются в синеве, а потом начинают медленно таять, разливаясь белесоватым паром. Не растаял еще один клубок, как уже взлетели два других, третий, четвертый. Над всеми крышами — эти мотки шрапнельных выстрелов. Напряжение толпы достигает высшей точки. Люди пятятся к стенам, взбираются на ступеньки подъездов, перебегают на другой тротуар, чтобы лучше видеть. Охота по немецкому “голубю” увлекает всех. <...> Небольшая группа замедлила в Саксонском саду. Здесь воздушный разбойник сбросил-таки бомбу, по счастью не причинившую вреда людям» (Русские ведомости. 1914. № 289, 16 дек.).

**Федор Сологуб
(1862–1927)**

Федор Сологуб (наст. имя и фамилия — Федор Кузьмич Тетерников) оказался в числе тех, кто воодушевленно принял войну с надеждой на политическое и нравственное обновление общества, ради которого свершается великий христианский подвиг высшего самопожертвования. Об этом он писал в статье «Почему символисты приняли войну» (1914). В 1915–1916 гг. он совершил поездку по центральной России и Сибири с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях поэтов», неоднократно выступал на военную тему и в печати. В статье «Выбор ориентации» Сологуб писал, что если русская интеллигенция желает, чтобы война для неё стала «освободительной», «ей придётся многое преобразовать в строе своего миропостижения», прежде всего — пересмотреть характер европейской ориентации русской культуры. Уподобляя русскую и европейскую культуры евангельским Марии и Марфе, Сологуб заявлял: «Европейская культура потребна нам только отчасти, в предметной своей части, а не целиком, как

мы хотели её взять. Никогда, думаю я, не дойдём мы до того “культы вещей”, которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело её, Марфу. <...> Это не значит, конечно, что нам следует отвергнуть материальную культуру Европы. <...> Пусть побывавшая в европейской школе Марфа хлопочет и заботится о всём внешнем, — хозяйкою нашего великого русского дома остаётся всё же мечтательная и молитвенная Мария, сидящая у ног Христовых. Мы — не Запад, и никогда Западом не будем. Мы — Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное своё, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов» (Отечество. 1914. № 6, 14 дек.). Спустя полгода в статье «Гадания» Сологуб выражал уверенную надежду: «Эта война из обывателя, мужика или мещанина, выковывает гражданина, человека с высоким сознанием своих прав и обязанностей; объекты права превращаются в субъекты права; героическая способность самоотверженно сражаться спаивается огнём и кровью с ясным сознанием целей, которые народ себе поставит». И далее Сологуб предсказывал, что идет не последняя война с Германией, что России предстоит еще следующая война с ней. «И, может быть, ещё долго будут ударяться о наши границы волны тевтонских нашествий, — до той поры, пока прочная гражданственность не скуёт из России чертога несокрушимого» (Биржевые ведомости. 1915. № 14919, 22 июня. Утр. вып.). В пророческом тоне звучат и другие высказывания Сологуба о войне: «Германия, возмнив себя богоизбранною страной сверхчеловека, стала на роковой для неё путь, и на этом пути ей грозит участь иного, действительно богоизбранного племени, которое за святое величие возвещённых через него законов платится веками рассеяния и гонений. Был свой час истины и величия у Германии, когда её философия и её искусство навсегда вошли в сокровищницу всечеловеческой культуры. Слишком быстро истоцила Германия своё историческое призвание, и в недобрый для себя срок она вызвала на борьбу с собою ещё не явленные миру духовные силы славянства» (Сологуб Ф. До Урала // Биржевые ведомости. 1915. № 15047, 25 авг. Утр. вып.).

Испытывая подобные настроения, Сологуб не мог не откликнуться на войну стихами. Некоторые из них поставили критиков в тупик: Сологуб начал писать и печатать ура-патриотические вирши, несопоставимые с тем уровнем мастерства, которым отличалась его поэзия (см.: Дикман М. И. Поэтическое творчество Федора Сологуба // Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979. С. 65–66 (Библиотека поэта. Большая сер.)). Возможно, в стихотворных высказываниях на военную тему он сознательно стремился к «опрощению». В 1915 г. он объединил свои военные стихи в сборнике «Война». Оценивая этот сборник, Георгий Иванов писал: «...Федору Сологубу не следовало издавать свои военные стихи отдельной книжкой. По-видимому, чтобы получилась даже эта тоненькая тетрадка — поэту пришлось собрать все свои “отклики на события”, и балласт слабых стихотворений слишком дает себя чувствовать» (Иванов Г. О новых стихах // Аполлон. 1915. № 3, март. С. 51).

Стансы Польше

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14352, 4 сент. Утр. вып. Написано 12 августа 1914 г. Печатается по: *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1979. С. 65–66 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Стихотворение связано с вторжением немецких войск на территорию Польши, входившей в состав Российской империи.

Имени твоему

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14392, 24 сент. Утр. вып., без заглавия. Печатается по: *Сологуб Ф.* Война: Стихи. Пг., 1915. С. 25.

Заглавием служат слова из 113 псалма (ст. 9): «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей».

**Николай Яковлевич Агнивцев
(1888–1932)**

В годы войны, как и до нее, стихи и драматические сценки Н. Я. Агнивцева печатались в «Петербургской газете», «Биржевых ведомостях», в журналах «Столица и усадьба», «Солнце России», «Сатирикон», «Новый сатирикон», «Пятак», «Голос земли» и др. Поэт сочинял тексты песен для эстрады, звучавшие в петроградских литературных и артистических кафе, театрах-кабаре, в ресторане «Вена». Первую мировую войну Агнивцев встретил воодушевленно. Он помещал в периодике патриотические стихи и в 1915 г. выпустил сборник «Под звон мечей», отражавший его настроения первых военных месяцев. Сборник наполнен выпадами против «швабских гномов». Призыв Агнивцева: «Пусть каждый бьется тем, чем может: Солдат — штыком, поэт — пером» — позднее был подхвачен Маяковским. Стихи, вошедшие в настоящее издание, никогда больше не переиздавались при жизни автора. Они, по мнению О. Кушлиной, — всего лишь «казенная патриотическая лирика». «Такие стихи тогда, в военное время, увы, писали почти все. А потом, — и тоже почти все, не любили о них вспоминать. Агнивцев — не исключение» (*Кушлина О.* Поэт — и больше ничего... // *Агнивцев А.* Мои песенки. М., 2003. С. 11–12). Не любят вспоминать о сборнике «Под звон мечей» и биографы, исследователи творчества Н. Я. Агнивцева. В самой подробной книге о поэте «Странник нечаянный» Е. З. Куферштейна (СПб., 1998) нет слова ни об этом сборнике, ни о жизни Н. Я. Агнивцева во время войны.

Пора

Впервые: *Агнивцев Н. Я.* Под звон мечей. Пг., 1915. С. 3. Печатается по этому изданию.

¹ *Беатриче* — возлюбленная Данте Алигьери (1265–1321), воспетая в книге «Новая жизнь» («*Vita Nuova*», 1292) и «Божественной комедии» («*Commedia*», 1307–1321).

² *Картечь* — артиллерийский снаряд, начиненный мелкими круглыми пулями, для массового поражения на близком расстоянии.

³ *Швабский гном* — т. е. немец.

⁴ *Горн* — печь для накаливания и переплавки металлов.

**Сергей Александрович Есенин
(1895–1925)**

Поэтические отклики Есенина на события Первой мировой войны немногочисленны. В августе 1914 г. он работал над поэмой «Галки» (ныне неизвестна), в которой, по воспоминаниям Г. Д. Деева-Хомяковского, «ярко отобразил поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жен по убитым» (С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 149). 1915 г. стал одним из решающих в творческой судьбе Есенина: в марте этого года состоялось его знакомство с петербургским литературным миром; он встречается с А. А. Блоком, С. М. Городецким, Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Рюриком Ивневым, М. Кузминым, О. Э. Мандельштамом, Ф. Сологубом, бывает на поэтических вечерах, выступает с многочисленными публичными чтениями стихов. И в том же марте 1915 г. он попадает в число досрочно (на год раньше срока) призванных на военную службу. Есенин надеялся получить освобождение от службы по причине своей близорукости (2 июня 1915 г. он писал Л. В. Берману: «Меня забрили в солдаты, но, думаю, воротят, я ведь понижа <близорукий>. Далёко не вижу. На комиссию отправ<или>» (*Есенин С. Полн. собр. соч.*: В 7 т. М., 2005. Т. 6. С. 70)), однако этого не произошло, поэт получил отсрочку только до осени. В октябре 1916 г. С. М. Городецкий, познакомивший Есенина и Клюева с полковником Д. М. Ломаном, уполномоченным ее величества по полевому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 е. и. в. государыни императрицы Александры Федоровны, отправил Ломану письмо с просьбой содействовать зачислению Есенина в поезд для прохождения воинской службы. 12 апреля 1916 г. поэт призван на военную службу и зачислен ратником II разряда в списки резерва. Его приписали к военно-санитарному поезду под командованием полковника Ломана, позже он сам признавался, что «был представлен ко многим льготам» (*Есенин С. Полн. собр. соч.* Т. 7, кн. 1. С. 12). Обслуживающий персонал поезда был размещен в Царском Селе, в поселке, именованном Федоровским городком. От вновь возникшей опасности быть призванным на фронт Есенина спас Н. Клюев, который обратился к Ломану с просьбой как можно скорее отправить молодого поэта на поезд (Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М., 1995. С. 310).

27 апреля 1916 г. военный поезд № 143 отправился в Крым, а затем в Киев. В течение следующих полутора месяцев поезд курсировал по разным городам, принимая больных и раненых. Обязанностью Есенина «было записывать имена и фамилии раненых», — со слов брата рассказывала Екатерина Есенина. «Ему приходилось бывать и в операционной. Он говорил об операции одного офицера, которому отнимали обе ноги» (*Есенина Е. В Константинове // Сергей Есенин глазами современников.* СПб., 2006. С. 42). 13 июня 1916 г. Есенину был выписан пятнадцатидневный отпуск, большую часть которого он провел в Константинове. В конце июня он вернулся к месту службы, однако на передовые позиции направлен не был, а остался в Царском Селе при Федоровском Государевом соборе и, получая многочисленные увольнения, ездил в Петроград и Москву. В своей автобиографии С. Есенин писал: «Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда я угодил за то, что отказался написать стихи в честь царя» (*Есенин С. Полн. собр. соч.* Т. 7,

кн. 1. С. 12; эта версия вызвала недоверие, выраженное В. Ф. Ходасевичем — см.: *Ходасевич В. Ф. Некрополь // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 130).*

Русь

Впервые: Новый журнал для всех. 1915. № 5, май. С. 4 (фрагмент 2: «Но люблю тебя, родина кроткая ~ Сладкий отдых в шелку купырей»); впервые полностью: Северные записки. 1915. № 7–8, июль-август. С. 77–79. Печатается по: *Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 2. С. 17–21.*

Сохранились воспоминания С. Д. Фомина об авторском чтении поэмы: «В начале 1915 г., еще перед отъездом в Петербург, Есенин является к товарищам, где был и я, с большим новым стихотворением под названием “Русь”. В тесной накуренной комнате все притихли. Зазвенел голос белокурого Сережи. <...> Читал Сережа с душой и с детски чистым и непосредственным проникновением в те события, какие надвигались на любимую им, мужичью, в берестяных лапотках, Русь. <...> Есенин стихотворением “Русь” <...> гигантски шагнул вперед. Этим стихотворением он и приобретает себе известность и имя» (Памяти Есенина. М., 1926. С. 130–131). 25 октября 1915 г. Есенин читал «Русь» на поэтическом вечере группы «Краса», в которую входили новокрестьянские писатели. Отзыв о его чтении З. Д. Бухаровой появился в «Петроградских ведомостях» (1915. № 247, 4 нояб.; подпись: З. Б.): «И когда он начал с характерными рязанскими ударениями на “о” рассказывать меткими ритмическими строками о страданиях, молитвах, надеждах родной деревни («Русь»), когда засверкали перед нами необычные по свежести, забытые по смыслу, а часто и совсем незнакомые обороты, слова, образы, — когда перед нами предстал овеванный ржаным и лесным благоуханием “Божией милостью” юноша-поэт, — размягчились, согрелись холодные, искушенные, неверные, темные сердца наши, и мы полюбили рязанского Леля». Поэма явно имела успех. 25 августа 1915 г. Л. И. Каннегисер сообщал Есенину: «За лето читал твои стихи в “Огоньке”, в “Русской Мысли”, в “Северных записках”. Всем они очень нравятся, а особенно “Русь”» (Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. М., 1995. С. 206). В 1922 г. П. С. Коган писал о поэме в очерке творчества Есенина: «...эту смиренную Русь любит Есенин. К ней прилагает он эпитеты мирной и кроткой. Русь — “милая родина, сладкий отдых в шелку купырей”. И даже тогда, когда грянул гром и “повестили под окнами сотские ополченц<ам> идти на войну”, он постигает поэзию покорности в том, как “мирные пахари” собирались в поход — без печали, без жалоб, без слез» (Красная новь. 1922. № 3, май-июнь. С. 155).

¹ ...в погорающем инее... — «облетающем, исчезающем инее» (примеч. Есенина на обороте белого автографа поэмы (*Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 2. С. 288*)).

² *Застреха* — «полукрыша, намет соломы у карниза» (примеч. Есенина — Там же).

³ *Шаль пурги* — «снежный смерч (вьюга) (зга) (мзга)» (примеч. Есенина — Там же).

⁴ *Галун* — тесьма, шитая золотом или серебром, нашивка из такой тесьмы.

⁵ *Тальянка* — искаженное «итальянка» — обобщенное народное название различных видов русской гармонии. В конце XIX в. их стали именовать

тальянками — вероятно, из-за сходства с инструментами, на которых играли уличные бродячие иностранные музыканты, чаще всего итальянцы.

⁶ *Купырь* — растение семейства зонтичных.

⁷ *Сотский* — в царской России низший полицейский чин в деревне, выбираемый из крестьян.

⁸ *Зыгыгыкали* — заплакали, заскулили.

⁹ *Провожал их огулом народ...* — т. е. провожал весь народ.

¹⁰ *...бластились...* — «Бласт» — «видение» (примеч. Есенина — Там же).

Богатырский посвист

Впервые: *Новь*. 1914. № 122, 23 ноября. Печатается по: *Есенин С.* Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 2004. С. 72–73.

¹ *Сошник* — режущая часть сохи.

² *Сермяга* — суконный кафтан.

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945)

Начало Первой мировой войны З. Н. Гиппиус и Д. Н. Мережковский встретили резким неприятием. Много лет спустя в биографической книге о муже Зинаида Николаевна вспоминала: «Оба мы сказали решительное “нет” войне» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 215). Осквернением человечества назвала Гиппиус войну в докладе «Великий путь» на собрании Религиозно-философского общества в ноябре 1914 г. (см. также под другим названием: *Гиппиус З.* История в христианстве // Записки Петроградского религиозно-философского общества 1915–1916 гг. Пг., 1916. Т. 6. С. 20–28).

Во время войны и в начале революции Гиппиус вела «Петербургский дневник», записи 1914–1917 гг. она назвала «Синяя книга». Первая запись была сделана 1 августа 1914 г.: «Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного — война!» (*Гиппиус З.* Дневники: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 382). Множество раз повторяется в дневнике, что в безумии и страхе войны лучше, вернее — молчать. «Я ее <войну> отрицаю не только метафизически, но исторически... т. е. моя метафизика истории ее, как таковую, отрицает... и лишь *практически* я ее признаю. Это, впрочем, очень важно. От этого я с правом сбрасываю с себя глупую кличку “пораженки”. На войну нужно идти, нужно ее “принять” ... но принять — корень ее отрицая, не затемняясь, не опьяняясь; не обманывая ни себя ни других — не “снижаясь” внутренне» — так писала Гиппиус о войне 14 декабря 1914 г. (Там же. С. 390). 1 апреля 1915 г.: «Отношение к войне у многих очень хорошее, трезвое, свежее, сознательное. О, война! Тяжесть и утомление мира неопишутемы. Такого в истории мы еще не видали» (Там же. С. 392). Несколько позже она утверждала, что только «честная революция» может прекратить войну: «ПРИ ЭТОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЯ ПРИЛИЧНО С ВОЙНОЙ НЕ РАЗВЯЖЕТСЯ» (Там же. С. 418, запись от 24 ноября 1915 г.). 18 июня 1916 г. Гиппиус записывает: «Война — единое возможное искупление прошлого. Сохранение будущего. Единое

средство опомниться. Последнее испытание» (Там же. С. 518). Комментарий к изменениям в позиции Гиппиус находим у М. Вишняка: «Когда началась Первая мировая война, Гиппиус была против нее: против “православного патриотизма” и “аксаковской славянофильщины”, за “антинационализм”. Не прошло, однако, и полугода, и в первой половине 15-го года Гиппиус была уже за успешное продолжение и окончание войны — на свой лад. Она ни с “правыми”, ни с “средними”, ни с “левыми” — “ни Дурново, ни Милуков, ни Чхеидзе”; она за “революционно-творческое начало” в отличие от эволюционно-творческого и революционно-разрушительного. В будущем она назовет это “Честным центром”, или “Третьим путем”» (*Вишняк М. З. Н. Гиппиус в письмах // З. Н. Гиппиус: Pro et contra. СПб., 2008. С. 672.*)

Стихи, написанные в годы войны, Гиппиус включила в поэтический сборник «Последние стихи. 1914–1918», вышедший в 1918 г.

Тише!

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14498, 16 ноября. Утр. вып. (под заглавием: «С любовью» и с эпиграфом: «...после славной победы // Нация стала союзом племен... (Сологуб. 7-го авг. 1914 г.)»). Печатается по: *Гиппиус З. Н. Стихотворения. СПб., 1999. С. 205* (Новая библиотека поэта).

¹ Эпиграф взят из стихотворения Ф. Сологуба «Марш» (впервые опубликовано в газете «День» 7 августа 1914 г., вошло в кн.: *Сологуб Ф. Война: Стихи. Пг., 1915. С. 8.*)

Сергей Константинович Маковский (1877–1962)

С. К. Маковский — художник, критик, искусствовед, поэт, издатель, редактор, организатор художественных выставок, мемуарист, был сыном известного художника К. Е. Маковского. В 1905 г. выпустил книгу «Собрание стихов». В 1906–1908 гг. читал лекции по истории искусства в Рисовальной школе Общества Поощрения художеств. В 1909, 1909, 1913 гг. вышли три тома книги С. К. Маковского «Страницы художественной критики». Он был основателем и редактором журнала «Аполлон» (1909–1917), ставшего одним из центров литературной и художественной жизни того времени. После начала Первой мировой войны, когда многие журналы закрылись, «Аполлон» продолжал выходить, придерживаясь установленного направления — сохранения лучших традиций русского искусства. В «Аполлоне» регулярно печатались стихи, посвященные войне, в том числе публикуемые в настоящем издании стихотворения Анны Ахматовой, Рюрика Ивнева, Георгия Иванова, Осипа Мандельштама, Бориса Садовского, Николая Гумилева, Михаила Кузмина, Вячеслава Иванова, Поликсены Соловьевой.

«Война! Пророки не солгали...»

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. С. 5. Печатается по этому изданию.

¹ *Алексей Степанович Хомяков (1804–1860)* — признанный вождь славянофилов. В 1854 г., в период войны России с Турцией (Восточная война

1853–1856 гг.; на стороне Турции выступили Англия и Франция), Хомяков стал автором ряда программных стихотворений, в которых звучит пророчество о predetermined свыше исторической миссии России, призванной, по его убеждению, добиться освобождения порабощенных славян (см.: «Суд Божий», «Россия», «Раскаявшейся России»). Смысловое, интонационное и образное содержание стихотворения Маковского вторит этим стихам Хомякова. Как редактор «Аполлона» Маковский, разумеется, знал, что в том же номере журнала публикуется статья М. Кузмина «Аналогия или провидение? (О А. С. Хомякове как о поэте)», специально посвященная тому, насколько совпадают лирические сюжеты Хомякова с событиями 1914 г.

² *День грозный Божьего суда!* — Ср. название стихотворения А. С. Хомякова «Божий суд».

³ *Венгра и тевтона...* — Имеются в виду Австро-Венгрия и Германия.

⁴ *Ивановских богатырей!* — Речь идет о русских войсках, в августе-сентябре 1914 г. выигравших под командованием генерала Н. И. Иванова (1851–1919) одно из крупнейших сражений Первой мировой войны — Галицийскую битву, в результате которой была занята почти вся восточная Галиция, почти вся Буковина и осажден Перемышль.

⁵ *От заповедного Босфора ~ Над куполом Софии — крест.* — Завоевание Константинополя (Царьграда, нынешнего Стамбула) со времен Олега Вещего оставалось русской политической мечтой, получившей еще в Средние века религиозный смысл восстановления и укрепления подлинного православия. Пролив Босфор, на обоих берегах которого расположен Константинополь, а также Царьград упоминаются и Хомяковым в стихотворении «Божий суд». Собор Святой Софии, центр византийского православия, после завоевания Константинополя османами в 1453 г. был превращен в мечеть. В первых числах ноября 1914 г. Россия, Сербия, Черногория, Англия и Франция объявили войну Турции.

Велимир Хлебников (1885–1922)

Первая мировая война — событие, которое радикальным образом повлияло на футуриста, или «будетлянина», как он сам себя называл, Велимира Хлебникова (наст. имя Виктор Владимирович), разделило творчество поэта на два больших этапа.

Многие его произведения довоенного периода достаточно воинственны. Во всяком случае, слова «воин» и «война» часто встречаются у Хлебникова, но «воин», в отличие от «войны», всегда имеет положительные коннотации. Ср.: «Воин не наступившего царства приказывает думать и почитать его веру...» (Хлебников *Велимир*. Собр. соч. Т. 6, кн. 1. М., 2005. С. 204), фамилия героя раннего произведения — Воейков. Да и война в отдельных текстах выступает скорее со знаком «плюс», если это война за единство славян, за «попранные права славян» (из воззвания 1908 г.). После начала Первой мировой Хлебников если и ведет войну, то это война не совсем обычная. В повести «Ка» (1915) он вкладывает в уста своему другу-художнику слова: «Я тоже веду войну, только не за пространство, а за время. Я сижу в окопе и отымаю у прошлого клочок времени. Мой долг одинаково тяжел, что и у войск за пространство» (Там же. Т. 5. С. 127).

Одно из его стихотворений, опубликованных в 1916 г., называлось «Написанное до войны». Можно сказать, что с тех пор все свое творчество до 1914 г. — и славянскую тему, и задачу «расширения пределов русской словесности», и поиск числовых закономерностей в истории, и многое другое — Хлебников осмысляет именно так: «написанное до войны».

С войной связано для Хлебникова начало поисков «законов времени»: «Первое решение искать законы времени явилось на другой день после Цусимы. <...> Я хотел найти оправдание смертям», — говорит он в «Досках судьбы» (Хлебников *Велимир*. Собр. соч. Т. 6, кн. 2. С. 10). Здесь, разумеется, Хлебников имеет в виду Русско-японскую войну. Но, несмотря на этот первоначальный толчок, война оставалась для поэта — как и для многих его современников — предметом умозрительным. Только с началом Первой мировой, и тем более после того как Хлебников сам попал в армию, желание победить войну, победить смерть, найдя законы времени, приобрело новую силу.

Он был призван в апреле 1916 г. ратником второго разряда, отправлен из Астрахани в Царицын, в 93-й запасной пехотный полк, оттуда — на освидетельствование в лазарет «чесоточной команды». Из Царицына он пишет отчаянное письмо Н. Кульбину, служившему врачом Генштаба в Петербурге: «Опять ад перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов, а в виде ласки так затягивают пояс на животе, упираясь коленом, что спирает дыхание, где ударом в подбородок заставляли меня и моих товарищей держать голову выше и смотреть веселее, где я становлюсь точкой встречи лучей ненависти, потому что я не толпа и не стадо, где на все доводы один ответ, что я еще жив, а на войне истреблены целые поколения. Но разве одно зло оправдание другого зла и их цепи? <...> побежденный войной, я должен буду сломать свой ритм (участь Шевченко и др.) и замолчать как поэт <...> Я чувствую, что какие-то усадьбы и замки моей души выкорчеваны, сравнены с землей и разрушены <...> Я дервиш, йог, марсианин, что угодно, но не рядовой пехотного запасного полка» (Там же. С. 178).

После нескольких комиссий Хлебникова переводят в Саратов, в учебную команду 90-го запасного пехотного полка. Как окончивший гимназию, он мог рассчитывать на обучение в школе младших офицеров. Характерен эпизод из его письма домой, показывающий, каким бы поэт стал прапорщиком: «В Саратов меня не пустили: дескать, я не умею отдать честь <...> Я и в самом деле отдал честь, держа руку в кармане...» (Там же. С. 191). В мае 1917 г. ему удалось получить пятимесячный отпуск, и из-за революционных событий в армию Хлебников уже не вернулся.

В произведениях, написанных вскоре после начала Первой мировой, несколько раз слово «война» вынесено в заглавие. Интересна жанровая принадлежность этих текстов: «Новое учение о войне» — прозаическое сочинение, историософское произведение, непосредственно посвященное поиску законов времени; «Стихи (из войны)» — произведение необычного жанра, война здесь становится «строительным материалом», из которого складывается текст. Наконец, это цикл стихотворений «Война в мышеловке».

Смерть в озере

Впервые: сб. Четыре птицы. М., 1916. Печатается по: Хлебников *Велимир*. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. С. 312.

Вероятно, связано с гибелью армии генерала А. В. Самсонова в августе 1914 г. в битве при Танненберге и последующим Мазурским сражением (при Мазурских озерах). Эти события, в результате которых русские войска были вытеснены из Восточной Пруссии, вызвали большой общественный резонанс. Проводились исторические параллели с происшедшей в тех же краях Грюнвальдской битвой (1410), в которой войска Тевтонского ордена были разбиты польско-литовско-русской армией. Идея закономерного чередования военных удач и поражений была чрезвычайно важна для Хлебникова в его работе над «законами времени».

¹ *Полюдь* — подушный сбор дани.

² *Кто на Висле о Доне поет*. — Накануне битвы армия генерала А. В. Самсонова, значительную часть которой составляли донские казаки, двигалась из междуречья Нарева и Вислы.

³ *Гати* — здесь: шлюзы.

Рюрик Ивнев (1891–1981)

Рюрик Ивнев (наст. имя и фамилия — Михаил Александрович Ковалев) — поэт, беллетрист. Получил начальное военное образование (Тифлисский кадетский корпус), окончил юридический факультет и с 1915 по 1917 г. служил в Канцелярии государственного контроля — ведомства, занимавшегося ревизией казенного имущества. Входил в круги столичной художественной богемы, выступал на поэтических вечерах, печатался в футуристических изданиях — сборниках «Мезонин поэзии» и «Центрифуга», альманахе «Очарованный странник» и др., был завсегдатаем литературных салонов и кабаре. В своих воспоминаниях Рюрик Ивнев рассказывает: «В 1916 году, когда уже всюду полыхал пожар Первой мировой войны, воодушевленный всеобщим патриотическим порывом, я захотел на фронт. Но добровольцем я пойти не мог — по здоровью был забракован. Для корреспондента был слишком молод. Оставался один путь — Красный крест. Тогда я работал в Канцелярии Государственного контроля. На эту должность еще до войны меня назначил сам министр — государственный контролер Петр Алексеевич Харитонов — мой дядя» (*Рюрик Ивнев. Жар прожитых лет: Воспоминания. Дневники. Письма*. СПб., 2007. С. 152). П. А. Харитонов командировал племянника в военно-полевую госпиталь, расположенный под Гельсингфорсом, для осуществления обязанностей, связанных с полевым контролем. Его пребывание там было, однако, совсем недолгим. Описанный эпизод мог относиться к январю — первой половине апреля 1916 г., так как 21 апреля этого года П. А. Харитонов скончался. В дневниках Рюрика Ивнева эпизод не отражен, поскольку более или менее систематические записи за 1916 г. начинаются с 28 мая (см.: *Рюрик Ивнев. Дневник 1906–1980*. М., 1012. С. 144 и след.).

«От скованного Перемышля...»

Первая публикация не установлена. Печатается по: *Иванов Г. Испытание огнем: (Военные стихи) // Аполлон. 1914. № 8. С. 56.*

Откликаясь на стихи, посвященные военной теме, Георгий Иванов писал: «Как это ни странно — слабее всех отозвались на войну, в мирное время всяче-

ски прославлявшие ее, футуристы. В одном московском журнале появились вымученные и неприятные стихи В. Маяковского, В. Шершеневича и др. Немногим лучше то, что дал Игорь Северянин». Приведем стихотворение Северянина «Я не сочувствую войне...», Иванов продолжал: «Гораздо интереснее строфы другого петроградского футуриста — Рюрика Ивнева. В них есть живой поэтический трепет <следует текст стихотворения>» (Аполлон. 1914. № 8. С. 55–56).

¹ *От скованного Перемышля...* — Имеется в виду время частичного снятия осады Перемышля (Przemysl — город в Польше на реке Сан, австрийская крепость, после Галицийской битвы была взята в осаду русскими войсками 4 (17) сентября 1914 г.) в связи с отходом русских войск на восточный берег реки Сан в октябре 1914 г.

² *Навстречу Краковским фортам.* — На линии фортов Кракова в начале ноября 1914 г. русскими войсками были отражены атаки 9-й германской армии под командованием генерала А. фон Макензена, пришедшей на помощь Австрии.

Георгий Владимирович Иванов (1894–1958)

К началу Первой мировой войны Георгий Иванов — автор двух поэтических сборников («Отплыть на о. Цитеру» и «Горница»), член Цеха поэтов, неизменный сотрудник столичной периодической печати, литературный соратник Николая Гумилева, Михаила Лозинского, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама и т. д. Изданный в самый разгар войны, в 1916 г., сборник стихов «Вереск» дает яркое представление, чем поэт жил и продолжает жить. Ни одного слова о войне книжка не содержит.

Из того несомненного факта, что политического заряда лучшие стихи Георгия Иванова не несут, опрометчиво сделать вывод, что как «гражданин» поэт не мыслил и мыслить не хотел. Наоборот, в этом регистре мысль его работала очень отчетливо и даже прозорливо. Хотя и была, по его ощущению, одномерной, как всякая политическая мысль.

Не только соответствующие стихи периода Первой мировой войны, но и иные его частные разговоры о судьбах России тому прямое свидетельство. 16 января 1948 г. В. Н. Бунина записывает в дневнике беседу с Георгием Ивановым. Поэт — за полвека до событий, на наших глазах происшедших, — буквально заглядывает в наши дни: «И если мы доживем до ее (России. — А. А.) воскресения, то не мечтайте, что ее границы будут прежними. Она будет — Великороссией, Украина отделится и т. д.» (цитируем этот фрагмент, исключенный М. Грин из издания «Устами Буниных: Дневники» (Франкфурт-на-Майне, 1982. Т. 3. С. 187) по любезно переданной нам Ричардом Дэвисом ксерокопии оригинала из Русского архива в Лидсе: M S. 1067/423. — А. А.).

15 (28) июля 1914 г. настигает Георгия Иванова в Литве, в Лиде, но уже в начале августа он в Петербурге и тут же вступает в «бой». 6 сентября 1914 г. в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» появляется его стихотворение «Вильгельму II»:

В стране солдатчины и Канта
Родился ты, Вильгельм второй —
Завоеватель без таланта
И без призвания герой.

И т. д. — еще шесть уверенно бичующих неприятеля строф с не совсем ясным все же постулатом: Кант здесь являет фигуру, олицетворяющую собой противоположный, светлый край германского сознания, противопоставлен «солдатчине» или ставится с ней в один ряд? Скорее всего, автор демонстрирует солидарность с настроениями общества, с философом Владимиром Эрном, напечатавшем в том же сентябре прогремевшую статью «От Канта к Крупну», а в литературном плане следует за Пушкиным, за его эпиграммой на Каченовского «Клеветник без дарования...».

Пройдя у Гумилева в «Цехе поэтов», превосходную ремесленную выучку, Георгий Иванов легко дотянул и до «мастера» — в написании сочинений, утверждающих «style russe». Затеянный еще при Александре III, на закате империи он мыслился противовесом декадансу и утверждением «большого стиля». Как расхожую монету его пустили в оборот мировой войны, но прока от него русская культура не дождалась. Хотя ежедневным, сиюминутным целям этот стиль несомненно до поры до времени служил исправно. С первых же дней войны Георгий Иванов приступил к сочинению духоподъемных виршей без всякого труда и забот по части «содержания»:

Сеет дождь. В окопах тесно,
Докучает ядер вой.
Ветер сказ ведет унылый
О родимой стороне.

Забавно в этом стихотворении «Закат в окопах», напечатанном 26 ноября (9 дек.) 1914 г. в вечернем выпуске популярнейших «Биржевых ведомостей», одно обстоятельство — потомок военных в энном поколении, недавно еще учившийся в кадетском корпусе, Георгий Иванов настолько поглощен поэзией, что ему невдомек: ядра уже с середины XIX в. вышли из арсенала боевых средств. Сообразил ли он сам или кто подсказал, но при помещении стихотворения в отдельный ивановский сборник «ядра» пришлось менять на «пушки».

К лубочной народности в годы брани тянуло, естественно, не одного Георгия Иванова, в двадцатилетнем возрасте вкусившего славы и гонораров на страницах «Лукоморья». Первый номер этого столичного еженедельника вышел незадолго до начала войны, 16 апреля 1914 г. Руководил им М. А. Суворин, сын известнейшего издателя «Нового времени». Редактор — А. М. Селитренников, печатавшийся под псевдонимом А. Ренников. Издательством «Лукоморье» за полгода до аполитичного «Вереска» и выпущен сборник Иванова «Памятник Славы». Поэт о нем впоследствии предпочитал не распространяться, да и в момент выхода приватно оценивал достоинства книги, как теперь бы сказали, амбивалентно. Однако надписывалась книжка, эффектно оформленная Егором Нарбутом, не кому попало, преподносилась людям особенно ценным: «Чудесному поэту Анне Ахматовой, не без конфуза — Георгий Иванов. Пг. 1915. Май» (оригинал в библиотеке московского Литературного музея).

По собственному разумению Георгия Иванова и по условиям воспитания уклоняться от службы царю и отечеству молодому поэту никак не следовало бы, как не уклонялись от нее его предки. Что-то должно было сильно подгнуть в николаевском царстве, если из такой семьи, как ивановская, дети ударялись в поэзию и, хуже того, в откровенный декаданс.

Поскольку характерным симптомом, тайной родовой чертой любого декадана является душевный произвол как норма существования, «русский

стиль» у поэтов Серебряного века в большей степени носил черты экзальтированной самовозбужденности, чем откровения. У Георгия Иванова эта самовозбужденность более или менее органично смешивалась с пассаизмом, с «любовью к родному пепелищу, любовью к отеческим гробам». Во всяком случае, когда дело дошло до издания в «Лукоморье» отдельного сборника, он подошел к качеству отбираемой продукции серьезно, газетные стихи вроде «Вильгельму II» отбросил, а те немногие, что включил, подверг тщательной редактуре (тот же «Закат в окопах»).

Широко печатавшимся в «Лукоморье» Федору Сологубу или Михаилу Кузмину Георгий Иванов не уступал ни в лирическом пафосе, ни в патриотической ангажированности. Его стихи в содержательном (равном бессодержательному) плане звучали легче и ярче не всегда прилежных экзерсисов старших мастеров. О «простодушных березках», «знаменах войны» и ее «милых героях», что улетают «в золотое сиянье», у него получалось безыскуснее, чем у твердокаменного Сологуба или явно халтурившего Кузмина, как бы ни расхваливал в ту пору военную продукцию мэтров сам Георгий Иванов. (Однако тому же Сологубу попенял, что тот свой сборник «Война» составил без всякого предварительного отбора — см.: *Иванов Г.* О новых стихах // Аполлон. 1915. № 3. С. 51.)

Вопрос, какими заботами вызван пафос его статей о «военных стихах» в «Аполлоне» 1914–1915 гг., неожиданно уводит от боевой проблематики в иные области. Бессознательно поэт обнаруживает: больше, чем завоевания Константинополя, его душа чаёт опрощения и соответствующей ему эстетики. В глубине души он никакой не «модернист», о чем, быть может, и сам себе прямо не признается. Хотя именно «модернизм» сделал его — в плане выражения — поэтом.

В первом же абзаце своей первой статьи о «военных стихах», напечатанной в «Аполлоне», проговорено, в чем счастье новой стихотворной темы: «...военные стихи наших дней — не только простой отклик на события, всех взволновавшие. Они несут в себе признаки, пусть слабые, но очевидные, подлинного перерождения нашего одряхлевшего модернизма» (*Иванов Г.* Испытание огнем (Военные стихи) // Аполлон. 1914. № 8. С. 52).

Третий сборник Георгия Иванова «Памятник Славы», куда вошли публикуемые в настоящем издании стихотворения, выпущен в свет издательством «Лукоморье» тиражом 1000 экз. в мае 1915 г. (год издания в книге не указан). В сборнике, разделенном на шесть разделов («Памятник Славы», «Нерушимая стена», «Знамена друзей», «Столица на Неве», «Зимние праздники», «Родине») 31 стихотворение. Большая часть из них печаталась в периодике, но для книги заново отредактирована.

Вот небольшая сводка почти всех тогдашних отзывов на ее появление. К ним можно причислить и рецензию на «Горницу», вышедшую за месяц до начала войны, но сочинявшуюся уже тогда, когда «военные» стихи поэта стали печататься в периодике. И вот что заметил безымянный рецензент одного из возникших в столице еженедельников: «Война несколько оживила этого поэта, и его текущие стихи в журналах лучше этой книги» (*Аноним.* Обзор вышедших книг // Голос жизни. 1914. № 2. С. 18).

Противопоставлением стихов Георгия Иванова не только из «Горницы», но и из последовавшего за «Памятником Славы» «Вереска», занялся и Сергей Городецкий — в том же «Лукоморье»: «По-видимому, этот поэт собрал жатву

цеховой работы в предыдущей своей книге “Памятник Славы”, здесь он много сильнее, чем в “Вереске”. В “Памятнике Славы” звучит голос юноши, которого события сделали взрослым. В “Вереске”, наоборот, есть что-то старческое, желающее помальчишествовать» (*Городецкий С.* Поэзия как искусство // Лукоморье. 1916. № 18, 30 апр. С. 20).

Вторили Сергею Городецкому и в Витебске — рецензент, подписавшийся буквой «С.»: «Был один момент в литературной жизни этого поэта, когда показалось, что он заговорил новым для него бодрым и обещающим языком: это было в начале войны, когда Г. Иванов стал было увлекаться военной тематикой. Однако это увлечение прошло, кажется, совсем бесследно для его последующего литературного развития...» (*Витебский вестник.* 1916. № 222, 7 окт. С. 4).

Однако общие оценки «Памятника Славы», несмотря на всю его видимую бодрость «народность» и незамутненный «патриотизм», оказались вполне умеренными. В «Ниве», также регулярно печатавшей Георгия Иванова, отозвались так: «В книжке Г. Иванова почти не найти технических недостатков. Стихи очень гладкие, нередко красивые. Но поэт не ставит своей задачей увлечь читателя, выразить глубокое душевное движение. Нет. Он довольно умело пользуется своим искусством, чтобы изобразить облюбованную сценку, популяризовать какую-нибудь мысль. <...> Менее самостоятелен раздел стихов, посвященных Петрограду. В них есть какая-то напыщенность, чуждая дарованию автора» (*Аноним.* Памятник Славы (рец.) // Ежемесячное литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива». 1915. Т. 2. С. 458).

Не раз запечатленный в мемуарной прозе поэта Александр Тиняков начал свой отзыв просто: «Литературное дарование Г. Иванова представляется нам столь же несомненным, как и скромные размеры этого дарования». Из всех стихов «Памятника Славы» он выделяет стихотворения «Рождество в скиту» и «Суженый», находя, что они «созданы настоящим поэтическим чувством». В стихах же, прямо посвященных войне, Тиняков не видит «ни поэтической силы, ни вкуса» (замечание, по отношению к автору, прославившемуся в литературных кругах своим безупречным вкусом, болезненное, но, увы, в данном конкретном случае справедливое). Впрочем, заключает Тиняков, «поэтическая сила» поэта еще может окрепнуть, а вкус «развиться и облагородиться» (*Тиняков А.* Памятник Славы (рец.) // Новый журнал для всех. 1915. № 9. С. 59–60).

И Городецкий, и Тиняков — известные, вдобавок лично Георгию Иванову известные, писатели. Что же касается текущей газетной критики, то она, как обычно в современной поэту России, была безжалостна. Вот что писала о «Памятнике Славы» кадетская «Речь», раньше других перешедшая на новый грегорианский календарь, но не осведомленная в тонкостях авторского замысла относительно заглавия книги, набранного а газете как «Памятник славы»: «Изящная книжечка свидетельствует о превыспренних чувствах автора, обуреваемого жаждой быть певцом не только в стране русских воинов, но и в стране всех наших союзников (очевидно, авторская или корректорская глухота: нужно «в стане» — по Жуковскому — а не «в стране». — А. А.). Но все это не творчество, а пустозвонная словесность. Особенно забавны интернациональные политические упражнения г. Иванова, который умеет воспевать подвиги решительно всех народов» (*Н. А.* Памятник Славы (рец.) // Речь. 1915. № 176, 29 июня (12 июля)). Автор рецензии имеет тут в виду раздел

«Памятника Славы» «Знамена друзей» с «Песнями союзных солдат», «Голосами славян» и другими стихотворениями.

Павшим гвардейцам

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: *Иванов Г.* Стихотворения. СПб.; М., 2010. С. 134 (Новая библиотека поэта).

¹ *Конногвардейский полк* — конный лейб-гвардии полк сформирован в 1721 г., его шефами были царствующие государи. В самом начале войны во время пятидневного Гумбиненского сражения 6 (19) августа 1914 г. полк понес значительные потери в бою у деревни Краупишкен на реке Истер. Бой был выигран благодаря эскадрону борона П. Н. Врангеля (через несколько лет Главнокомандующего Русской армией в Крыму). В конном строю эскадрон успешно атаковал защищавший позиции немецкой пехоты взвод артиллерии. 1-я гвардейская кавалерийская дивизия, куда вместе с Кавалергардским входил Конный полк, потеряла в этом бою убитыми и ранеными более половины офицерского состава.

Бельгия

Впервые: Нива. 1914. № 41, 11 окт. Печатается по: *Иванов Г.* Стихотворения. СПб.; М., 2010. С. 137–138 (Новая библиотека поэта).

4 августа 1914 г. немецкая армия вторглась в нейтральную Бельгию, которой в первые месяцы войны было посвящено немало стихов.

¹ *Уносит все поток времен и смерти...* — приглушенная реминисценция из перманентно цитируемого поэтом предсмертного стихотворения Г. Р. Державина «Река времен в своем стремленьи Уносит все дела людей...».

² *Альберт* (Albert, 1875–1934) — с 1909 г. король Бельгии, ее национальный герой. Вскоре после начала войны, не в силах противостоять огромному немецкому войску, он с армией и правительством отступил в Изер, находящийся среди обширных изерских болот, и продолжал сопротивление. По его приказу были открыты шлюзы и болота затоплены, благодаря чему со своей небольшой армией король продержался на Изере все четыре года войны. Его жена, королева Елизавета, работала в армии медсестрой. В «Ниве» стихотворение Георгия Иванова напечатано под портретом с надписью: «Храбрый из храбрых. Бельгийский король Альберт I».

³ *И наглцов остановилась лава...* — В августе 1914 г. бельгийцы сдерживали прорыв немцев во Францию 11 дней, позволив развернуть на своей территории войска французов и англичан.

⁴ *Поднявший меч — да сгинет от меча!* — перифраз евангельских слов Христа: «...взявшие меч, мечом погибнут» (Мф 26: 52).

Георгий Победоносец

Впервые: Аполлон. 1914. № 10. Печатается по: *Иванов Г.* Стихотворения. СПб.; М., 2010. С. 134–135 (Новая библиотека поэта).

¹ *Георгий Победоносец* — один из наиболее чтимых в России святых, покровитель государства и воинства, живший в конце III в. в Малой Азии и при-

нявший мученическую смерть в 303 г. Изображается чаще всего на белом коне с копьем, прободающим змия. Один из дней памяти (к нему, очевидно, приурочена публикация) — 3 ноября.

Складень

Впервые: Лукоморье. 1914. № 28, 21 нояб. (первое в цикле, без заглавия, вместе со стихотворением «Надежды не обманут нас...»). Печатается по: *Иванов Г.* Стихотворения. СПб.; М., 2010. С. 133 (Новая библиотека поэта).

¹ *Складень* — название складных предметов, в том числе, как у Георгия Иванова в других стихотворениях, складных икон из двух или нескольких стихов. Очевидно, заглавие цикла навеяно также И. Анненским: в «Кипарисовом ларце» есть раздел «Складни».

² *Заупокойных панихид Его рыданья не тревожат*. — Смысл этой инверсии в том, что «рыданья заупокойных панихид» «не тревожат» сердце.

³ *Синодик* — памятная книжка в церквях, в нее вносят для поминовения имена умерших.

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938)

Ранние стихотворные отклики Мандельштама на события первых месяцев войны («Реймс и Кёльн», «Европа», «Немецкая каска, священный трофей...», «Епсуслица» и др.) создавались на фоне знакомства поэта с впервые опубликованным наследием П. Я. Чаадаева («Собрание сочинений П. Я. Чаадаева», вышедшее под редакцией М. О. Гершензона в 1913–1914 гг.). В ноябре 1914 г. Мандельштам представил в редакцию журнала «Аполлон» статью «Петр Чаадаев» (Аполлон. 1915. № 6–7), в которой звучит восхищение противостоящими национализму чаадаевскими «национально-синтетическими» идеями «всемирного единства» (*Мандельштам О.* Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 155, 152). В то же время в военных стихах Мандельштама, написанных в начале войны, ощутимо влияние политической лирики Тютчева с ее славянофильской окраской. Впрочем, влияние это по преимуществу отразилось на стилистике и риторике мандельштамовских поэтических текстов, в которых С. С. Аверинцев усмотрел «серьезную пародию»: «Серьезная пародия получается оттого, что старая интонация иначе звучит в изменившемся воздухе времени. “Поляки! Я не вижу смысла”, — именно такая серьезная пародия на политические стихи Тютчева, да и не только Тютчева; поэт с древним жестом ратора укоряет поляков, как сам Пушкин укорял в свое время “клеветников России”, — присутствие оппонента, могущего слышать укоры, в обоих случаях, при разнице масштабов, является одинаково воображаемым. <...> Еще примечательнее другое стихотворение 1914 года — “В белом раю лежит богатырь...”. Это опыт, вызывающий резкое чувство абсурдности, и чувство это, по-видимому, не было чуждо самому поэту, не включившему стихов об иконописно-былинном “пахаре войны” в сборники. Только перед нами отнюдь не обычная сентиментальная версификация на дежурную патриотическую тему, какими не брезговали в ту пору даже истинные поэты, не аморфное обращение к эмоциям, — а, напротив, очень четко, даже чересчур четко оформленный суммирующий каталог общих

мест русского народного самосознания в славянофильской аранжировке» (*Аверинцев С. С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 37).

В декабре 1914 г. Мандельштам выехал в прифронтовую Варшаву, надеясь по протекции Д. В. Кузьмина-Караваева попасть в санитары (см.: *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 437). На сохранившемся в числе документов Мандельштама явочном свидетельстве Петроградского городского по воинской повинности присутствия стоит дата «31 декабря 1915 г.» (Там же. С. 438), но участия в военных действиях он не принимал. По возвращении в Петроград из Варшавы 25 января 1915 г. Мандельштам читал стихотворения «Айя-София» и «Реймс и Кёльн» на благотворительном вечере «Писатели — войнам» в Александровском зале городской думы. Готовя переиздание сборника «Камень», впервые вышедшего в 1913 г., и расширяя его состав, Мандельштам включил в число новых стихотворений относящиеся к войне.

В 1916 г. в стихах Мандельштама проявляются ярко выраженные антивоенные настроения. Он пишет стихи, протестующие против англо-французской интервенции в Грецию («Собирались эллины войною...») и «Оду миру во время войны» — таков был один из вариантов заглавия стихотворения «Зверинец» (см.: *Мандельштам О. Э.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 473). Стихи, написанные во время войны и революции (1916–1920) составили второй поэтический сборник Мандельштама — «Tristia» («Книга скорбей»).

Polacy!

Впервые: *Нива*. 1914. № 43, 25 окт. Написано в сентябре 1914 г. Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 341–342 (Новая библиотека поэта).

¹ *Поляки! Я не вижу смысла В безумном подвиге стрелков!* — Речь идет о польских легионах, созданных по инициативе польских националистических деятелей проавстрийской ориентации во главе с Ю. Пилсудским. Набор в Легионы польские при австро-венгерской армии был объявлен 16 августа 1914 г.; началось формирование двух легионов — Восточного (Львов) и Западного (Краков). После победы русской армии в Галицийской битве поляки Восточного легиона отказались воевать против России, и 21 сентября 1914 г. легион был распущен.

² *Иль ворон заклюет орлов?* — Мандельштам имеет в виду герб Галиции (галку, изображенную на гербе Галиции в XIX в., нередко принимали за ворону).

³ *Висла* — река в Польше.

⁴ *Габсбурги* — одна из наиболее могущественных правящих династий Европы; правители Австрии (с 1282 г.), затем Австро-Венгрии (1868–1918).

Реймс и Кёльн

Впервые: Петроградские вечера. Пг., 1915. Кн. 4 (вышла в июне). Написано в сентябре 1914 г. Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 340 (Новая библиотека поэта).

В сентябре 1914 г. Реймский собор — шедевр французской готики, построенный, как и Кёльнский собор, в XIII в., был подвергнут бомбардировкам

отступавшими германскими войсками. Произошли большие разрушения, были уничтожены остатки витражей, в том числе большая роза, значительно пострадали статуи. В 1914 г. французский писатель Ромен Роллан опубликовал статью «Pro aris» («В защиту алтарей» (*лат.*)), осуждающую варварство немецких войск. В защиту шедевра средневековой архитектуры выступили русские художники объединения «Мир искусства». Реставрация храма продолжается до сих пор.

Стихотворение было перепечатано в статье Г. Иванова «Военные стихи», где сопровождалось замечанием: «“Реймс и Кёльн” Мандельштама грешит риторикой, но последние строки этого стихотворения совсем хороши» (Аполлон. 1915. № 4–5. С. 85).

¹ Но в старом Кёльне тоже есть собор, Неконченный и все-таки прекрасный... — Строительство римско-католического готического собора в Кёльне было торжественно завершено в 1880 г., однако и после этого строительство продолжалось.

Перед войной

Впервые: Аполлон 1914. № 6–7. Печатается по: *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 297.

Стихотворение связано с политикой Италии, с 1882 г. входившей в Тройственный союз, заключенный между нею, Германией и Австро-Венгрией. Договор возобновлялся в 1887 и 1891 гг. и автоматически продлевался в 1902 и 1912 гг. Только 11 мая 1915 г. Италия, долго колебавшаяся в выборе стороны, к которой ей следует примкнуть в ходе войны, выступила на стороне Антанты.

Стихотворение подверглось резкой критике в прессе за неясность смысла (см., например: *Голос жизни.* 1914. № 3. С. 17).

¹ *Перуны* — молнии, в переносном смысле — орудие гнева.

² *Отдыхает острый клюв Той ораторской трибуны?* — Украшенная носами вражеских кораблей ораторская трибуна на форуме в Древнем Риме называлась Ростра; латинское слово «*rosstrum*» означает и клюв, и нос корабля.

³ *Солнца дряхлая повозка* — колесница Феба.

⁴ *И в руках у недоноска...* — Речь идет о короле Италии Викторе Эммануэле III (1869–1947), отличавшемся малым ростом.

«В белом раю лежит богатырь...»

Впервые: Вестник русского (студенческого) христианского движения. 1914. № 129. Написано предположительно в декабре 1914 г. Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 342 (Новая библиотека поэта).

В стихотворении, по-видимому, нашли отражения впечатления поэта от поездки в Варшаву на театр военных действий (см. об этом выше).

Европа

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 120 (Новая библиотека поэта).

Комментарием к стихотворению могут служить слова из более поздней статьи Мандельштама «Пшеница человеческая» (1922): «Политическое буйство Европы, ее неутолимое желание перекраивать свои границы можно рассматривать как продолжение геологического процесса, как потребность продолжить в истории эру геологических катастроф, колебаний, характерную для самого молодого, самого нежного, самого исторического материка, чье темя еще не окрепло, как темя ребенка» (Мандельштам О. Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 192).

¹ *Священный союз* — коалиция Австрии, Пруссии и России, созданная после падения Наполеона в 1815 г.

² *К. В. Л. Фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн* (1773–1859) — австрийский дипломат, министр иностранных дел в 1809–1848 гг., председатель Венского конгресса (1814), итогом которого стал передел политической карты Европы, один из вдохновителей Священного союза. Известен крайне консервативными взглядами.

Тихон Васильевич Чурилин (1885–1946)

Т. В. Чурилин — поэт, прозаик. Его поэтический дебют состоялся в 1908 г. В 1910 г. Чурилин с диагнозом «мания преследования» попал в лечебницу для душевнобольных, где провел около двух лет. Выйдя из больницы, вернулся к литературной жизни. Испытал влияние символистов младшего поколения, особенно ощутимым в его творчестве оказалось воздействие Андрея Белого. К 1912–1913 гг. относится сближение Чурилина с московским литературно-художественным авангардом: он сотрудничает с художниками М. Ларионовым и Н. Гончаровой, знакомится с А. Крученых и Хлебниковым. Авангардизм становится наиболее близким ему художественным направлением.

Сборник стихов Чурилина «Весна после смерти», объединивший произведения 1908–1914 гг., вышел в 1915 г. с иллюстрациями Натальи Гончаровой. Книга имела успех, стихи оценили Н. Гумилев, А. Блок, В. Хлебников, В. Маяковский. М. Цветаева считала Чурилина одним из своих учителей, посвятила ему несколько стихотворений. Она писала о нем: «В первый раз я о Наталье Гончаровой — живой — услышала от Тихона Чурилина, поэта. Гениального поэта. Им и ему были даны лучшие стихи о войне, тогда мало распространенные и не оцененные. Не знают и сейчас» (Цветаева М. Наталья Гончарова: Жизнь и творчество // Цветаева М. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 44). В мае 1916 г. Чурилин уехал из Москвы в Крым, где, по всей видимости, был мобилизован и прослужил до октября (в его архиве сохранилась «Книжка на получение обмундирования и жалованья солдата 12 роты, 2 взвода, 1 отделения Чурилина Т. В.» — см.: Чурилин Т. В. Встречи на моей дороге / Вступ. статья, публ. и коммент. Н. Яковлевой // Лица: Биографический альманах. СПб., 2004. <Вып.> 10. С. 427; Там же. С. 410–455, см. во вступительной статье Н. Яковлевой подробные сведения о Чурилине; см. также: Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1, кн. 2. С. 550–554).

Смерть часового

Впервые: Чурилин Т. Весна после смерти: Стихи. М., 1915. С. 76. Печатается по этому изданию.

«Смерть часового» — единственное стихотворение о войне, помещенное в сборнике.

¹ *Гауптвахта* (от нем. Hauptwacht, букв. — главный караул) — Чурилин употребляет это слово в его первоначальном значении: гауптвахтой до 1884 г. называли караульное помещение со специальной платформой для вызова караула (позднее гауптвахтой стали называть специальное помещение для содержания под арестом военнослужащих).

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)

О начале Первой мировой войны Маяковский писал в автобиографии: «Принял взволнованно. Сначала только с декоративной, с шумовой стороны. Стихотворение — “Война объявлена”» (*Маяковский В. В. Я сам // Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 1. С. 55*). 21 июля 1914 г. Маяковский прочел это стихотворение на митинге у памятника М. Д. Скобелеву (см.: *Катанян В. А. Маяковский: Литературная хроника. М., 1956. С. 67*). О выступлении Маяковского остались воспоминания И. А. Бунина: «В день объявления первой русской войны с немцами Маяковский влезает на пьедестал памятника Скобелеву в Москве и ревет над толпой патриотическими виршами» (*Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 314*). Это выступление описывал и Дон-Аминадо (А. П. Шполянский): «Взбравшись на памятник Скобелеву против дома генерал-губернатора, потный от воодушевления, он <Маяковский> кричал истошным голосом: “Теперь война не та! Теперь она наша! И я требую клятвы в верности! Требую от всех и сам ее даю! Даю и говорю — шелковым бельем венских кокоток вытереть кровь на наших саблях! Уррра! Уррра! Уррра!”» (*Дон-Аминадо. Воспоминания // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 610*).

14 октября 1914 г. Маяковский читал свои стихи в Политехническом музее на вечере кубофутуристов «Война и искусство». Накануне корреспондент московской газеты «Новости дня» провел опрос об отношении футуристов к войне. Маяковский заявил, что он «рад войне», потому что это война с Европой и потому, что ее спровоцировали футуристы: «Футуризм в каждой стране вызвал расцвет национализма в самом хорошем значении этого слова — расцвет родной литературы, родной живописи, родной музыки»; «войне Россия будет обязана громадным ростом национального самосознания. С этой точки зрения я рад войне» (*Vick. Футуризм и война // Новости дня. 1914. № 68, 13 окт.*). Эта литературная поза не выражала, конечно, всего комплекса переживаний. Об августовских событиях 1914 г. Маяковский писал в автобиографии: «Первое сражение. Вплотную стал военный ужас. Война отвратительна. Тыл еще отвратительней. Чтобы сказать о войне, надо ее видеть. Пошел записываться добровольцем. Не позволили. Нет благонадежности» (*Маяковский В. В. Я сам. С. 55*). Заявление Маяковский подал 24 октября. Об отказе по причине политической неблагонадежности поэту, просидевшему 11 месяцев в Бутырке за распространение прокламаций, было объявлено 16 ноября.

Война отодвинула искусство на второй план в сознании Маяковского. О зиме 1914 г. он вспоминал: «Отвращение и ненависть к войне. “Ах, закройте,

закройте глаза газет” <“Мама и убитый немцами вечер”> и другие. Интерес к искусству пропал вовсе» (*Маяковский В. В. Я сам. С. 55*). Поэт стал писать оптимистичные, ободряющие тексты для военных плакатов и открыток в лубочном стиле:

Под Варшавой и под Гродно
Лупим немца, как угодно.

Или:

У Вильгельма Гогенцоллерна
Размалюем рожу колерно.

См. об этом: *Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932: Исторический обзор: В 3 т. М., 2010. Т. 1, кн. 2. С. 488.*

Несмотря на заявленную в прессе позицию футуристов, в военной поэзии Маяковского звучали ужас и отчаяние. В ноябре 1914 г. он собрал на литературной странице «Траурное ура» для газеты «Новь» антимилитаристские стихи Б. Пастернака, К. Большакова, Маяковского, Н. Асеева, Д. Бурлюка. В ноябре–декабре 1914 г. Маяковский вел литературно-критический отдел этой газеты, где печатал свои статьи, в которых о войне говорилось: «Война не бессмысленное убийство, а поэма об освобожденной и возвеличенной душе» (*Маяковский В. В. Будетляне // Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. С. 59*). Роль поэтов он видел в том, чтобы «сделать язык русским». «Пересмотр арсенала старых слов и словотворчество — вот военные задачи поэтов» (*Маяковский В. В. Война и язык // Там же. С. 55*). 14 ноября в «Утреннем телефоне» газеты «Новь» была напечатана статья Маяковского «Вравшим кистью», где он призывал: «Можно не писать о войне, но *надо* писать *войною*» (Там же. С. 37). В начале 1915 г. он написал стихотворение «Вам!», где война предстает как преступление перед человечеством.

8 октября 1915 г. Маяковского призвали на военную службу, которую он проходил в Военно-автомобильной школе Петрограда, куда ему помог устроиться А. М. Горький (см.: *Маяковская Л. В. О Владимире Маяковском: Из воспоминаний сестры. М., 1965. С. 203*). В автобиографии о призыве сказано: «Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертежником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают». «Солдатчину» Маяковский охарактеризовал кратко: «Паршивейшее время», а рассказывая о 1916 годе, сообщил: «На военщину нагло не показываюсь» (*Маяковский В. В. Я сам. С. 56*). В ноябре 1917 г. Маяковский написал короткое письмо сестре, в котором сообщал, что его полностью освободили от службы (*Маяковская Л. В. О Владимире Маяковском. С. 221*).

13 июня 1916 г. А. Блок после разговора с Маяковским по телефону записал: «Звонил Маяковский. Он жаловался на московских поэтов и говорил, что очень уж много страшного написал про войну, надо бы проверить, говорят — там не так страшно. Все это — с обычной ужимкой, но за ней, кажется, подлинное» (*Блок А. Записные книжки: 1901–1920. М., 1965. С. 306*).

В 1917 г. Маяковский завершил поэму «Война и мир», работать над которой начал еще в 1915 г. В ней выражена вся ненависть поэта по отношению к войне. Он задается вопросом: на что «безрукому огрызку кровавого обеда» родине начертанная победа (*Маяковский В. В. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. С. 275*). Причину войны Маяковский называет со всей определенностью:

Врачи
одного
вынули из гроба,
чтоб понять людей небывалую убыль:
в прогрызанной душе
золотопальным микробом
вился рубль.

(Там же. С. 264)

Та же причина названа в стихотворении «К ответу!»:

Кто над небом боев —
свобода?
бог?
Рубль!

(Там же. С. 168)

Война объявлена

Впервые: Новая жизнь. М., 1914. № 8. Написано в июле 1914 г. в вечер объявления войны. Печатается по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 64–65.

Об авторском чтении стихотворения 21 июля 1914 г. см. выше.

¹ «Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! Италия! Германия! Австрия!» — Выкрики разносчиков вечерних газет. Италия, Германия и Австро-Венгрия — страны, входившие в Тройственный союз (образован в 1879–1882 гг.), который сыграл определяющую роль в развязывании Первой мировой войны

Мама и убитый немцами вечер

Впервые: Новь. М., 1914, 20 нояб. Печатается по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. 1. С. 66–67.

Вместе со стихами других футуристов стихотворение было напечатано Маяковским на литературной странице «Траурное ура» (см. выше). Публикация подверглась критике в статьях А. Порошина и Н. Раевского, напечатанных в той же газете «Новь» (1914, 21 и 22 нояб.). Особенно резкие упреки были высказаны в адрес Маяковского и К. Большакова (стихотворение «Бельгия»). Маяковский незамедлительно отвечал критикам в статье «Без белых флагов» (Новь. 1914. 23 нояб.). Здесь, в частности, говорилось: «Первое сомнение, на которое хочется ответить, — Алексея Порошина: “Мне кажется — слишком много старчества оплетено другом этой молодости. В чем тут слова молодой силы?” Для общественного деятеля молодость в правде идей, для него нет физической старости. Для поэта молодость не в красоте убеждений, а в теле, в силе передачи того, что чувствует. Стихи, вышедшие на страничке “Траурное ура”, “Бельгия”, “Мама и убитый немцами вечер” и др., по своему комплексу идей не молоды. Действительно, кому нужны в минуту общественного подъема идеи о “дороге слез”, проложенной бельгийскими дочерьми, о матери, “вплакавшей в орущих о побитом неприятеле?” Речь политического борца может быть теперь только одна: “Не важны страдания одного человека, когда выковывается свободная судьба государств”. Для поэта же и слезы и даже бессилие могут петь и молодость и всё, что необходимо сегодняшнему дню.

Для поэта важно не что, а как. Есть слезы и слезы» (*Маяковский В. В.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. С. 48–49).

¹ *Глазет* — сорт парчи, которым обивали гробы.

² *...расплакался, бедный, на шее Варшавы.* — 15 (28) сентября — 26 октября (8 ноября) 1914 г. в окрестностях Варшавы шли кровопролитные бои между германской и русской армиями в рамках Варшавско-Ивангородской операции.

³ *Сбежались смотреть литовские села ~ пальцы улиц ломала Ковна.* — В августе–сентябре 1914 г. бои между русской и германской армиями шли в окрестностях Ковно (современное название города — Каунас).

Мысли в призыв

Впервые: Все сочиненное *Владимиром Маяковским. 1909–1919.* [Пг., 1919]. Написано в 1914 г. Печатается по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1955. Т. 1. С. 70–71.

¹ *Гиль* — скопище (*устар.*).

² *«Анатэма»* — мистическая пьеса Леонида Андреева (1910).

Борис Александрович Садовской (1881–1952)

Борис Садовской (наст. фамилия — Садовский) — прозаик, поэт, литературный критик, печатался с 1901 г. С 1904 г. по приглашению В. Я. Брюсова публиковался в «Весах», а затем и в других символистских и околосоциалистических журналах. К 1914 г. Садовской — автор нескольких стихотворных сборников (вышли в 1909, 1913 и 1914 гг.), сборника статей о русских писателях XVIII–XIX вв. («Русская камена», 1910), исторических рассказов. Постепенно становится явственной его «неоклассическая» ориентация, эстетический консерватизм и стремление к реставрации стилевых норм «золотого века».

Военному призыву Садовской не подлежал по состоянию здоровья. Его стихи на военную тему вошли в поэтическую книгу «Полдень: Собрание стихов: 1905–1914» (Пг., 1915). Осенью 1916 г. он заболел осложнившейся сифилис спинной сухоткой, приведшей к параличу. В военные годы выходят сборник его рассказов «Адмиралтейская звезда» (Пг., 1915), сборник повестей «Лебединые клики» (Пг., 1915), книга «Озимь: Статьи о русской поэзии» (Пг., 1915), сборник статей и заметок «Ледоход» (Пг., 1916), сборник «Обитель смерти: Стихи» (М., 1917).

В. Ф. Ходасевич, в 1925 г. ошибочно считавший Садовского умершим, писал в его преждевременном некрологе: «Никогда не забуду, как встретились мы однажды в “Летучей Мыши” на репетиции. Кажется, это было осенью 1916 года. Вдребезги больной, едва передвигающий ноги, обутое в валенки (башмаки уже не мог носить), поминутно оступающийся, падающий, Садовской увел меня в едва освещенный угол пустой столовой, сел за длинный дубовый ничем не покрытый стол — и под звуки какой-то “Катеньки”, доносящейся из зрительного зала, — заговорил. С болью, с отчаянием говорил о войне, со злобной ненавистью — о Николае II, а плачущий Садовской — не легкое и не частое зрелище. Потом утер слезы, поглядел на меня и сказал с улыбкой:

“Это все вы Россию сгубили, проклятые либералы. Ну, да Бог с вами”» (Ходасевич В. Ф. Памяти Б. А. Садовского // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 313).

Перед Германским посольством

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: Садовской Б. Полдень: Собрание стихов: 1905–1914. Пг., 1915. С. 215.

Здание Германского посольства в Петербурге на Исаакиевской площади напротив гостиницы «Астория» построено в 1911–1913 гг. по проекту архитектора Петера Беренса в стиле немецкого неоклассицизма. Здание венчала конная группа, выполненная скульптором Э. Энке. Одна из антинемецких демонстраций, начавшихся сразу после объявления Германией войны, направилась вечером 22 июля 1914 г. к посольству и разгромила здание. Одну из бронзовых фигур возничих и коней сбросили, другая повисла на выступе крыши. Фигуры были окончательно демонтированы по приказу полиции; их местонахождение неизвестно.

¹ *Царь-прадед в шишаке крылатом Как будто делал ратям смотр...* — Имеется в виду памятник Николаю I, установленный на Исаакиевской площади в 1859 г. по проекту О. Монферрана (конная статуя царя выполнена П. К. Клодтом).

² *А там, налево, за Сенатом Летел с рукой подъятой Петр.* — Речь идет о Медном всаднике, памятнике Петру I работы Э. М. Фальконе.

Памяти А. В. Самсонова

Впервые: Садовской Б. Полдень: Собрание стихов: 1905–1914. Пг., 1915. С. 217, с датой под текстом: «1914». Печатается по этому изданию.

Александр Васильевич Самсонов (1859–1914) — участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., герой Русско-японской войны, генерал от кавалерии, командующей 2-й армией во время Восточно-Прусской операции 1914 г. В сражении при Танненберге его армия потерпела тяжелое поражение и была окружена. При выходе из окружения (а не на поле битвы, как в стихотворении Садовского) Самсонов погиб. Обстоятельства его гибели не совсем ясны. По всей видимости, генерал застрелился, но существует и другая версия, согласно которой Самсонов был убит вражеским снарядом. 28 августа 1914 г. он был исключен из списков убитым.

Казачий разъезд

Впервые: Садовской Б. Полдень: Собрание стихов: 1905–1914. Пг., 1915. С. 219, с датой под текстом: «1914». Печатается по этому изданию.

¹ *Разъезд* — кавалерийское подразделение (до взвода), выполнявшее задачи разведки или охраны.

² *Вы ломали рог турецкий...* — Казаки неоднократно принимали участие в русско-турецких войнах.

³ *Желтый выл на вас дракон.* — Желтый дракон — эмблематическое обозначение Китая. При строительстве Китайско-Восточной железной дороги

дальневосточные казаки входили в состав Охранной стражи, которой пришлось в 1900 г. защищать Харбин от китайской армии ихэтуаней.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

Как только началась война, муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон объявил о своем немедленном желании пойти на фронт, что очень напугало Цветаеву. Она бросилась писать сестре Эфрона: «Лиленька, приезжайте немедленно в Москву. Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу — он умрет. Сережа хочет идти добровольцем, уже подал прошение. Приезжайте. Это — безумное дело, нельзя терять ни минуты. <...> Р. С. Сережа страшно тверд, и это — страшней всего. Люблю его по-прежнему» (*Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 87*). «Погибающий человек» — Петр Эфрон, умирающий брат ее мужа, и стремление Сергея уйти на фронт, возможно, отчасти объяснялось желанием устраниваться из драматических обстоятельств («Он предоставлял ей свободу, устранился», — вспоминал о характерном для Эфрона поведении К. Б. Родзевич; см.: *Швейцер В. А. Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 1992. С. 132*). Ситуация, однако, разрешилась смертью Петра Эфрона. Отклик на начало мировой войны попадает в контекст цикла посвященных ему стихов:

Война, война! — Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор... —

это было написано на следующий день после начала Первой мировой войны (*Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 65* (Библиотека поэта. Большая сер.)). Лирические переживания не только в этот день отделили героиню ее стихов от мира.

Встреча с поэтессой Софией Яковлевной Парнок еще в большей мере за-слонила для Цветаевой происходящее вокруг. У нее не остается душевных сил реагировать на войну. Тем не менее в конце 1914 г. она все же пишет несколько текстов, не связанных с подругой, один из них — «Германии», стихотворение-вызов, признание в любви к этой стране, сделанное в момент антинемецкого и шовинистического угара. На этот раз С. Эфрон осуществляет свое намерение: оставляет Университет и в конце марта 1915 г. поступает братом милосердия в военный санитарный поезд, который должен курсировать из Москвы в Белосток и Варшаву, а затем обратно. Новые тревоги прибавляются в жизни Цветаевой. В это время она часто посещает дом Аделаиды Казимировны Герцик, встречается там с Вячеславом Ивановым, Николаем Бердяевым, Львом Шестовым. В мае 1915 г. с Софией Парнок и дочерью Цветаева уезжает в Коктебель, а затем 2 июля в Малороссию. Она ничего не знает о муже и страшно переживает: «Я уже 8 дней не знаю, где Сережа и пишу наугад то в Белосток, то в Москву, без надежды на скорый ответ» (*Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 87*).

Около 20 августа Цветаева возвращается в Москву. Война будто бы проходит мимо Цветаевой, она поглощена своими внутренними переживаниями, словно сознательно пытается отгородиться от того, что война может коснуться и ее. Героиня Цветаевой тем не менее взрослеет, она уже не поэтесса, а поэт, ее «юность» заканчивается, уже нет возврата к прежней безоблачной жизни.

1916 год Цветаева встречает в Петрограде, знакомится с Кузминым, второй раз видится с Мандельштамом. 20 января она возвращается в Москву, чувствуя себя обновленной. Продолжаются ее отношения с Мандельштамом. В начале марта она знакомится с Тихоном Чурилиным (см. о нем: Наст. изд. С. 697). Главное ее беспокойство — положение мужа, которого призвали в армию несмотря на слабое здоровье. Через Владислава Ходасевича, Максимилиана Волошина и других знакомых Цветаева пытается облегчить его участь, улучшить его бытовые условия в Нижнем Новгороде, где он проходит подготовку, потом — перевести из пехотного запасного полка в более легкую артиллерийскую часть. Военные впечатления настигают ее в Александрове, куда она приезжает к сестре летом 1916 г.: вместе с дочкой и племянником она ходит провожать уходящие на фронт солдатские поезда. Впечатления эти выливаются в стихи («Белое солнце и низкие, низкие тучи...») — немногие стихи Цветаевой, обращенные к военной теме.

Германии

Впервые: Современные записки. 1936. Т. 61, в составе очерка «Нездешний вечер». Написано 1 декабря 1914 г. Печатается по: *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 76–77 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В дневнике Цветаевой за 1919 г. записано: «От матери я унаследовала Музыку, Романтизм и Германию» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. С. 546). Признания в любви к Германии встречаются в ее дневнике неоднократно: «Во мне много душ, но главная моя душа — германская» — гласит одна из записей (Там же. С. 549).

Стихотворение «Германии» Цветаева читала в начале 1916 г. в Петрограде в доме Каннегисеров. Об этом вечере Георгий Адамович писал: «Я вспомнил появление Цветаевой в Петербурге, в первый год войны, кажется. Тогда все были настроены патриотически, ждали близкого суда над Вильгельмом и разделения его империи между союзниками. Цветаева, слегка щуря глаза, сухим, дерзко-срывающимся голосом, читала:

Германия, мое безумье! Германия, моя любовь!»

(*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1925. № 125, 28 дек.). Стихи не имели успеха среди настроенных против Германии современников.

¹ *Vaterland* — отечество (нем.).

² *Где все еще по Кенигсбергу Проходит узколицый Кант...* — Великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) жил в Кенигсберге (ныне — Калининград), городе Восточной Пруссии.

³ *В другом забытом городке...* — в Веймаре.

⁴ *Geheimrath Goethe* — тайный советник Гёте (нем.); И. В. Гёте (1749–1832) был тайным советником герцога Веймарского.

⁵ *Когда мне свят святой Георгий Во Фрейбурге, на Schwabenthor.* — Schwabenthor — Швабские ворота (нем.). Во время восстановления средневековых крепостных ворот художник Фриц Гейгес в 1903 г. написал на фронте картину с изображением покровителя Фрайбурга — Святого Георгия, побеждающего змея.

⁶ *Кайзер* — император Германской империи; в данном случае речь идет о Вильгельме II (1859–1941).

⁷ *Лорелей* — речная дева Рейна, которая заманивает своим пением и губит рыбаков. Легенда о ней, созданная немецким романтиком Клеменсом Брентано (1801), получила широкую популярность. Одно из самых знаменитых ее литературных воплощений — стихотворение Г. Гейне «Лорелея» (1824).

Николай Степанович Гумилев (1886–1921)

В день объявления войны Николай Гумилев, признанный глава акмеистов, был в Петербурге. Он стал свидетелем разгрома Германского посольства, потом — участником манифестаций, приветствовавших сербов. На фронт Первой мировой войны он отправился добровольцем («охотником»), поскольку из-за слабого зрения еще в 1907 г. был освобожден от воинской повинности. Тем не менее он собрал все необходимые документы и 13 августа был в Крчевецких казармах под Новгородом. На следующий день он был зачислен охотником в лейб-гвардии уланский Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк, который отправлялся на позиции 23 сентября. 7 октября 1914 г. Гумилев писал Ахматовой: «Я уже в настоящей армии, но пока не сражаемся, и когда начнем, неизвестно. <...> Раненых приводят немало. <...> После первого боя напишу» (цит. по: *Гумилев Н. С. Собр. соч. М., 2005. Т. 6. С. 466; коммент. Е. Е. Степанова*). В «Записках кавалериста», публикуемых в настоящем издании, с документальной точностью описаны события первого года участия Гумилева в войне. Фронтовая жизнь иногда прерывалась приездами в Петроград. 27 января 1915 г. Гумилев читал свои военные стихи на вечере поэтов в «Бродячей собаке». С середины марта по май этого года он находился в Петрограде на излечении. В конце сентября его откомандировали в столицу в школу прапорщиков. Здесь он провел несколько месяцев, в конце марта 1916 г. был произведен в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский полк (полк «черных гусар») и в апреле снова отправился на фронт. В апреле следующего года Гумилев добивается отправки в русский экспедиционный корпус на Салоникский фронт. Из Петрограда он выехал 15 мая, но добравшись до Парижа, остался там в распоряжении наместника Временного правительства.

За время войны Гумилев получил 3 ордена: два Георгиевских креста (4 и 3 степени) и орден Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом. Подробнее об участии Гумилева в Первой мировой войне см.: *Степанов Е. Поэт на войне: Николай Гумилев: 1914–1918. М., 2014.*

Репутация Гумилева — репутация смелого воина и охотника, участника опасных экспедиций в экзотические страны — во многом сформирована его стихами, в которых отвага, выход за пределы обычного круга жизни, азарт опасности отразились как особого рода мужская романтика. Эта поэтическая репутация, несомненно, подтверждена личным поведением, личной храбростью Гумилева. Но пережитые им военные будни были вовсе не романтичны. Как все, он мечтал на фронте об отпуске, радовался возможности попасть в Петроград. Георгий Иванов писал о Гумилеве: «Он по-настоящему любил и интересовался только одной вещью на свете — поэзией. <...> Люди, близкие к нему, знают, что ничего воинственного, авантюристического в натуре Гумилева не было.

В Африке ему было жарко и скучно, на войне мучительно мерзко <...> Он твердо считал, что право называться поэтом принадлежит только тому, кто в любом человеческом деле будет всегда стремиться быть впереди других, кто, глубже других зная человеческие слабости — эгоизм, ничтожество, страх <...> должен будет преодолевать в себе ветхого Адама. И от природы робкий, тихий, болезненный, книжный человек, он приказал себе быть охотником на львов, солдатом, награжденным двумя Георгиями» (цит. по: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Л., 1991. Т. 1. С. 101).

Война

Впервые: *Отечество*. 1914. № 4, 23 нояб. (без посвящения). Печатается по: *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. 3-е изд. Л., 1988. С. 213–214 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Стихотворение было прочитано автором на вечере в «Бродячей собаке» 27 января 1915 г.

Мотивы посвящения прояснены в дарственной надписи на экземпляре книги стихов Гумилева «Колчан» в собрании М. И. Чуванова: «Многоуважаемому Михаилу Михайловичу Чичагову от искренне его любящего и благодарного ему младшего унтер-офицера его взвода Н. Гумилева в память веселых разездов и боев. 27 декабря 1915 г. Петроград». О поручике М. М. Чичагове упоминается также в «Записках кавалериста».

¹ *Скажешь: это — мирное селенье...* — Реминисценции из поэзии Ф. И. Тютчева. Начало стиха отсылает к четвертой строфе стихотворения «Весенняя гроза» (1828, нач. 1850-х), следующей за описанием грозы:

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила!

Продолжение строки вводит в контекстный фон Гумилевского поэтического текста другое стихотворение Тютчева, написанное 13 августа 1855 г.:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготу твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя.

Наступление

Впервые: *Аполлон*. 1914. № 10. Печатается по: *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. 3-е изд. Л., 1988. С. 234–235 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В конце декабря 1914 г. Гумилев читал стихотворение на вечере в «Бродячей собаке».

В стихотворении описываются события конца октября 1914 г. — наступление русской армии в пределы Восточной Пруссии и бои под Владиславо-вом. 1 ноября 1914 г. Гумилев рассказывал в письме к М. Л. Лозинскому: «Пишу тебе уже ветераном, много раз побывавшим в разведках, много раз обстрелянным и теперь отдыхающим в зловонной ковенской чайной. Все, что ты читал о боях под Владиславо-вом и о последующем наступлении, я видел своими глазами и во всем принимал посильное участие. Дежурил в обстреливаемом Владиславо-ве, ходил в атаку (увы, отбитую орудийным огнем), мерз в сторожевом охранении, ночью срывался с места, слыша ворчание подкрадывающегося пулемета, и опивался сливками, объедался курятиной, гусятиной, свиной, будучи дозорным при следовании отряда по Германии. В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мне мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щелканье винтовок, направленных на тебя, — я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако, бывает и реакция, и минута затишья — в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчетов — а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии. При наступлении все герои, при отступлении все трусы — это относится и к нам, и к германцам» (Известия АН СССР, Сер. литературы и языка. 1987. № 1. С. 72–73).

Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1932)

В ответе на анкету «Синего журнала» «Все о немцах» Михаил Кузмин так выразил свое отношение к войне: «В настоящую минуту, говоря “немец”, говоришь “пруссак”. Нельзя забывать Лютера, Гёте, Моцарта, но думаешь об императоре Вильгельме, Вагнере и войне. Помимо мирового исторического и политического значения, эти недели имеют, может быть, не меньшее культурное значение. Мы видим, к чему приводит и чего стоит культура, построенная на нейрастеническом стремлении к внешнему величию и “большому искусству”. Ясно, что отвратительные и дикие проявления немецкой “мощи”, аллея Побед в Берлине, Вильгельм, Вагнер, и все искусство Германии за последние 50 лет — одно и то же. Дай Бог, чтоб этот черный мираж, этот гипноз исчез и Германия снова начала растить настоящие культурные ценности, которые, может быть, и не окончательно растоптаны в ней балаганной манией величия. Можно отказаться от всякой величественности, глядя на немцев. Если этой заразе и призраку войны настоящая война кладет конец, то почти не желаешь отвращать это горестное, кровавое исцеление» (Синий журнал. 1914. № 31. С. 12–13). О том же Кузмин писал в стихах:

Одумается ли Германия
Оставить пагубный маршрут,
Куда ведет смешная мания
И в каске вагнеровский шут?!

Но вот с востока «некультурного»
 Культурным воинам назло
 Средь мрака кровависто-бурного
 Свободный мир придет светло!

В 1915 г. Кузмин вместе с Ахматовой, Блоком, Брюсовым, Гиппиус, Городецким, Дон-Аминадо, С. Маковским, Н. Минским, Ф. Сологубом, И. Северяниным, Тэффи и др. участвовал в альманахе «Современная война в русской поэзии», изданном Б. Глинским с благотворительной целью, которая была обозначена в подзаголовке: «На помощь Польше».

Дневник Кузмина, изобилующий бытовыми подробностями его жизни, содержит несколько откликов на военные темы, но все они сделаны как-то вскользь, за исключением, может быть, первого: «Война. Сколько будет убитых. Жизнь единственно невозвратная вещь» (*Кузмин М. А. Дневник: 1908–1915. СПб., 2005. С. 466; запись от 18 июля 1914 г.*).

Кузмин охотно писал и печатал в периодических изданиях военные стихи, которые вряд ли можно назвать удачными. «В них, пожалуй, единственный раз за всю творческую биографию Кузмин утерял даже собственную интонацию: его стихи становятся плохо отличимыми от многочисленных поделок того времени. К счастью, это продолжалось сравнительно недолго» (*Богомолов Н. А. «Любовь — всегдашняя моя вера» // Кузмин М. Стихотворения. СПб., 1996. С. 35 (Новая библиотека поэта)*). Стихи на военную тему Кузмин объединил в цикл «Русский рай» (1915–1917). В 1915 г. был издан сборник его военной прозы (*Кузмин М. Военные рассказы. Пг., 1915*).

Ушедшие

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: *Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 63–64.*

¹ *Какие цветы готовит Политая кровью земля?* — Возможно, отсылка к древнегреческому мифу о возлюбленном Афродиты Адонисе, раненном ведром: из его крови, капающей на землю, выросли розы.

Оставшиеся

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: *Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 64.*

¹ *Премудрость прости!* — Возглас во время литургии, призывающий стать прямо и с благоговением внимать премудрости.

Герои

Впервые: Аполлон. 1914. № 6–7. Печатается по: *Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки. М., 2006. С. 65.*

¹ *В бой-скауты идет лифт-бой?* — Скаутское движение возникло в 1907 г. в Великобритании, 1909 г. — в России, первоначально как допризывная военная подготовка молодежи. *Лифт-бой* — служащий отеля, управляющий лифтом. Смысл строки, построенной на игре слов, заключается в том, что гражданский служащий становится военным человеком.

**Борис Леонидович Пастернак
(1890–1960)**

За месяц до войны Пастернак получил белый билет, призыву он не подлежал из-за неправильно сросшейся после перелома ноги. Осенью 1914 г. он хотел было записаться добровольцем, но в конце концов остался в Москве, где устроился домашним учителем к сыну известного московского предпринимателя Морица Филиппо. 28 мая 1915 г. особняк Филиппо был разгромлен. Событие носило отнюдь не случайный характер — повсеместно шли гонения на немцев, живших и работавших в России, из Москвы было выслано более двух тысяч человек. При погроме пострадали личные вещи и рукописи Пастернака (стихи 1914–1915 гг.), но гораздо больше, чем эта утрата, его поразили разгул варварства и бессмысленная жестокость, с которыми ему пришлось столкнуться лицом к лицу.

Проведя часть лета 1915 г. в Красной Поляне, имении сестер Синяковых под Харьковом, Пастернак вернулся в Москву, а затем в январе 1916 г. отправился на Урал работать конторщиком по приглашению управляющего уральских химических заводов Бориса Збарского. Здесь поэт погрузился в совершенно другую среду, в которой война виделась с заводской, оборонной точки зрения. В октябре 1916 г. Пастернак перебрался в Тихие горы, небольшой город на Каме, и устроился работать воспитателем в семью директора завода Л. Я. Карпову, а одновременно — письмоводителем в контору заводов, где на него была возложена ответственность за воинский учет: он должен был регистрировать призывников и освобождаемых от воинской повинности рабочих. Стараясь не выходить за пределы законности, Пастернак прикладывал все усилия к тому, чтобы не посылать людей на смерть. В декабре 1916 г. он прошел переосвидетельствование и получил «окончательный белый билет». 9 декабря он писал родителям: «Пробегая газеты, я часто содрогаюсь при мысли о том контрасте и о той пропасти, которая разверзается между дешевой политикой дня и тем, что — при дверях. <Оно> принадлежит уже к той новой эре, которая, думаю, скоро <...> воспоследует. Дай-то Бог. Дыхание ее уже чувствуется. Глупо ждать конца глупости. <...> Глупость конца не имеет и не будет иметь: она просто оборвется на одном из глупых своих звеньев, когда никто этого не будет ждать. <...> Так я это понимаю. Так жду того, чего и вы, наверное, ждете. <...> Я знаю, что просвета не будет потому, что будет сразу свет. Искать его сейчас в том, что нам известно, нет возможности и смысла: он сам ищет и нащупывает нас и завтра или послезавтра нас собою обольет» (цит. по: *Пастернак Б. Л.* Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. 7. С. 290).

В 1914 г. Пастернак — член умеренно-футуристической группы «Центрифуга». В издательстве этого объединения в декабре 1916 г. вышел сборник его стихов «Поверх барьеров» (на титульном листе: 1917), куда были включены все публикуемые в настоящем издании стихотворения. Те, что написаны в самом начале войны, сближаются с антивоенными стихами Маяковского, под обаянием личности и творчества которого находился Пастернак. Стихотворение «Артиллерист стоит у кормила...» в ноябре 1914 г. он передал Маяковскому для публикации в антивоенной подборке газеты «Новь». Летом 1917 г. в основном сложилась следующая книга Пастернака — «Сестра моя жизнь», вышедшая из печати лишь в 1922 г. Впечатления военных лет десятилетия спустя воплотились в романе «Доктор Живаго», над которым Пастернак работал в 1945–1955 г.

Дурной сон

Впервые: *Пастернак Б.* Поверх барьеров. Вторая книга стихов. М., 1917. Написано в первые месяцы войны. Печатается по: *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Л., 1990. Т. 2. С. 152–153 (Библиотека поэта. Большая сер.).

Готовя в 1928 г. второе издание сборника «Поверх барьеров», Пастернак существенно переработал текст стихотворения. Раннюю редакцию см.: *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. С. 85–86.

¹ *Он видит: попадали зубы из челюсти...* — Такой сон, по поверью, предвещает смерть.

² *Назем* — смесь помета домашних животных с соломой, служащая для удобрения почвы; навоз.

³ *Баштан* — то же, что и бахча, участок поля, засеянный арбузами, дынями, огурцами и т. п.

⁴ *Дресва* — обломки горных пород.

«Артиллерист стоит у кормила...»

Впервые: Новь. 1914. 20 нояб. (на литературной странице «Траурное ура», составленной В. В. Маяковским (см. об этом выше, с. 699)). Печатается по: *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Л., 1990. Т. 2. С. 153–154 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В сборнике «Поверх барьеров» стихи «С этой ночи вращается вокруг пушки японской» и «Что, не боясь попасть на гауптвахту ~ Они ей неслышны, живые» были исключены военной цензурой и заменены отточиями. Сохранились экземпляры сборника, в которых выпущенные стихи вписаны от руки Пастернаком. Стихотворение не вошло в издание «Поверх барьеров» 1929 г. и при жизни автора более не переиздавалось.

¹ *Артиллерист стоит у кормила...* — Кормило — руль, кормовое весло для управления судном. Стоять у кормила — обладать властью, управлять кем-либо или чем-либо. Пастернак использовал эту строку в качестве эпиграфа к журнальной редакции главы 5 части I поэмы «Лейтенант Шмидт», где говорится о провокационных выступлениях монархистов.

² *Вольноопределяющийся* — военный служащий в XIX — начале XX в., добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и несущий службу на льготных условиях.

³ *Záó* — жить (греч.).

⁴ *Гаубица* — огнестрельное тяжелое орудие, бросающее пустотелые снаряды; во время Первой мировой войны считалось уже устаревшим.

⁵ *...вокруг пушки японской...* — Осенью 1914 г. Россия закупила японские пушки образца 1905 г.

**Николай Алексеевич Клюев
(1884–1937)**

Летом 1914 г. Клюев находился у себя на родине — в отдаленной деревне Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Вдохновленный успехом, выпав-

шим на долю его первых поэтических сборников («Сосен перезвон», 1912, фактически — 1911; «Братские песни», 1912; «Лесные были», 1913), поэт создает ряд новых произведений. Русская печать неутомимо прославляет его как «подлинно народного художника». В письме к В. С. Миролюбову (конец 1914 г.) Клюев сообщает, что получил в течение последнего года «больше 70-ти вырезок о себе и о “Лесных былях”...» (Письма Николая Клюева разных лет / Публ., подг. текстов, предисл. и коммент. С. И. Субботина // Николай Клюев: Исследования и материалы. М., 1997. С. 212). А в августе 1915 г. Клюев писал Есенину, что у него накопилось «около двухсот газетных и журнальных вырезок» о своем творчестве (Есенин и современность. М., 1975, С. 239). «Тихий и родимый самый сын земли», чье творчество рождается «из первоисточника» — в таких выражениях писал о Клюеве, например, Сергей Городецкий (*Городецкий С. Незакатное пламя // Голос земли. 1912. № 30. 10 февр. С. 2*). Так же воспринимали поэта-крестьянина и другие его современники.

Немногочисленные письма Клюева 1914–1915 гг., а главное — его навеянные войной стихи того времени позволяют утверждать, что поэт — во всяком случае, поначалу — был глубоко захвачен ура-патриотическими настроениями, которые овладели тогда значительной частью российского общества. Он даже порывался отправиться на войну. «Я подавал прошение о желании моем поступить братом милосердия, — рассказывал Клюев в одном из писем, — но помехой послужило мое увольнительное свидетельство по тяжкой болезни от солдатчины...» (письмо к В. С. Миролюбову от 16 апреля 1915 г. Впервые: Огонек. 1984. № 40, 29 сентября С. 26; публ. и коммент. С. Субботина). Далее, в том же письме, Клюев сообщал, что собирается в Петроград «на переосвидетельствование» и что брат его «бросил всю домашность и ушел добровольцем» (Там же). Однако «переосвидетельствование», насколько известно, не состоялось, и, оставаясь в родной Олонии, Клюев откликается на войну стихами. К осени 1915 г. складывается первый раздел его будущего поэтического сборника, озаглавленный, как впоследствии и вся книга, «Мирские думы» (от слова «мир» в значении сельская община, крестьянский сход) и посвященный «Памяти храбрых». Книга вышла в свет в феврале 1916 г. в петербургском издательстве М. В. Аверьянова и включала в себя, наряду с «Мирскими думами», цикл фольклорных стилизаций («Песни из Заонежья»), созданный в течение 1913–1914 гг. и напрямую не связанный с военной темой.

Автор «Мирских дум» предстает на первый взгляд как убежденный русский патриот. В его стихах слышны националистические нотки, сквозит и обычное для печати того времени «шапкамизакидательство»: «Словно хворост, пушек дула Попирает великан» («Русь»). Встречаются также воинственный антинемецкие выпады («Беседный наигрыш», «Гей, отзовитесь курганы...», «Русь» и др.), выдержанные, однако, не столько в шовинистическом ключе, сколько в духе народных представлений о «германце». Очевидная антигерманская окраска «Мирских дум» не раз привлекала к себе внимание критиков. «Накануне и во время империалистической войны, — писал, например, советский литературовед В. Н. Орлов, — Клюев, впавший в воинствующий квасной патриотизм и писавший лубочные “беседные наигрыши” о “Вильгельмище, царице поганом”, прямоком и быстро шел к сближению с наиболее темными и реакционными силами» (Орлов Вл. Николай Клюев // Литературная Россия. 1966. № 49, 25 нояб. С. 16). В действительности, однако, смысл

и значение «военных песен» Ключева не сводится к обличениям «супостата» и «басурманской орды», «злым вороньем» обложившей «русский рубеж» («Гей, отзовитесь курганы...»). Ключев пытается взглянуть на современные события глазами «народа» и говорить о них «народной» речью. Его восприятие русско-германской войны отражает, скорее, те чувства и настроения, которые владели в то время — разумеется, не без влияния официальной пропаганды — тысячами русских крестьян, одетых в солдатские шинели и готовых сражаться не только «за царя и отечество», но и за родную землю. «Постоять за крещеную землю, За зеленую мать-пустыню, За березоньку с вещей кукушкой» — сказано в «Мирской думе». И хотя Ключев, бесспорно, отдал дань модному в ту пору образу русского мужика-богатыря, походя разящего врагов заветным мечом-кладенцом («Русь»), тем не менее герои его «военных песен» вовсе не разудалые «братушки-солдатушки», а, скорее, былинные «Муромцы, Дюки, Потоки», поднимающиеся на ратный подвиг. Их осеняют народные святые — Георгий Победоносец, Митрий (Димитрий) Солунский, преподобный Лазарь...

Что особенно пленяет читателя «Мирских дум» — это ярко запечатленный поэтом образ народной России. На военные события Ключев пытался смотреть «по-народному» — глазами своих героев, русских крестьян и крестьянок. Глубоко переживая войну, Ключев воспринимал ее как трагедию, великое всенародное бедствие. Обезлюдившая осиротевшая деревня, покосившиеся избы, богомольцы и калеки, творящие молитву «о солдате в побоище смертном» (стихотворение «Слезный плат»), крестьянские матери и жены, оплакивающие погибших, скорбящая вместе с ними русская природа — такой в первую очередь выглядит в «военных песнях» Ключева охваченная войной страна. Их основная тональность определяется взволнованным стихотворением, которым открывается сборник («В этот год за святыми обедами...»); это — живой достоверный образ русской деревни в «годину Великой Брани» (это выражение Ключев использовал в надписях на экземплярах «Мирских дум»).

Сокрушаясь о «покойных солдатских душеньках», поэт оплакивает народное горе. Подобно деревенским бабам, оставшимся без «кормильца», он горестно «причитает», сострадая «солдатской матушке», проливающей слезы по убитому сыну, или тоскующей без мужа «солдатке». Читателю открывается скорбящая Русь, поющая заунывные «поминные приплачки». Отдельные стихотворения действительно воспринимаются как своего рода поминальные молитвы по павшим («Поминный причит»); в них сквозит подлинная, искренняя боль. Не случайно в стихотворении 1916 г. «Оттого в глазах моих просинь...» Ключев назовет свои военные стихи «болезными»: «Лихолетья часы железные / Возвестили войны пожар, / И Мирские Думы болезные / Я принес отчизне как дар...» (Ключев Н. Песнослов. Книга вторая. Пг., 1919. С. 66); здесь обыгрывается образ из первого стихотворения «Дум»: «Полетай мой дума болезная...».

Чувство художественной меры порой изменяло Ключеву (особенно в 1914–1916 гг.). Он явно перебарщивал в своем увлечении фольклором, чрезмерно заострял «приемы», а главное — перегружал свои стихи малопонятными, а то и вовсе непонятными местными словами и выражениями (диалектизмами). «Неедняк трава с горькой пеструшкой», «Животы-приданое трунь взяла», «Не косач в силке ломит шибанки» — такая лексика, заметно окрашивая «Мирские думы», имеет подчас нарочитый характер. Следует попутно сказать,

что «народного» в стихах Крюева той поры — несмотря на их кажущуюся «аутентичность» — было не так уж много.

Как только сборник вышел из печати, по страницам русских газет и журналов прокатилась волна восторженных откликов. «Это — книга национального воодушевления, поэтизация народной души, — восклицал нижегородский журналист. — Она вызвана скорбью автора о народном горе» (*Лавров Б.* Поэт русской глубины и размаха (Николай Крюев) // *Волгарь.* 1916. № 133, 17 мая. С. 1). Миф о Крюеве как о носителе «народной души» развивал и углублял в своих статьях авторитетный критик Иванов-Разумник. «Впервые, — писал он, — приходит в литературу поэт от такой глубины народной. <...> И речь его — подлинное “словотворчество”, новое для города, старое для народа <...> сила его в земле и в народе» (*Иванов-Разумник.* Земля и железо: (Литературные отклики) // *Русские ведомости.* 1916. № 79, 6 апр.). Горячо поддержал народничество Крюева поэт Георгий Иванов. «Речь Крюева, — отмечал он, — насыщена местными кряжистыми словами. Она затейлива и не всегда понятна, но она звучит как пение птицы, плес реки, шум деревьев, она проникнута естественной гармонией природы» (*Иванов Г.* Черноземные голоса // *Русская воля.* 1917. № 226, 23 сент. С. 7).

Отметим также не появившуюся в печати статью, посвященную «Мирским думам». Автор, поэт и стиховед Н. Н. Шульговский (1880–1931) подготовил ее, видимо, для петроградского «Ежемесячного журнала», издатель которого (В. С. Миролубов) покровительствовал Крюеву и систематически публиковал его произведения, в том числе и некоторые из «песен» военного времени (статья сохранилась в архиве «Ежемесячного журнала»). «Кажется, что в “Мирских думках”, — восторгался Шульговский, — воскресли старинные огромные былины, народные песни с орлиным размахом, то гудящие как вечевого колокол, то нежные, как переливы жаворонков, то грустные, как пенье иволги, как белые одолени в речной заводи» (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 185, оп. 1, ед. хр. 1766, л. 1). Шульговский принимает Крюева не безоговорочно: несколько страниц своей пространной статьи он посвящает, например, «сложной» личности Крюева, рядившегося в 1910-е гг. в различные одежды и слагавшего про себя «небылицы». Тем не менее, утверждал Шульговский, автор «Мирских дум» выявил в своем творчестве то, «что думала, чем болела, чем жила в тяжкую годину простая русская душа». Причисляя некоторые из «Дум» («Гей, отзовитесь курганы...», «Русь») к вершинам поэтического творчества Крюева («В этих песнях полет поэтической мысли не знает удержа. Один грандиозный образ сменяется другим» и т. п.), Шульговский делает окончательный вывод: «“Мирские думы” останутся навсегда» (Там же. Л. 16, 21, 23).

Обратила внимание на Крюева и знаменитая певица Надежда Плевицкая (ей посвящено стихотворение, открывающее «Песни из Заонежья»), предложившая поэту совместную гастрольную поездку по России. Весной 1916 г. Крюев и Плевицкая вместе выступали в Витебске, Орле, Пензе, Оренбурге и других городах; певица исполняла народные песни и военно-патриотические произведения, а Крюев читал свои «Мирские думы». Новая и более продолжительная поездка Плевицкой и Крюева состоялась в ноябре–декабре 1916 г. (Баку — Тифлис — Владикавказ — Армавир — Ставрополь — Ростов-на-Дону — Новочеркасск — Москва).

Одно из наиболее громких совместных (устных) выступлений Ключева и Сергея Есенина, с которым они к тому времени недавно познакомились, состоялось 21 января 1916 г. в московском Обществе свободной эстетики. «Поэты еще до чтения своих стихов, — сообщалось в газетном отчете, привлекли внимание собравшихся своими своеобразными костюмами: оба были в черных бархатных кафтанах, цветных рубахах и желтых сапогах. <...> Ключев прочел былинно-сказание “О Вильгельмице, царе поганьем”, а г. Есенин — сказание о Евпатии Коловрате. Затем поэты читали поочередно лирические стихотворения. В произведениях обоих поэтов нашла свое отражение современная война. Оба поэта имели у слушателей успех» (Вечер народных поэтов // Утро России. 1916. № 22, 22 янв. С. 4; без подп.; упомянутое стихотворение Ключева — «Беседный наигрыш»).

«Мирские думы» оказались последней дореволюционной книгой Ключева. Дальнейшие события решительно изменили литературный облик «народного поэта»: обновляется тематика его творчества, совершенствуется образная система, ломается интонация и возникает иная стилистика поэтической речи, весьма отличная от «военных песен» 1914–1916 гг.

К 1917 г. патриотический пафос Ключева убавился настолько, что он уже искал возможности уклониться от призыва в действующую армию. В этом ему помогали А. М. Ремизов и В. В. Розанов. Последний обратился, в частности, к А. И. Карпинскому, известному врачу-невропатологу, который и выдал Ключеву необходимое свидетельство. «Ключев Н. А. (поэт), — комментировал Ремизов свои письма к Розанову (в части, касающейся освидетельствования Ключева), — отбояривался от воинской повинности <...> Я отрядил Ключева с письмом к В<асилию> В<асильевич>у, а В<асилий> В<асильевич> Ключева направил с письмом к Карпинскому. И до чего это странно — Ключев “дурил” ведь докторов, а все принимали за чистую монету» (Ремизов А. М. Кукха. Розановы письма / Издание подготовила Е. Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 506).

Солдатка

Впервые: Биржевые ведомости. 1914, №14554, 14 дек. Утр. вып. Печатается по: Ключев Н. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 241 (Библиотека поэта. Малая сер.).

¹ *Животы-приданое* — здесь: богатство, имущество.

² *...трунь взяла!* — превратилось в труху.

³ *...за рядой...* — торгующимся.

⁴ *Втымеж* — в ту пору.

Русь

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14575, 25 дек. Утр. вып. С. 6. Печатается по: Ключев Н. А. Сердце Единорога: Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 227–228.

¹ *Кладенец (меч-кладенец)* — богатырский меч (в русском фольклоре), обладающий чудодейственной силой.

² *Оборы* — завязки, на которых держались лапти.

³ *Пал на лысину Карпатов...* — имеется в виду Прикарпатская Русь, где, в 1915 г. шли ожесточенные сражения русской и германской армий.

⁴ *Червонная Русь* — историческая область, сложившаяся в XV–XVIII вв. на западе нынешней Украины и юго-востоке Польши (более позднее историческое название — Галиция).

⁵ *Гридня* — помещение при дворе князя для членов княжеской дружины.

⁶ *Жупан* — старинный дворянский костюм (у поляков и белоруссов); теплая верхняя одежда (у украинцев); крестьянский кафтан или зипун (у русских).

Дон-Аминадо (1888–1957)

В 1914 г. Дон-Аминадо (наст. имя и фамилия — Аминад Петрович (Аминадав Пейсахович) Шполянский) был мобилизован и отправлен на фронт, в 1915-м ранен.

В 1914 г. вышел первый сборник стихов Дон-Аминадо — «Песни войны» (второе издание вышло в 1915 г.), где многое связано с личными впечатлениями фронтовой жизни. Он скорбел об обреченных на смерть солдатах, он искал смысла в их гибели и не находил. Угроза разрушения культурного наследия воспринималась поэтом как личное горе (стихотворения «Бельгии», «Реймский собор»). В стихотворении «Кто прав!» спор мудреца и поэта о тайне мира прерван приходом воина, он отсекает головы обоим. «Эти гуманные и горячие чувства, навеянные жизненными впечатлениями и порожденные серьезными раздумьями, к сожалению, лишь изредка проскальзывали в сборнике, затерянные среди множества холодных книжных мотивов и настроений...» (*Коровин В. И.* «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 7).

О войне много говорится в книге воспоминаний Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» (1954). Здесь поражают описания тыла, где не сразу поняли, что началась война, а поняв, без оглядки, будто в последний раз бросились в пучину развлечений: «Как будто страх обуял весь этот сумасшедший разнузданный мир, страх — не успеть насладиться вдоволь» (*Дон-Аминадо.* Наша маленькая жизнь. С. 591). «Фронт глухо ворочался, брюзжал, но терпел, крепился и держался. Не знал удержу только один тыл. В клубах сумасшедшая азартная игра. Метали банк нажившиеся на поставках лубяньские молодцы, ненасытные делеги из Китай-города, долго завтракавшие в “Славянском базаре”, а по ночам проигрывавшие целые состояния в Английском, Купеческом, в Охотничьем, в особняке Востряковых на Большой Дмитровке. Балы и вечера “в пользу раненых” превосходили по роскоши все, до тех пор виденное» (Там же. С. 603). К ужасам войны постепенно привыкали, до 1917 г. вопреки всему еще верили в «войну до победного конца», хотя уже в 1916 г. раздался «первый змеиный шепот: чем хуже, тем лучше...» (Там же. С. 591).

В воспоминаниях Дон-Аминадо рассказано, как чтение его стихотворения в театре Балиева имело успех, поскольку придавало оттенок серьезности спектаклю, в котором царило беспешачное веселье: «Инсценировки, скетчи, пародии, юморески, цыганские романсы в лицах, один номер за другим следовали быстрым, увлекательным, ни на миг не угасающим темпом. Отдавая должное моменту, Балиев внушительно потребовал особой тишины и внимания, “ибо в том, что пройдет сейчас перед вами, речь идет не о нас — здесь, а о них —

там!..” Зал покорно переключился, и на сцене, освещенной далеким, багровым заревом, появились носилки, раненый солдатик, забинтованный марлей, и сестра милосердия с красным крестом на груди. Солдатик был театрально бледен и безмолвен, а сестра милосердия, под содержательный аккомпанемент рояля, вдохновенно декламировала стихи Д. Аминадо, не без пафоса швырнув в зал заключительную строфу:

Далеко, за пургой и метелью,
Сколько милых в бою полегло:
Расступись перед серой шинелью
Вы, которым светло и тепло!

Какое-то декольте в ложе глубоко вздохнуло. Публика аплодировала. Туманова, изображавшая сестру милосердия, долго раскланивалась. Балиев был явно удовлетворен: дань моменту была отдана, хоть какое-то приличие было соблюдено» (Там же. С. 595).

Иронично характеризует Дон-Аминадо издания военных лет: «В “Русских ведомостях” <...> ни пульса, ни взлета, ни орфографической ошибки»; у «Русского слова» «в любом углу, в любом провинциальном захолустье корреспондент на корреспонденте сидит, корреспондентом погоняет»; «Голос Москвы» занимается высокой политикой и «много места уделяет коннозаводству и другим жгучим и неотложным вопросам»; в «Вечерних новостях» «война и скачки»; в «особенной газете» «Новь» увлекались йогой и писали о том, что «в окопах, когда наступало затишье, солдаты мирно беседовали о переселении душ»; газета «Утро России» «особой яркостью не отличалась и большого влияния на умы и настроения не имела» (Там же. С. 597, 598, 599, 600, 601, 602). В этом контексте Дон-Аминадо сообщает и о себе: «Военные стихи, под псевдонимом Гидальго, писал сотрудник “Раннего утра” и суворинской “Нови” Д. Аминадо» (Там же. С. 600),

Туда!

Впервые: *Дон-Аминадо. Песни войны*. СПб., 1914. Печатается по: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания*. М., 1994. С. 42–43.

Реймский собор

Впервые: *Дон-Аминадо. Песни войны*. СПб., 1914. Печатается по: *Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания*. М., 1994. С. 54–55.

О судьбе разрушенного Реймского собора см. комментарий к стихотворению О. Мандельштама «Реймс и Кёльн» в наст. изд., с. 695–696.

¹ *Шампанских лоз чудесная земля...* — Реймс — столица провинции Шампань.

² *Венчала здесь на царство короля ~ В лучах любви явившаяся Жанна...* — В 1429 г., после освобождения Орлеана и Реймса, Жанна д’Арк (ок. 1412–1431) приняла участие в коронации Карла VII (1403–1461) в Реймском соборе; именно ей удалось провести короля в Реймс через оккупированные англичанами земли.

³ *Водомер* — фонтан.

⁴ *Над полной снов муаровою Марной...* — Муар — плотная шелковая ткань с волнообразными переливами различных оттенков цвета. Марна — река на Севере Франции, правый приток Сены. 5–12 сентября 1914 г. на р. Марна состоялось крупное сражение (Битва на Марне, Марнское сражение) между немецкими и англо-французскими войсками. Немецкая армия потерпела поражение, был сорван стратегический план ее наступления, ориентированный на быструю победу.

⁵ *Прекрасный Реймс! Быть может, для немногих Собор твой был источником утех...* — Отсылка к биографии и творчеству В. А. Жуковского, который посетил Реймс в 1827 г., сопровождая наследника престола в его путешествии по Европе. В сборнике «Für Wenige. Для немногих» (М., 1818. № 6) были впервые напечатаны отрывки из выполненного В. А. Жуковским перевода трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская девственница».

Германии

Впервые: *Дон-Аминадо*. Песни войны. СПб., 1914. Печатается по: *Дон-Аминадо*. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М., 1994. С. 58–59.

¹ *Цеппелин* — дирижабль, названный по имени его изобретателя и создателя Фердинанда Цеппелина и строившийся немецкой фирмой «Luftschiffbau Zerpelin GmbH».

² *Тевтон* — здесь: *немец*. Тевтоны — название древнегерманского племени, проживавшего на западном побережье Ютландии (полуостров в Европе, разделяющий Балтийское и Северное моря) и в низовье реки Эльба.

³ *Швабы* — немцы, говорящие на одном из южно-немецких диалектов — швабском, проживают в Швабии, исторической области на юге Германии в верховьях Рейна и Дуная. Одно из устаревших названий немцев вообще.

Дмитрий Михайлович Цензор (1877–1947)

«Кругозор его по-прежнему не широк, на стихах лежит печать газеты; перепевает он самого себя без конца, но все-таки, переходя от отрицательного к положительному, надо сказать о нем, что он появился в то время, когда поэтов были только десятки, а не сотни, как теперь, что он чист душой и, главное, что временами он поет как птица, хотя и хуже птицы; видно, что ему поется, что он не заставляет себя петь» — так писал о Цензоре Александр Блок в 1919 г. (*Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 335*). В литературных кругах Серебряного века Дмитрий Цензор был своим человеком: он был вхож на «башню» Вячеслава Иванова; испытал влияние символистов, участвовал затем в «Цехе поэтов» Николая Гумилева. К началу войны он был автором трех поэтических сборников; последний — «Легенда будней: лирика», о котором, собственно, и отзывался Блок, — издал в 1913 г. Аркадий Аверченко. В четвертую книгу (1915) Цензор собрал свои стихи на военную тему и назвал ее «Священный стяг: стихи о войне 1914–1915 г».

Песнь о смерти

Впервые: *Цензор Д.* Священный стяг: Стихи о войне 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 45–46. Печатается по этому изданию.

¹ *Как я жалок, как я мал...* — Возможно, реминисценция из стихотворения Ф. Сологуба «В поле не видно ни зги...» (1897): «Сам я и беден, и мал...». Во всяком случае, разработка лирического сюжета явно не обошлась без влияния Сологуба, в поэзии которого любовь к смерти — одна из ключевых тем.

Сергей Митрофанович Городецкий
(1884–1967)

К началу Первой мировой войны Сергей Городецкий успел сменить несколько литературных направлений. В 1906 г. его с восторгом приняли на «башне» Вячеслава Иванова, его первый поэтический сборник «Ярь» (1907), насыщенный языческими образами, проникнутый стихийным пантеизмом, пафосом некрещеной Руси и радостью молодой силы, имел необычайный успех. Но уже три года спустя Городецкий предстал адептом христианско-дионисийского учения Вяч. Иванова, затем издал сборник «Русь» (1910), предназначенный для народного чтения и начал ратовать за опрощение поэзии, в следующем году выступил как один из основателей «Цеха поэтов», а зимой 1912–1913 гг. — как один из создателей программных тезисов акмеизма. Поэтическая тематика, востребованная условиями начавшейся войны, оказалась привлекательной для Городецкого. Ему «видимо, казалось, что Мировая война принесла возрождение долгожданной “соборности”, повлекла за собой слияние одиноких индивидуальных сознаний и волю в коллективное целое. Поэт стал жертвой одной из тех мистификаций, которыми так богата история XX века. Он <...> разменял отчаянный языческий восторг на официальный патриотический оптимизм» (см.: *Смирнов И.* О С. Городецком // *Русская литература.* 1967. № 4. С. 184). 26 июля 1914 г. К. И. Чуковский записал в дневнике: «Видел Сергея Городецкого. Он форсированно и демонстративно патриотичен <...>. Пишет патриотические стихи, и когда мы проходили мимо германского посольства — выразил радость, что оно так разгромлено. “В деревне мобилизация — эпос!” — восхищается. Но за всем этим какое-то уныние: денег нет ничего» (*Чуковский К.* Дневник: 1901–1929. М., 2003. Т. 1. С. 78). Георгий Иванов выразил, пожалуй, общее мнение литературной среды, написав, что в своих военных стихах — звонких, а нередко и вялых — Городецкий «излагает содержание передовых статей вечерней газеты» (*Иванов Г.* Испытание огнем: (Военные стихи) // *Аполлон.* 1914. № 8. С. 55). Свои стихи на военную тему Городецкий издал отдельным сборником «Четырнадцатый год». О настроениях, выразившихся в стихах этого сборника, автор впоследствии писал: «Когда началась Первая мировая война, я был захвачен ура-патриотическим угаром» (*Городецкий С.* Мой путь // *Советские писатели: Автобиографии:* В 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 326). 1915 год, когда вышел этот сборник, отмечен еще одним поворотом в судьбе Городецкого: сблизившись с Есениным, он стремится организовать кружок «народных писателей» «Краса», а затем «общество содействия развитию народной литературы» «Страда». Но его союз с Есениным, Н. А. Клюевым,

Б. А. Верхоустиным и др. распался уже к концу 1915 г., и весной 1916 г. Городецкий отправился на Кавказ корреспондентом газеты «Русское слово», еще раз начав новую страницу своей биографии.

Приехав в Тифлис, Городецкий обратился в общество «Союз городов» с просьбой отправить его на фронт. Вскоре он выехал в Турецкую Армению, где воочию увидел последствия армянского геноцида. Свои страшные впечатления он передал в документально-публицистическом очерке «Разоренный рай»: «Невыносима мысль, что сотни тысяч мирных, беззащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям. <...> Чувство, с которым стоишь на месте погрома, ни с чем не сравнимо по горю. Непоправимое несчастье, несмываемый позор, бессильный гнев за оскорбление души человеческой — вот <...> ощущения, которыми дарит Турция» (Русское слово. 1916. № 175). Городецкий занялся деятельной помощью армянскому населению, пострадавшему от резни. В частности, он собирал на дорогах оставшихся сиротами детей, чтобы отправить их в приюты. В газетах «Русское слово» и «Армянское слово», в журнале «Армянский вестник» он публиковал документальные свидетельства о происходящем и стихи, которые в 1918 г. объединил в сборник «Ангел Армении», вышедший в Тифлисе. Прежде чем вернуться в Россию, он прожил в этом городе, а затем в Баку еще несколько лет, активно участвуя в местной культурной жизни.

Царьград

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14446, 21 окт. (3 нояб.). Утр. вып. Печатается по: *Городецкий С.* Четырнадцатый год. Пг., 1915. С. 37–38 (в составе цикла «Едиными силами»).

С момента завоевания Константинополя (славяне именовали его Царьградом) османами в 1453 г. русскими правителями вынашивалась религиозно-политическая идея «византийского наследия»: Московская Русь, а затем и Российская империя мыслились как царство, оставшееся после Византии единственным оплотом чистого православия, призванное охранять православные народы, в идеале — изгнать турок из Европы и отвоевать Константинополь. В 1880–1890-х гг. этот комплекс идей имел особую актуальность, а в годы Первой мировой войны одним из условий, выдвинутых Россией перед союзниками по Антанте, было присоединение в результате войны Константинополя и Южной Фракии к Российской империи.

¹ *Не даром был Олег щит На воротах твоих прибит...* — Согласно летописному преданию, после удачного похода на Царьград в 907 г. Олег Вещий «повесил щит свой на вратах в знак победы» (Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI — начало XII века. М., 1978. С. 47).

² *Эвксинские волны* — волны Черного моря (одно из его ранних названий: Понт Эвксинский).

³ *Святой Премудрости собор* — собор Святой Софии, Премудрости Божией в Константинополе, превращенный турками в мечеть.

⁴ *Пусть плен Софии — плен двойной...* — По-видимому, Городецкий имеет в виду, с одной стороны, пленение собора Святой Софии, превращенной в мечеть, а с другой стороны, — восходящее к гностической мысли и популярное

в эпоху Серебряного века представление о падшей — отпавшей от Бога Софии, или Мировой душе, погрузившейся в мир материи и жаждущей возвращения к Богу.

Воздушный витязь

Впервые: *Городецкий С.* Четырнадцатый год. Пг., 1915, в составе цикла «Едиными силами». Написано, по свидетельству автора, в день гибели Нестерова (см. о нем ниже), 26 августа (8 сентября) 1914 г. Печатается по: *Городецкий С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 311–312 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹ *Нестеров Петр Николаевич* (1887–1914) — выдающийся военный летчик. 27 августа 1913 г. впервые выполнил «мертвую петлю», положив начало высшему пилотажу. Во время Первой мировой войны осуществлял военную разведку и бомбардировки артиллерийскими снарядами. 26 августа (8 сентября) 1914 г. погиб, применив в воздушном бою таран.

Любовь Никитична Столица (1884–1934)

Л. Н. Столица (урожд. Ершова) — поэт, прозаик, драматург. Начала публиковаться с 1906 г. К началу войны вышли два ее поэтических сборника: «Раиня» (1908) и «Лада» (1912). Третий — «Русь», заверченный в 1913 г., — появился в 1915 г. Ранее творчество Столицы близко по духу к ранним стихам С. Городецкого: она воспеваает стихийную силу языческой Руси, описывает языческие обряды и деревенский быт, противопоставляет патриархальный деревенский мир городу. Эта тема дополняется пафосом женской эмансипации. В 1915 г. появляется ее роман в стихах «Елена Деева», экранизированный в 1916 г. режиссером А. А. Чарганиным: героиня, прошедшая через соблазны большого города, отправляется на германский фронт, переодевшись в мужское платье. Воюет на фронте и героиня стихов, включенных в настоящее издание. Женскому движению, в котором она принимала участие, посвящена статья Столицы «Новая Ева». В период войны Столица выступила и как драматург (пьеса «Голубой ковер» для московского Камерного театра, 1916). Еще до войны в московской квартире Столицы начались литературные вечера, которые продолжались в 1914–1916 гг. На этих вечерах бывали С. Есенин и Н. Клюев, С. Парнок, актрисы В. Юргенева и Вера Холодная. Некоторые стихи Столицы положены на музыку А. Гречаниновым («Две песни Лады») и Р. Глиэром («Лада»). В 1915 г. стихотворения Столицы появляются в составленном А. Н. Чеботаревской сборнике «Война в русской поэзии» (вышел с предисловием Ф. Сологуба), в 1916-м — в сборнике «В помощь пленным русским воинам». В начале 1916 г. Столица принимала деятельное участие в организации благотворительного вечера в Политехническом музее — 25% сбора предназначалось Комитету военнопленных в Стокгольме. О Любви Столице см.: *Акимов М. В., Дворникова Л. Я.* «Дионисов чудный дар»: Материалы для биографии Л. Н. Столицы // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1996. Вып. 7. С. 5–29.

«Я девичью ногу — в стремя...»

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14534, 4 (17) дек. Утр. вып. Печатается по: *Столица Л.* Голос Незримого. М., 2013. Т. 1. С. 358.

Максим Горький
(1868–1936)

В конце 1913 г. Горький (наст. имя и фамилия — Алексей Максимович Пешков), попавший под политическую амнистию, вернулся с Капри и поселился в деревне Кирьявала, неподалеку от станции Мустамяки. В Финляндии он провел большую часть военных лет, периодически выезжая в Петербург, где снял квартиру. Получив известие об объявлении войны, 20 июля (2 августа) 1914 г. он писал И. М. Касаткину: «Я давно — года три — как убежден был в неизбежности общеевропейской войны, считал себя подготовленным к этой катастрофе, много думал о ней, но — вот она разразилась, и я чувствую себя подавленным, как будто все случившееся — неожиданно. Страшновато за Русь, за наш народ, за его будущее, и ни о чем, кроме этого, не думаешь <...> ясно одно: мы вступаем в первый акт трагедии всемирной. Чем кончится она?» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 11. С. 119). Те же страшные предчувствия звучат в письме к М. Ф. Андреевой от 9 (22) сентября 1914 г.: «Литература, искусство, все великое, что украшало и облагораживало жизнь, вдруг — вычеркнуто из нее, оказалось ненужным, уничтожается. Этого никогда не было. <...> Ведь эта война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех ко всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей, она уже теперь у многих вызывает мысль о необходимости уничтожения целой нации <...> мировая катастрофа, крах европейской культуры» (Там же. С. 126). В надвигающихся событиях Горький предчувствовал «утрату духа живого» (из письма к М. А. Пешкову от 26 сентября (9 октября) 1914 г. — Там же. С. 131).

От Горького ждали громких публицистических заявлений, попадающих в резонанс с патриотическим воодушевлением первых месяцев войны. Горький, однако, молчал. 29 сентября (12 октября) 1914 г. он рассказывал М. А. Пешкову: «На меня все нападают газетчики, желая, чтоб я “высказался о войне”, а я — молчу, так они сами за меня высказываются. Недавно в каком-то листке было сообщено, что я “не успокоюсь, пока собственноручно не убью хоть одного немца”. Так как говорится “хоть одного”, значит — предполагается, что у меня есть аппетит убить многих» (Там же. С. 132). Горький занял позицию принципиального, демонстративного неучастия в чудовищных событиях: «В санитары я не собираюсь, сын мой учится в Москве и вовсе не намерен воевать, лазаретов не строю — нет денег и желания, а вот протест литераторов против “немецких зверств” подписал второпях, и это меня очень мучает» (из письма к В. С. Войтинскому от 1 (14) октября 1914 г. — Там же. С. 133). Шовинистический угар возмущал его, начавшееся преследование живущих в России немцев приводило в негодование: «Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер», — писал Горький тому же Войтинскому 30 ноября (13 декабря) 1914 г. (Там же. С. 137). «Сидим по уши в грязи, в крови, во лжи — и все хвастаем: экой мы сильный народ! Мы хвастаем, а нас — бьют.

Патриотизм, о коем Вы пишете, мне совершенно чужд и враждебен» (из письма к Г. Д. Гребенщикову от середины июля 1915 г. — Там же. С. 184).

Горький отчетливо видел, что общественное настроение формируется вне всякой связи с реальной природой событий. После очередной беседы с рабочими, состоявшейся в декабре 1914 г., он констатировал: «Полная неосведомленность о причинах войны, убеждение, что война начата Германией, недоверие к факту, что Германия неизбежно должна была начать войну, была вызвана к войне, непонимание роли Англии и вообще наших “союзников”» (Там же. С. 137). Скрытой целью войны Горький считал «стремление к захвату и разделу материков Азии и Африки» (см.: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 173; *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. М., 1965. С. 322). Между тем безобразная экономическая подоплека происходящего была совершенно очевидна: «Люди все более звереют и безумеют от страха перед войной, затеянной ими. <...> Живут люди в страхе, но и страх не мешает жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, грабит — как никогда еще не грабила. <...> Прогрессивный блок становится магнитом, который все с большей силой притягивает к себе все способное жрать и воровать “ради спасения родины от врага”» (из письма к С. В. Малышеву от 22 сентября 1915 — *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 11. С. 190).

Когда Горький решился наконец высказаться, он стал писать цикл статей, озаглавленный «Несвоевременное», — их содержание явно шло вразрез с идеологическим направлением времени. Горький подчеркивал, что в войне виновна вся Европа: «Эта страшная война была неизбежной вследствие темных предначертаний внеразумной силы капитализма; она свидетельствует о временном параличе разума и воли не только у немцев, но и вообще у всей Европы»; «Несвоевременно говорить так во дни, когда немец стал у нас синонимом дикаря и зверя. Но я думаю, что война — хуже немца, и полагаю, что живой человек — немец — страдает от нее не менее тяжело, чем живые люди иных наций» (Там же. С. 380; *Овчаренко А.* Публицистика М. Горького. С. 319–321). Горький предполагал печатать свой цикл в газете «Русское слово», но там он напечатан не был. Первую статью писатель передал в газету «День»; статью набрали для выпуска от 5 (18) декабря 1914 г., но цензор велел исключить ее целиком. Статья была опубликована лишь в 1931 г. (Красный архив. Т. 45).

Во второй половине 1914 г. Горький вынашивал план выпуска двух серий брошюр: одна должна была обнажить экономические причины войны, другая — рассказать о жизни европейского пролетариата, чтобы содействовать развитию чувства интернационализма. Ради борьбы с шовинизмом в 1915 г. Горький задумал издание маленьких сборников национальных литератур — армянской, латышской, еврейской и т. п. (первые три сборника вышли в 1916–1917 гг. в организованном Горьким издательстве «Парус»). Он стал инициатором создания «Русского общества изучения жизни евреев», к которому привлек Леонида Андреева и Федора Сологуба, в декабре 1915 г. приглашал Бунина и Короленко к участию в сборнике исторических и литературных произведений «Евреи на Руси».

Другой задачей Горького была организация радикального демократического журнала. Им стал журнал «Летопись», первая книга которого вышла 18 (31) декабря 1915 г. Направление и задачи издания Горький описал, при-

глашая к участию в нем К. А. Тимирязева: «С января, 16-го года, в Петербурге будет издаваться журнал науки, литературы и политики — “Летопись”. Цель журнала — может быть, несколько утопическая — попытаться внести в хаос эмоций отрезвляющие начала интеллектуализма. Кровавые события наших дней возбудили и возбуждают слишком много темных чувств, и мне кажется, что уже пора попытаться внести в эту мрачную бурю умеряющее начало разумного и критического отношения к действительности» (письмо от 11 (24) октября 1915 г. — *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 11. С. 196). В тот же день Горький сформулировал интернациональную цель журнала — борьбу за интересы «планетарной культуры против национализма» (письмо к Г. Роланду-Гольсту — Там же. С. 198). В журнале удалось напечатать немало антивоенных выступлений, неудивительно поэтому, что он привлек пристальное внимание со стороны правительства. 17 (30) января 1917 г. было принято решение закрыть «Летопись», а наиболее активных сотрудников выслать. Однако вскоре произошла Февральская революция, и это решение не было приведено в исполнение.

Из дневника

Впервые: Беседа. 1923. № 2, июль-август. Написано в 1914 г. Печатается по: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 17. С. 174.

¹ *Убийственно тоскливы ночи финской осени.* — В 1914–1916 гг. Горький подолгу жил в Финляндии (см. выше).

Наталья Игнатьевна Потапенко (1892–1974)

Наталья Потапенко — прозаик, драматург, переводчик, артистка. Дочь писателя И. Н. Потапенко. Училась в театральной школе имени А. С. Суворина. Играла в Новом театре (Санкт-Петербург). С 1912 г. печатала свои рассказы в периодических изданиях, в годы войны — в литературном приложении к журналу «Нива» (1915. № 2. С. 335–346 — рассказ «Темная сила»), а также в «Синем журнале». В 1914 г. вышел первый сборник прозы Потапенко — «Отступница», в 1916 г. — второй, «Мелькающие лики». В 1919 г. она эмигрировала, с 1921 г. жила во Франции. В 1922 г. вышла ее повесть «Черт». Потапенко сотрудничала в эмигрантских изданиях, изредка публиковала рецензии и воспоминания в советской прессе. В 1930-х гг. от литературной деятельности отошла.

Друг

Впервые: Синий журнал. 1914. № 46, 20 дек. С. 4–5. Печатается по этому изданию.

В октябре 1914 г. османские войска при поддержке немецкого флота вторглись на территории Батумской области Российской империи, где ранее проходила граница с Османской империей. В начале ноября Россия объявила войну Турции. Описываемые в рассказе события относятся к началу оборонного процесса, когда еще не был известен трагический для Российской империи исход первого военного столкновения с турками.

**Валентин Петрович Катаев
(1897–1986)**

В 1910 г. журнал «Одесский вестник» опубликовал первое стихотворение Катаева «Осень», в 1912 г. в этом журнале напечатано уже 25 его стихотворений и начали появляться первые юмористические рассказы. В 1912 г. вышли отдельными изданиями рассказы «Пробуждение» и «Темная личность». Не окончив гимназию, в 1915 г. Катаев ушел на войну добровольцем-вольноопределяющимся, участвовал в боях под Сморгонью канониром в 64-й артиллерийской бригаде, через год был произведен в звание прапорщика, дважды получил ранения, пережил газовую атаку, в 1917 г. снова оказался на фронте, но был тяжело ранен и до ноября этого года находился в госпитале. Катаев был награжден двумя Георгиевскими крестами и орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» и демобилизован в чине прапорщика. Во время войны он печатал стихи, прозу и публицистику в периодических изданиях («Весь мир», «Южный огонек», «30 дней»), с которыми продолжал работать и после революции. Во время Гражданской войны стал участником Белого движения, но впоследствии примирился с советской властью.

Ружье

Впервые: *Весь мир*. 1915. № 39, сентябрь (с подзаголовком: «Посвящая дворовой детворе»). Написано в конце 1914 г. Печатается по: *Катаев В. П. Собр. соч.*: В 10 т. М., 1983. Т. 1. С. 41–47.

**Александр Степанович Грин
(1880–1932)**

Первые военные годы Александр Степанович Грин (наст. фамилия — Гриневский) провел в Петербурге, куда в 1912 г. вернулся из ссылки (в 1903 г. он был арестован за революционную пропаганду среди матросов, в 1905 г. приговорен к 10 годам ссылки в Сибирь, попал под октябрьскую амнистию 1905 г., в 1905–1906 гг. жил в Петербурге под чужим паспортом, в 1906 г. вновь арестован и выслан, бежал, вернулся в столицу, где снова жил под чужой фамилией до 1910 г., когда был опять пойман и приговорен к двум годам ссылки, которую и отбыл к 1912 г.). Как политически неблагонадежный призыву он не подлежал. В конце 1916 г. стал известен его непочтительный отзыв о царе, и Грин вынужден был покинуть Петроград. Вплоть до Февральской революции он жил в Финляндии.

Грин начал печататься в 1906 г., по преимуществу в периодических изданиях: в «Биржевых ведомостях», в журнале «Нива» и ежемесячных приложениях к нему, в «Новом журнале для всех» и др. Но уже в 1908 и 1910 гг. были опубликованы сборники его рассказов «Шапка-невидимка» и «Рассказы». В 1913–1914 гг. в издательстве «Прометей» вышло собрание его сочинений в трех томах. В 1914 г. он стал сотрудником журнала «Новый сатирикон» и в приложении к нему издал сборник «Происшествие на улице Пса». К началу войны ранняя реалистическая манера Грина уже ощутимо поменялась на романтическую, в его произведениях начали воплощаться черты вымышленной страны, знакомой современным читателям по «Алым парусам» (1923) или «Бегущей по волнам» (1928). Военные годы ознаменовались переоценкой

собственных эстетических принципов. Возникло резко негативное отношение к современности, в прозе Грина стали появляться мотивы сумасшествия, галлюцинаций, ужаса смерти. Впрочем, он продолжал писать и в прежней своей манере, чередуя реалистические произведения с романтическими. В некоторых рассказах Грина заявлена отчетливая антивоенная позиция (см., например, «Баталист Шуан», «Синий волчок», «Отравленный остров»).

Военный узор

Впервые: Война и герои. СПб., 1914. № 4. Печатается по: Грин А. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 3. С. 648–649.

¹ *Секрет* — наблюдательный сторожевой пункт.

Эпизод при взятии форта «Циклоп»

Впервые: Синий журнал. 1914. № 29, 24 июля, под заглавием: «Эпизод из взятия форта Циклоп». Печатается по: Грин А. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 2. С. 238–244.

Рассказ отчасти ориентирован на проблематику лермонтовского «Фаталиста» — заключительной части романа «Герой нашего времени».

¹ *...пуля штуцеров Консидье...* — Штуцер — нарезное дульнозарядное ружье. Консидье, вероятнее всего, фамилия выдуманная.

Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880–1925)

Во время войны писатель-юморист Аркадий Аверченко жил в Петрограде, работал редактором в «Новом сатириконе», выступал на благотворительных вечерах, сборы с которых шли на оказание помощи раненым, посещал лазареты, где читал свои рассказы. На объявление войны журнал «Новый сатирикон» впервые откликнулся в № 31 — последнем июльском номере 1914 года. С этого номера содержание журнала изменилось, он наполнился военными рассказами и фельетонами, карикатурами на врага, комментариями к новостям с фронта. До января 1915 г. произведения Аверченко на военные темы появлялись фактически в каждом номере. Во второй половине 1914 г. здесь увидели свет такие фельетоны, как «План генерала Мольтке», «Немцы после войны», «Случай с шарлатаном Кранкен». Писатель живо реагирует на политические новости. Так, например, протест нейтральных на тот момент стран — Испании, Италии и США — «против германских зверств», совершаемых войсками над мирным населением Бельгии (в ходе войны на территории Бельгии погибло более 62 000 человек мирного населения), он пародирует в фельетоне «Булавка против носорога». Одним из главных героев произведений Аверченко этого периода становится окарикатуренный враг — глупый и хвастливый Вильгельм II («Четыре стороны Вильгельма», «Ужасы войны»), его младший сын принц Эйтель Фридрих Прусский с «черепом дегенерата» («Кандидат в венгерские короли») и др. Помимо конкретных политических фигур Аверченко изображает недалекого врага как такового, например, в фельетоне «Отцы и дети» он высмеивает взаимоотношения между немцами и их союзниками турками. Исследователи называют проникнутые ура-патриотическими настроениями рассказы и фельетоны этого времени в числе самых слабых произведений Аверченко и поэтому

их практически не переиздают. Ср., например, комментарий Ст. Никоненко к сборнику «Волчьи ямы»: «Из сборника в настоящее издание не включаются рассказы “На большой дороге”, “Ужасы войны”, “Отцы и дети” “Кандидат в венгерские короли”, “Карьера певицы Дусиной”, “Булавка против носорога”, “Счастье солдата Михеева”, “Язва”, поскольку, написанные в начале Первой мировой войны, они носили слишком конъюнктурный характер, и, возможно, являются самыми слабыми в творчестве Аверченко» (Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2007. Т. 4. С. 482; отметим, что «На большой дороге: Вариант “Леса” А. Н. Островского» — не рассказ, а сценка, написанная по мотивам пьесы Островского). «Фельетонами-однодневками» называет произведения Аверченко этого периода Д. А. Левицкий (Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., 1999. С. 219).

В военных произведениях Аверченко осознается масштаб трагедии, невольными участниками которой приходится быть его современникам и ему самому. Один из самых пронзительных рассказов этого периода — «Страшный Мальчик» — о мужестве и героизме русского офицера. Героизм в произведениях Аверченко подан без лоска: способностью к подвигу в его рассказах и фельетонах наделяются обычные люди, слабые, некрасивые, но именно их несовершенство придает им особое обаяние и человечность. Таков, например, главный герой фельетона «Счастье солдата Михеева», готовый самоотверженно броситься в бой лишь потому, что попугай пообещал ему жизнь длиной в девяносто лет.

С начала 1915 г. Аверченко, как и многие другие авторы, пишет на военную тему все меньше. Он уже не создает карикатуры на врага, теперь предметом описания в его рассказах и фельетонах становится быт в тылу. Так, ужесточение сухого закона, введенное с 31 июля 1914 г. в связи с военным положением, стало темой многих юмористических произведений. Аверченко посвящает этой теме фельетоны «Корни в земле», «Тайна зеленого сундука» и «Спиртная посуда». С 1915 по 1916 г. в произведениях Аверченко все чаще изображаются страшные и мерзкие будни военного времени. Например, в рассказе «Специалист по военному делу (Из жизни малой прессы)» (сб. «Волчьи ямы», изданный в Петрограде в 1915 г. в серии «Библиотека “Нового сатирика”») высмеивается некомпетентность военных обозревателей, а в фельетоне «Сто ящичков сардин» говорится о спекуляции в военное время. Тем не менее Аверченко не был подвержен пораженческим настроениям. Он осуждает распространение тревожных слухов в фельетоне «Язва», высмеивает Генри Форда в «Вязанке сена», призывает подписываться на военный заем в фельетоне «Без бумаги», в объявлении «Из хроники газет» жалуется, что монастыри не слышали призыва жертвовать в пользу раненых.

Страшный Мальчик

Впервые: Новый сатирикон. 1914. № 51. Печатается по: Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2007. Т. 4. С. 247–254.

В рассказе не назван родной город героя, но по точным топонимам очевидно, что это Севастополь — родина Аверченко. Главному герою передана еще одна деталь биографии автора — как говорилось выше, Аверченко читал фельетоны раненым в лазаретах.

¹ *Хрустальная бухта* — пляж «Хрустальный», находящийся в самом центре Севастополя, у подножия мыса Хрустальный, в Артиллерийской бухте.

² *Исторический бульвар* — находится в центральной части города над Южной бухтой на высоте 80,8 метра над уровнем моря, проходит по линии бастионов обороны Севастополя с суши во время Крымской войны.

³ *...по растрепанной книжке «Родное Слово» Ушинского...* — Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) — русский педагог, основоположник научной педагогики в России. Книга «Родное слово» (впервые издана в 1854 г.) — первый в России учебник для начального обучения детей, ставший массовым и общедоступным.

⁴ *...переснимочные картинки...* — Очевидно, переводные картинки. Ср. в рассказе А. Т. Аверченко «Наваждение» (сб. «Нечистая сила», 1920): «...к тетради прилагалась бесплатно переснимочная картинка; картинка очень скоро при помощи сложного химического процесса, в котором участвовала слюна и указательный палец, занимала почетное место в углу первой страницы...» (Аверченко А. Т. Собр. соч. Т. 5. С. 317).

⁵ *...на полях географии Смирнова...* — т. е. популярного учебника Н. П. Поспелова «Краткая география для начальных городских училищ: Сост. по Смирнову, Баранову, Янчину и др.».

⁶ *...мимо маленьких мирных домиков Ремесленной улицы...* — На картах Севастополя конца XIX — начала XX в. улица Ремесленная проходит по дну Одесского оврага, соединяя Ремесленный переулок и Одесскую улицу, а затем выходит на Базарную пл. Это территория нынешнего Комсомольского парка и сквера напротив центрального рынка. Улица Ремесленная исчезла в конце 1950-х гг., когда Одесский овраг был засыпан. Именно на этой улице находился родной дом Аверченко, как это описывается в его автобиографическом рассказе «Смерть африканского охотника» (Аверченко А. О хороших, в сущности, людях. СПб., 1914. С. 167–176).

⁷ *Цыганская Слободка* — район в Севастополе, на возвышенности в Карантине; насколько известно, цыгане там никогда не жили, «Цыганской» слободка именовалась скорее всего потому, что была одним из беднейших районов города.

⁸ *...фуражкой, измятой, переломленной в неподлежащем месте...* — Фуражки учащихся гимназий обычно были светло-синими с тремя белыми кантами, с жестким околышем и с черным козырьком. Особым шиком среди мальчишек-гимназистов считалась мятая фуражка со сломанным козырьком.

⁹ *...совершенно выцветшей форменной блузой...* — Блуза — сатиновая рубашка (чаще всего — синего цвета), подпоясывалась ремнем с пряжкой. Согласно правилам, гимназисты обязаны были носить ее летом, во время спортивных занятий и даже во время каникул.

¹⁰ *Юшка* — в просторечии: кровь.

¹¹ *Баштан* — арбузный, огуречный и дынный огороды, то же что бахча.

¹² *Аршин* — мера длины, 71,12 см.

¹³ *...аршина на два вверх...* — примерно на полтора метра.

¹⁴ *Буза (тюрк. «боза»)* — хмельной напиток из кукурузы, овса, проса или ячменя.

¹⁵ *12 ноября 1914 года меня пригласили в лазарет прочесть несколько моих рассказов раненым, смертельно скучавшим в мирной лазаретной об-*

становке. — Ноябрь 1914 г. — время активных, кровопролитных боев на всех фронтах. Именно 12 ноября 1914 г. Турция объявляет джихад («Священную войну») России, Франции и Великобритании.

Пуговица

Впервые: Биржевые ведомости. 1914. № 14563, 20 дек. Перепечатано: Литературное обозрение: Еженедельный литературно-научный журнал. 1915. № 1, 1–8 янв. С. 19–22 с предисловием: «Пересмотрели мы последние декабрьские №№ юмористических журналов и пришли в уныние. Юмор сбежал со страниц журналов, имеющих специальной задачей рассмешить или по крайней мере развеселить несколько читателя. Только в “Новом сатириконе” нашлось несколько забавных шуток, да в ежедневных (не юмористических) газетах удалось кое-что выловить. Подавляющее большинство удачных и неудачных юморесок и карикатур, разумеется, касается злобы настоящего дня — войны. В последнем отношении выделяются из общего уровня некоторые фельетоны присяжного юмориста наших дней г. Аркадия Аверченко. Едва ли не лучший из этих фельетонов под заглавием “Пуговица” напечатан в “Биржевых ведомостях”. Источником его послужило сообщение с театра военных действий о том, как разбитый немцами казак *голый* вскочил на лошадь и ускакал...» (С. 19). Печатается по этому изданию.

Образ казака, бравого война, одно упоминание которого ужасает неприятеля, нередко использовался в произведениях военного времени. Рассказ о казаке, наделенном сказочными чертами богатыря, мог быть связан, как в фельетоне «Пуговица», с реальными событиями, о которых становилось известно из прессы.

¹ *...казацкую пикю...* — Пика — древковое колющее оружие XV — первой половины XX в. Ведет свое происхождение от копья, но значительно тяжелее его. Во время Первой мировой войны пики на вооружении казачьих войск были укороченными, усиленными на треть древка металлическими полосками, часто с ременной петлей для лучшего удержания оружия.

² *Эскадрон...* — тактическая и административная единица в кавалерии. Эскадрон времен Первой мировой войны состоял из 120–150 коней, т. е. казаку противостояли больше сотни кавалеристов.

³ *...заколот трех драгун...* — Драгуны — род конницы, способный действовать в пешем строю.

⁴ *...для императора...* — Имеется в виду Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский) — германский император и король Пруссии.

⁵ *Мы Вену забыли. Неужели союзникам ничего не пошлем?* — Вена была столицей Австро-Венгерской империи, вступившей в войну в качестве союзника Германии 1 августа 1914 г.

⁶ *Будапешт* — столица Венгерского королевства (в землях венгерской короны — Транслейтании), входившего в состав Австро-Венгерской империи.

⁷ *Фельдфебель* — старший из унтер-офицеров (кроме кавалерии), являвшийся непосредственным помощником командира роты (батареи) по административным и хозяйственным вопросам и его заместителем в отсутствие офицеров.

⁸ *Шверин* — город на западном берегу живописного озера Шверинер-Зе на Северо-Востоке Германии, административный центр земли Мекленбург в Передней Померании.

**Иван Сергеевич Шмелёв
(1873–1950)**

И. С. Шмелёв вступил в литературу задолго до Первой мировой войны и к 1914 г. уже успел обрести репутацию талантливого писателя-бытовика. Он стоял в стороне от военных событий, не был на фронте ни добровольцем, ни военным корреспондентом, естественно, что в его произведениях 1914–1917 гг. изображена не столько сама война, сколько ее тыловое «эхо». Жена генерала Деникина вспоминала, что Шмелёв «никогда близко не прикасался к военной среде и имел о ней довольно смутное представление» (Деникина К. В. Иван Сергеевич Шмелёв // Маевский В. А. Памяти И. С. Шмелёва. Мюнхен, 1956. С. 25). Когда в 1925 г. он начал писать роман «Солдаты», посвященный событиям Первой мировой войны, он часто обращался за советами к ее мужу, поскольку собственных знаний военного быта и психологии ему не хватало. В конце концов роман остался незаконченным, Шмелёв чувствовал, что не вправе работать с материалом, который так плохо ему знаком.

«Вместо» Шмелёва от их семьи в декабре 1915 г. на фронт отправился единственный сын Сергей, бросивший ради этого университет (см. письмо И. С. Шмелёва В. С. Миролубову, издателю и редактору «Ежемесячного журнала» — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 185, оп. 1, № 1268, л. 19). Но задолго до того, как военное бедствие непосредственно коснулось его семьи, Шмелев начал ощущать далеко от него идущую войну как собственную болезнь, не дающую ему писать. 23 ноября 1914 г., извиняясь перед Миролубовым, он объяснял: «Приношу великое извинение. Война сбила все нутро, все очередные работы отошли, и при всем желании дать журналу обещанный рассказ “Неупиваемая чаша” не могу, не могу» (Там же, без номера листа). Через несколько дней, 27 ноября, писатель сообщал ему же еще более лаконично и красноречиво: «Рассказы не пишутся — не та пора» (Там же. Л. 18). Подобные жалобы весьма характерны для писем Шмелёва военного времени. Мрачные настроения долго не оставляют его. Спустя год он чувствует себя по-прежнему: «Просят работать многие, а работать *сейчас* не могу, хоть убейте» (Миролубову, 1 декабря 1915 г. — Там же. Л. 21). И еще через год, 22 ноября 1916 г., он телеграфирует тому же корреспонденту: «Сейчас ничего не могу, ибо нет ничего» (Там же. Л. 24). Отчасти настроения Шмелева объяснялись страхом призыва. 1 марта 1916 г. он признавался И. А. Бунину: «Я к 21 марта буду поверен как белобилетник — отставной прапорщик армейский, и д<олжно> б<ыть> меня возьмут. Я боюсь шума, казармы, людей, железа. Кончилась тихая работа. Живым не уйду. Боюсь темноты, которая вот-вот подвигнется. У нас д<олжно> б<ыть> рок в семье, проклятая печать. Сестра два года назад заболела психически. Идет проклятая печать. <...> Какая тоска. И как мало я сделал, самого-то больного своего еще не успел сказать. Я еще и России не увидел, как надо» (Русская литература. 1980. № 1. С. 173–174). К 23 марта эта опасность миновала: «Тяжесть свалилась, и я снова принадлежу себе. Снова признали меня негодим. Да, я рад, — здоровье вот только еще более расстроилось» (письмо к Бунину — Там же. С. 174–175). Все четыре года войны дались Шмелёву-художнику необыкновенно тяжело. Работа шла медленно и трудно, чего раньше никогда с ним не бывало.

Произведения на военную тему вошли в 7-й и 8-й тома собрания сочинений Шмелева, выпущенного в 1910–1917 гг. «Книгоиздательством писателей

в Москве»: в томе 7 напечатан цикл очерков «Суровые дни», 8-й том составили рассказы «Лик скрытый», «Забавное приключение», «История», «Пианино», «Загадка», «Три часа», «В Калинове».

Развяза

Впервые: Северные записки. 1914. № 10–11, в составе цикла «Суровые дни». Печатается по: Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 8 т. 2-е изд. М., 1916. Т. 7. С. 30–35.

Идею написать о настроении деревни в военную пору Шмелёву подала С. И. Чацкина, издательница журнала «Северные записки», где впервые и был напечатан цикл очерков «Суровые дни» (1914. № 8–12; 1915. № 1, 10). Шмелёв писал их «с натуры» — в основу очерков легли впечатления, полученные им летом-осенью 1914 г. на отдыхе в Калужской губернии (см.: Солнцева Н. М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. М., 2007. С. 65). «Суровые дни» получили благоприятные критические отзывы. С восхищением писал о шмелёвских очерках Л. Н. Андреев; критик Е. Колтоновская заявила, что «среди книг, посвященных войне, “Суровые дни” Шмелёва — самая зрелая, правдивая и красноречивая» (Колтоновская Е. Отстоявшееся. Война и деревня // Русская мысль. 1916. Сентябрь. С. 93).

¹ *Сотский* — один из низших чинов полиции в деревне; выбирался на сельских сходах или нанимался из отставных нижних чинов.

Алексей Николаевич Толстой (1883–1945)

Первую мировую войну А. Н. Толстой воспринял как войну, «в которой погибнет наша цивилизация и настанет, наконец, прекрасный век» (письмо к А. А. Бострому от 28 августа 1914 г. — Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 213). «Всколыхнулся человеческий мир, — писал Толстой. — И всех нас разметало, как щепки по волнам. Молодые писатели, которые толком ничего не знали, кроме литературных салонов, вдруг очутились среди народных страданий и народного гнева» (Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 13. С. 412). По состоянию здоровья Толстой не подлежал призыву, он принял участие в Первой мировой войне в качестве военного корреспондента газеты «Русские ведомости». Его заметки создавались под общим названием «Письма с пути» и печатались с подзаголовком: «От нашего корреспондента». Так возникали циклы очерков 1914–1915 гг.: «По Волыни», «По Галиции», «На Кавказе». Первый очерк от 3 августа 1914 г. был напечатан в газете под заглавием «Трагический дух и ненавистники»: речь шла о трагическом духе православной страны и ее врагах-ненавистниках, в глазах которых Россия предстает как страна, доживающая последние дни, а народ, одуревший от водки — как неспособный к сопротивлению. Толстой противопоставляет этому взгляд на народ как «еще не живший, но мудрый, темный, но глубокий, грузный и грубый, но с нежным, бесконечно ясным сердцем», поднявшийся «на беспрецедентную эту войну, решительно, мужественно и серьезно» (Там же. Т. 3. С. 8). Толстой трактует войну в мессианском духе: он уверен, что она приведет к очищению через страдание. Он пишет, что люди идут на войну «весело, радостно и спокойно» (Там же. С. 11). Близкий мотив

звучит в цикле очерков «На Кавказе», написанных значительно позднее, в феврале-марте 1915 г.: «...и война ведется, не спеша, спокойно, как во времена Лермонтова и Льва Толстого» (Там же. С. 130). Позднее в «Краткой автобиографии» Толстой писал о военных впечатлениях: «Я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие, содрал с себя застегнутый наглухо черный сюртук символистов. Я увидел русский народ» (Там же. Т. 1. С. 85). В 1915 г. Толстой, действительно, написал несколько рассказов, направленных против декадентства («В гавани», «Ночные видения», «На вернисаже»). Та же тема развивалась в оставшемся незавершенном романе «Егор Абозов» и наконец вылилась в весьма тенденциозные страницы «Хождения по мукам».

В 1916 г. Толстой посетил Англию и Францию в составе делегации, в которую входили, в частности, Корней Чуковский и В. Д. Набоков (отец писателя). «Англичане надеялись, что эти представители российской прессы смогут убедить своих читателей в стране, несущей беспрецедентные военные потери, что, несмотря на свою репутацию державы, далекой от войны, Британия тоже делает все возможное ради общего дела» (*Бойд Б.* Владимир Набоков: Русские годы: Биография. СПб., 2010. С. 149). Статьи Толстого об этой поездке, как и его очерки, посылавшиеся с театра военных действий, также публиковались в «Русских ведомостях».

К лету 1917 г. Толстой, в отличие от многих, не утратил оптимизма, хотя вовсе не закрывал глаза на происходящее. В первом номере журнала «Народоправство» (новом еженедельном издании московской интеллигенции) он поместил статью «Из записной книжки»: «Когда-нибудь, лет через 35, мой сын, сидя в вагоне, развернет томик, купленный в дорогу, и прочтет жуткие и страшные слова о нашем времени, которое одни будут называть великим, другие кровавым. “Это было время, — прочтет он, — когда ежегодно на войне убивалось более двух миллионов людей, и некоторые страны за недостатком химических продуктов готовили их из трупов солдат; когда на месте зеленых холмов и мирных селений, мимо которых вы проезжаете сейчас, зияли впадины развороченной земли, смешанной с обломками железа и трупами, и целые города взлетали на воздух; когда не было ни хлеба, ни одежды, ни угля, ни металлов; когда долги земного шара превысили сотни миллиардов, и золото, перетекая из страны в страну, потеряло всякую силу и стоимость; когда зашатались троны и самый грандиозный из них и кровавый рухнул первым; когда трибуны, взволновав народные толпы, устремляли их из фабрик во дворцы и там от имени обездоленных провозглашали принципы абсолютной свободы; это было время, когда каждому грозила назавтра смерть, и все же люди пережили и эту страшную годину, выйдя из нее очищенными, как металл из огня”» (цит. по: *Толстая Е.* «Деготь или мед»: Алексей Толстой как неизвестный писатель: (1917–1923). М., 2006. С. 58).

Обыкновенный человек

Впервые: Русские ведомости. 1914. № 297, 25 дек., с подзаголовком «Рассказ». Печатается по: *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 3. С. 151–168.

¹ *Кошомка* — то же, что кошма: войлочный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

1915 год

**Иван Алексеевич Бунин
(1870–1953)**

Известие об убийстве австрийского эрцгерцога Бунин получил в Самаре, во время путешествия по Волге с братом Юлием. Прочитав экстренное сообщение, Юлий сказал: «Ну, конец нам! Война России за Сербию, а затем революция в России. Конец всей нашей прежней жизни!» (*Бунин И. А.* Воспоминания. Цит. по: *Бабореко А. И.* А. Бунин: Материалы к биографии. М., 1983. С. 224). Узнав, что Германия объявила войну России, Бунин с женой вернулся из-под Одессы в Москву. 14 сентября он написал воззвание с протестом против жестокостей немцев от имени писателей, артистов и художников. «То, чему долго отказывались верить сердце и разум, — говорится в воззвании, — стало, к великому стыду за человека, непреложным: каждый новый день приносит новые страшные доказательства жестокостей и варварства, творимых германцами в той кровавой брани народов, свидетелями которой суждено нам быть, в том братоубийстве, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать в мире насилием, возлагая на весы мирового правосудия только меч». Солдаты Германии, писал Бунин, «как бы взяли на себя низкую обязанность напомнить человечеству, что еще жив и силен древний зверь в человеке, что даже народы, идущие во главе цивилизующихся народов, легко могут, дав свободу злой воле, уподобиться своим пращурам, тем полунагим полчищам, что пятнадцать веков тому назад раздавили своей тяжелой пятой античное наследие: как некогда, снова гибнут в пожарищах драгоценные создания искусства, храмы и книгохранилища, сметаются с лица земли целые города и селения, кровью текут реки, по грудам трупов шагают одичавшие люди — и те, из уст которых так тяжело вырывается клич в честь своего преступного повелителя, чинят, одолевая, несказанные мучительства и бесчестие над беззащитными, над стариками и женщинами, над пленными и ранеными...» (*Русское слово.* 1914. № 223, 28 сент. (11 нояб.)). 15 октября Бунин писал А. С. Черемнову: «Три месяца я с утра до вечера сидел — читал газеты и забыл за войной все на свете — без преувеличений говорю» (*Бунин И. А.* Письма 1905–1919 годов. М., 2007. С. 311). Тем не менее зимой 1914–1915 гг. он погрузился в литературную работу: писал, работал над готовящимся собранием своих сочинений, читал корректуры, правил тексты. 7 февраля 1915 г. помечено в автографе стихотворение «Слово», публикуемое в настоящем издании, а в октябре Горький предложил Бунину сотрудничать в журнале «Летопись», где оно было опубликовано (см. ниже). В мае 1915 г. Бунин с женой уехал в Глотово, где жил до конца войны, время от времени выбираясь в Москву и Петербург. 15 сентября он писал Нилюсу: «Пятый месяц живу здесь изумительно однообразной жизнью. Все читаю, да хожу, да думаю. Деревни опустели так, что жутко порой. Война и томит, и мучит, и тревожит» (Там же. С. 348). 7 марта 1916 г. Бунин признавался Черемнову: «...Поистине проклятое время наступило, даже и убежать некуда, а уж обо всем прочем и говорить нечего. Мрачен я стал адски, пишу мало, а что и пишу, то не с прежними чувствами» (Там же. С. 362). Беседа о войне с Н. А. Пушешниковым, Бунин говорил: «Я — писатель, а какое значение имеет мой голос? Совершенно никакого. Говорят все эти Брианы, Милюковы,

а мы ровно ничего не значим. Миллионы народа они гонят на убой, а мы можем только возмущаться, не больше. Древнее рабство? Сейчас рабство такое, по сравнению с которым древнее рабство — сущий пустяк». «Народ воевать не хочет, ему война надоела, он не понимает, за что мы воюем, ему нет дела до войны. А в газетах продолжается все та же брехня. Разные ослы <...> долбят свое, ничего не понимая, с необыкновенным остервенением и самомнением. Сейчас хотят чествовать Сытина за то, что он создал такую замечательную газету, как “Русское слово”! Такую лживую, блудливую газету! Российский “Таймс”?! Все несут свое, не считаясь с тем, что народ войны не хочет и свирепеет с каждым днем. И что это значит: вести войну до победного конца?» Бунин признавался Пушешникову, что война все изменила: «Во мне что-то треснуло, переломилось, наступила, как говорят, переоценка всех ценностей» (*Бабореко А. И. А. Бунин: Материалы к биографии. С. 236, 244, 245*). В дневнике появляются возмущенные строки: «В газетах та же ложь — восхваление доблестей русского народа, его способностей к организации. Все это очень взволновало. “Народ, народ!” А сами понятия не имеют (да и не хотят иметь) о нем. И что они сделали для него, этого действительно несчастного народа?» «Все думаю о той лжи, что в газетах насчет патриотизма народа. А война мужикам так осточертела, что даже не интересуется никто, когда рассказываешь, как наши дела» (записи от 26 марта и 5 апреля 1916 г. — *Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов. С. 754*). На протяжении всей войны внимание писателя было приковано к газетным сообщениям: «Живем и мы помаленьку, употребляя, впрочем, чуть не половину этой жизни на газеты, от которых я порой чуть не плачу в ярости и кровной боли...» (письмо А. Е. Грузинскому от 25 июля 1917 г. — Там же. С. 394); «Живу и я скверно. Чуть не весь день уходит на газеты, которых я получаю штук тысячу. И ото всего того, что я узнаю из них и вижу вокруг, ум за разум заходит, хотя только сбывается и подтверждается то, что я уже давно мыслил о святой Руси» (письмо к А. М. Горькому от 10 августа 1917 г. — Там же. С. 397). Осенью 1917 г. Бунин написал брату Юлию Алексеевичу: «Дела общественные, политические совсем раздавили мою душу. У меня полная безнадежность» (Там же. С. 403).

Слово

Впервые: *Летопись. 1915. № 1, декабрь* (заглавное стихотворение первого номера журнала). Печатается по: *Бунин И. А. Стихотворения. СПб., 2014. С. 107* (Новая библиотека поэта).

Между ст. 4 и 5 в черновом автографе имелась еще одна вычеркнутая строфа:

Покрытые грехом братоубийства
В могилы ляжем мы
К потомкам нашим жалкие витийства
Дойдут из древней тьмы.

1 марта 1916 г. И. С. Шмелев писал Бунину о стихотворениях, напечатанных в «Летописи»: «Чудесно, глубоко, тонко. Лучше я и сказать не могу. <...> Это шедевры, дорогой, вы это знаете сами, но и я хочу, чтобы и вы знали, что и я чувствую это. И “Слово” и “Поэту”. Это лучшее, что было последнее время для меня... Это должно быть высечено золотом по белому мрамору или хрусталем на черном граните... Да будут благословенны поля орловские, вскормившие вас, дорогой поэт» (*Бабореко А. И. А. Бунин: Материалы к биографии. С. 235*).

Демьян Бедный (1883–1945)

К началу войны первые литературные опыты Демьяна Бедного (наст. имя и фамилия — Ефим Алексеевич Придворов) — верноподданнические стихи, романтическая лирика — остались в весьма далеком прошлом. С весны 1911 г. он сотрудник большевистской газеты «Звезда», автор сатирических фельетонов в стихах и басен. В 1912 г. он вступает в РСДРП (б), начинается его переписка с Лениным. Басни, памфлеты, пародии Демьяна Бедного постоянно печатаются в большевистских изданиях. За полтора года до войны, в начале 1913 г. выходит его первая книга — «Басни», благожелательно принятая критикой. Вторая книга — «Диво дивное и другие сказки» — появилась в 1916 г., а за ней в 1917 г. последовали еще восемь сборников басен и стихотворных сказов.

В 1914 г. Е. А. Придворов, окончивший в 1900 г. военно-фельдшерскую школу в Киеве и служивший после этого в военном лазарете в Елизаветграде, был мобилизован в действующую армию в качестве военфельдшера санитарно-гигиенического отряда гвардейского корпуса, принимал участие в сражениях, был награжден Георгиевской медалью за храбрость. 26 августа 1916 г. он писал В. Д. Бонч-Бруевичу: «Грубую, тупую и шут его знает, что делается со мною. Все переворачивается. Если вернусь <...> всю жизнь буду вести войну против войны. Это нечто издали не представимое. Ценность жизни сведена к нулю. Всё — нуль. Убийство — всё» (*Демьян Бедный. Собр. соч.: В 8 т. М., 1965. Т. 8. С. 425*). Однако и в этих условиях литературные интересы сохранили для него первостепенную важность: из действующей армии он писал пространные письма, целиком посвященные проблемам публикаций, литературных отношений и т. п. Летом 1915 г. Придворова перевели в резервную часть в Петроград и вскоре определили в запас. Он получил место заведующего Отделом по обеспечению промышленных предприятий рабочим составом в Центральном военно-промышленном комитете.

Анчутка-заимодавец

Впервые: Жизнь для всех. 1916. № 1, янв. в разделе «Басни Демьяна Бедного». Написано в феврале 1915 г., на фронте. Печатается по: *Демьян Бедный. Собр. соч. М., 1964. Т. 2. С. 12–14.*

¹ *Анчутка* — одно из имен черта.

² *Протори* — расходы, убытки.

Радость

Впервые: Современный мир. 1915. № 12, декабрь, в разделе «Пестрядь. Басни и сатиры» (с подзаголовком: «Предпраздничная», относившимся к рождественским праздникам). Написано в 1915 г. Печатается по: *Демьян Бедный. Собр. соч. М., 1964. Т. 2. С. 32–33.*

19 июля 1914 г. царским указом на всей территории России была запрещена торговля алкогольными напитками. Первоначально действие указа распространялось на время мобилизации, но в августе 1914 г. было продлено на все время войны. В сентябре и октябре 1914 г. высочайше утвержденным Положением Совета министров право запрещать торговлю спиртными на-

питками было предоставлено городским думами, сельским общинам и земским собраниям. Осенью 1914 г. исключительное право продажи алкогольных напитков было предоставлено ресторанам первого класса и аристократическим клубам. Указ породил винные погромы, самогоноварение, употребление суррогатов, наркоманию и опустение казны.

¹ *Бывший попечитель Петроградского учебного округа Прутченко...* — Сергей Михайлович Прутченко (1868–1920?) в 1908–1913 гг. был попечителем Рижского учебного округа, затем в 1913–1914 гг. — попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, с 24 марта 1914 г. до революции 1917 г. — членом Совета министра народного просвещения.

² *Онёры* — почести (от фр. honneur).

³ *Ханжа* — суррогат алкогольных напитков.

Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967)

В автобиографии И. Г. Эренбурга период 1914–1916 гг. занимает несколько строк: «В начале войны захотел воевать. Не взяли. Потом на вокзале в Иври по ночам вагоны грузил за сто су. Я мерз. Скверно было. Потом писал “Стихи о канунах”. Затем стал корреспондентом “Биржевки”. Попал на фронт. Об этом писал» (Литературная Россия. М., 1924. С. 377). Во время Первой мировой войны, в 1914–1917 гг., Эренбург был корреспондентом русских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости» на Западном (франко-германском) фронте. Его стихотворения 1915 г. отражают глобальный духовный кризис, поразивший человечество в ту пору. Неприятие войны, понимание ее античеловеческой сущности выразились в сборнике Эренбурга «Стихи о канунах» (1916) и в его первой книге прозы «Лик войны» (1920). В «Стихах о канунах», куда вошли все публикуемые в настоящем издании стихотворения, поэт, по собственному признанию, «впервые заговорил собственным голосом» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 2005. Т. 1. С. 92). «Война, на взгляд Эренбурга, травмировала людей, исказила их чувства, вселила в их души отчаяние. Соответственно этому болезненно трансформированы поэтические образы книги. Надрывные и болезненно исковерканные, со смещенными пропорциями, они воплощали скорее мировосприятие самого автора, нежели события и реальные картины действительности» (*Белая Г.* Комментарии // Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1964. Т. 3. С. 495–507. С. 504). Военные годы попадают в условный «период свободного стиха» (1914–1920) в творчестве Эренбурга (определение Б. Фрезинского). Произошедшая в это время резкая смена эстетической программы обусловлена внешними и внутренними факторами: мировой войной, гибелью миллионов людей — с одной стороны, и вынужденным бездействием, невозможностью ни повлиять на ход событий, ни скрыться от них, угнетающей неустроенностью — с другой. Выпустить книгу, как и все предыдущие, за свой счет Эренбург не мог, так как с началом войны его финансовое положение, и прежде весьма неустойчивое, стало катастрофическим. «Стихи о канунах» были изданы московским издательством «Зерна», созданным на средства М. О. и М. С. Цетлиных. Книга подверглась жесткой военной цензуре. Из 69 стихотворений, пропущенных цензурой, только два печатались ранее в русской периодике. Стихи, вошедшие в сборник, оценил Максимилиан Волошин, хорошо знавший и понимавший их автора (его статья

посвящена трем книжкам Эренбурга — «Стихам о канунах», поэме «Повесть о некой Наденьке...» и переводам из Вийона): «Исступленные и мучительные книги, местами темные до полной непонятности, местами судорожно-искаженные болью и жалостью, местами поднимающиеся до пророческих прозрений и глубоко человеческой простоты... Книги большой веры и большого кощунства... В них меньше, чем надо, литературы, в них больше исповеди, чем возможно принять от поэта... Проникнутый христианскими символами и образами, он в каждой строке остается исполненным глубокого иудейского неукротимого духа. Богоборчество — один из основных родников его поэзии...» (Речь. 1916. 31 октября; цит. по: *Эренбург И.* Тринадцать стихотворений / Вступ. слово и публ. Б. Фрезинского // Арион. 1999. № 3. С. 54).

В детской

Впервые: *Эренбург И.* Стихи о канунах. М., 1916. Написано в марте 1915 г. Печатается по: *Эренбург И. Г.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 186 (Новая библиотека поэта).

В августе 1914 года

Впервые: Новый журнал для всех. 1915. № 7. С. 3. под заглавием: «На войну». Написано в мае 1915 г. Печатается по: *Эренбург И. Г.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 181 (Новая библиотека поэта).

Стихотворение процитировано в рецензии М. Волошина (см. о ней выше).

¹ *Зуав* — (фр. *zouaves*, от *араб.* зуауа — названия одного из кабилских племен в Алжире) в буквальном смысле — род легкой пехоты во французских колониальных войсках; формировались из жителей Северной Африки и добровольцев-французов, проживавших там же; с начала XX в. — на основе воинской повинности.

На войну

Впервые: *Эренбург И.* Стихи о канунах. М., 1916. Написано в мае 1915 г. Печатается по: *Эренбург И. Г.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 181 (Новая библиотека поэта).

Стихотворение процитировано в рецензии М. Волошина (см. о ней выше).

Прости!

Впервые: *Эренбург И.* Стихи о канунах. М., 1916., с цензурными купюрами. Написано в ноябре 1915 г. Печатается по: *Эренбург И. Г.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 270 (Новая библиотека поэта).

¹ *Ты прости того <...> кто тебя целовал...* — Имеется в виду Иуда Искариот.

Поликсена Сергеевна Соловьёва (1867–1924)

П. С. Соловьёва — поэтесса, детская писательница, издатель, прозаик, художник. Псевдоним: *Allegro*. Дочь историка С. М. Соловьёва, сестра философа В. С. Соловьёва. С 1885 г. много печаталась в периодике, была близка с петербургскими символистами, особенно с З. Н. Гиппиус. Как и она, писала

стихи, часто проникнутые мистическим содержанием, от имени лирического героя-мужчины. Первый сборник ее стихов (1899) был встречен символистами (В. Я. Брюсовым, Андреем Белым) без особого воодушевления. Вторым сборником — «Иней» (1905) — удостоился благожелательного отзыва Блока. В 1908 г. по представлению великого князя Константина Константиновича (К. Р.) Соловьёва стала первым лауреатом золотой Пушкинской медали. Вышедший в 1909 г. поэтический сборник Соловьёвой «Плакун-трава» насыщен фольклорными мотивами. В 1912 г. был опубликован единственный прижизненный сборник ее прозы «Тайная правда и другие рассказы». С 1900 г. Соловьёва обратилась к жанрам детской литературы, стихи и проза для детей стали наиболее удачной частью ее творчества. В годы войны Соловьёва жила в Петрограде, летом и зимой 1916 г. — в Крыму, продолжая писать и печататься. Ее стихи и рассказы практически не переиздавались после ее смерти.

В лазарете

Первую публикацию установить не удалось. Печатается по: *Иванов Г. Военные стихи // Аполлон. 1915. № 1. С. 59–60.*

В своей обзорной статье Георгий Иванов с иронией пишет о «милой, но какой-то ненастоящей» лирике Поликсены Соловьёвой: «Заслуженное имя автора заставляет нас со всею внимательностью отнестись к ее опытам в “военном” роде. <...> Разумеется, все здесь пристойного вкуса и самых благородных традиций... (намерений — едва не сказали мы...). Правда, эти стихи бесцветны, но вспомним, что особенной яркостью стихи П. Соловьёвой никогда и не отличались» (*Иванов Г. Военные стихи. С. 59–60.*)

¹ *У озер Мазурских шло сражение.* — В районе Мазурских озер (многочисленная группа озер на северо-востоке Польши, до 1945 г. — на территории Пруссии) в 1914–1915 гг. происходили кровопролитные бои между русскими и германскими войсками.

Юргис Казимирович Балтрушайтис (1873–1944)

Ю. К. Балтрушайтис — поэт, переводчик, театральный деятель, дипломат. Писал на русском (до 1920-х гг.) и литовском языках. Незадолго перед войной вышли две книги стихов Балтрушайтиса: «Земные ступени. Элегии, песни, поэмы» (М., 1911) и «Горная тропа» (М., 1912). В своем творчестве он оставался верен символизму, под знамена которого встал еще в 1899 г., познакомившись с В. Я. Брюсовым и К. Д. Бальмонтом. Отличительную черту лирики Балтрушайтиса современники видели в «содружестве поэзии и философии» (*Розанов С. С. Ю. Балтрушайтис: (Силуэт). М., 1913. С. 6.*) Когда А. М. Горький задумал в 1915–1916 гг. в целях борьбы с шовинизмом издать серию небольших сборников, представляющих образцы разных национальных литератур, над переводами для литовского сборника работал Балтрушайтис. Совместная работа, хотя и не увенчавшаяся выходом книги, сблизила их в то время. В семье Балтрушайтисов встретил войну Б. Л. Пастернак, который был репетитором их ребенка. «В годы Первой мировой войны, воспринятой как всемирно-историческое событие, в основании которого лежит противостояние германства и славянства, Балтрушайтис неминуемо должен был занять обостренно славянскую позицию, особенно если иметь в виду, что и себя он считал славянином, и Мицкевича». В этот период

«Балтрушайтис самым решительным образом делает свое творчество частью великой русской поэзии, а не каких-то ее отдельных эпизодов. При этом, вполне естественно, он не мог тупо ограничиться национальной жвачкой, понимая русскую культуру как органическую часть мировой» (*Богомолов Н.* На фоне эпохи // *Юргис Балтрушайтис: Ступени и тропа.* М., 2005. С. 21–72).

Напутствие

Впервые: Клич. День печати. Сборник на помощь жертвам войны. М., 1915. С. 19. Печатается по этому изданию.

Издатели сообщали: «Все участвующие в сборнике — писатели, художники и композиторы — дали свои произведения безвозмездно <...> вся вырученная от продажи сборника “Клич” сумма поступит полностью на помощь жертвам войны». В сборнике приняли участие Л. Н. Андреев, К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв и др.

Николай Яковлевич Агнивцев

О Н. Я. Агнивцеве см. выше, с. 681.

Наполеон № 3-й

Впервые: Война. 1915. № 19, июль. С. 14. Печатается по этому изданию.

Энвер-бей (Энвер-паша; 1881–1922), о котором говорится в стихотворении, — османский военный и политический деятель, младотурок, предприимчивый авантюрист; сыграл решающую роль в вовлечении Турции в мировую войну на стороне австро-германской коалиции; один из идеологов и участников геноцида армян в первой половине 1915 г. В результате военного переворота, совершенного в январе 1913 г. была установлена военная диктатура «трех пашей» (Талаат-паша, Джемаль-паша и Энвер-паша); неофициальный триумvirат фактически захватил всю власть в Турции. Энвер-паша занял пост военного министра. Параллель между 1812 и 1914 годом не раз встречается в прессе Первой мировой войны. Чаще всего с Наполеоном сравнивали Вильгельма II — возможно, поэтому Агнивцев называет Энвер-пашу, страдающего «комплексом Наполеона» Наполеоном № 3. Менее вероятно, что имеется в виду параллель между Энвер-пашой и Наполеоном III (1808–1873), племянником Наполеона I, который после ряда заговоров пришёл к власти мирным путём в 1848 г. как президент республики, но в 1851 г. совершил переворот, устранил законодательную власть, а ещё через год провозгласил себя императором Второй империи. Его правление завершилось в 1870 г., когда в ходе Франко-прусской войны император попал в германский плен.

¹ *Поручик* — В русской армии второй обер-офицерский чин, средний между подпоручиком и штабс-капитаном.

² *...à la Дункан...* — т. е. как Айседора Дункан (1878–1927), американская танцовщица, противопоставившая классической школе балета свободный пластический танец.

³ *С Лиманом бароном...* — генерал Отто Лиман фон Сандерс (1855–1929) был военным советником в Османской империи во время Первой мировой войны.

Вильгельму

Впервые: *Агнивцев Н. Я.* Под звон мечей. Пг., 1915. С. 29. Печатается по этому изданию.

До 1914 г. Германия воспринималась как родина философии и литературы, родина Шиллера и Гете. В стихотворении, посвященном Вильгельму II (1859–1941), германскому императору, королю Пруссии, стороннику военной политики, положившей начало Первой мировой войне, выражено характерное для того времени смятение, непонимание того, как страна высокой культуры могла превратиться в носителя разрушения.

¹ *И руку жмет тебе безумный Герострат!* — Герострат — уроженец Эфеса, в 365 г. до н. э. он сжег великолепный храм Артемиды ради того, чтобы его имя сохранилось в истории. В сентябре 1914 г. в результате немецкой бомбардировки был превращен в «море огня» знаменитый Реймский собор.

Черногорская песня

Впервые: *Агнивцев Н. Я.* Под звон мечей. Пг., 1915. С. 54. Печатается по этому изданию.

Черногория вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты 5 августа 1914 г., объявив войну австрийцам.

¹ *В расщелинах Черной Горы!* — То есть на территории Черногории.

**Евгений Венский
(1885–1943)**

Евгений Венский (наст. имя и фамилия — Евгений Осипович Пяткин) — поэт, сатирик, фельетонист, пародист. С 1902 г. печатался в периодических изданиях, с 1908 г. вел ежедневный фельетон в «Биржевых ведомостях», с 1910 г. сотрудничал в «Сатириконе» и «Синем журнале». Имел репутацию короля уличной прессы, создал литературную маску критика, не брезгующего ни пошлостью, ни низовой лексикой, ни антиэстетизмом. Откликом на события Первой мировой войны стали два его сборника: «О немцах, извините за выражение» (Пг., 1915, стихи и проза) и «В тылу» (Пг., 1916). Кроме стихов на военную тему напечатал здесь пародии на Ф. Сологуба, И. Северянина, С. Городецкого и других авторов, педалировавших патриотическую тему в начале войны.

Юнкер Шмидт

Впервые: *Война.* 1915. № 19, июль. С. 14, с подписью: «Евг. В.» Печатается по этому изданию.

Заглавие и имя героя позаимствованы из стихотворения А. К. Толстого «Юнкер Шмидт», впервые опубликованного в «Современнике» (1854. № 2) за подписью Козьмы Пруткова и под заглавием: «Из Гейне».

**Максимилиан Александрович Волошин
(1877–1932)**

Война застала Волошина в Швейцарии. Поэт вспоминал, что тревожным, полным личных потрясений летом 1914 г. он провидел наступление великих

катастроф: «Мы должны теперь ждать либо войны, либо революции» — таковы были его последние слова перед отъездом в Швейцарию (цит. по: *Гаврилов Б. А. «Как Европейец, как художник, как поэт...» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 213*). С первого дня Волошин считал войну безумием, что определило антивоенный характер его сочинений, в особенности циклов «Война» и «*Anno mundi ardentis. 1915*». В военных действиях поэту участвовать не пришлось: хотя он был приписан к ополчению как «ратник второго разряда», плохое здоровье делало несение военной службы невозможным. Последний факт был засвидетельствован медицинской комиссией в ноябре 1916 г. Однако еще до официального освобождения от воинской повинности Волошин ясно изложил свои взгляды на участие в войне в письме к министру Д. С. Шувалову, текст которого, как лучшую иллюстрацию настроений поэта в период Первой мировой войны, мы приводим целиком:

Я слишком много мыслил,
чтобы унизиться до действия.

Граф Ф. А. Вилье де Лиль Адан

М<илостивый> Г<осударь>!

Я призван на военную службу, как ратник ополчения II р. 1898 года. Мой разум, мое чувство, моя совесть запрещают мне быть солдатом. Поэтому я *отказываюсь* от военной службы.

Во избежание недоразумений заявляю, что отказ этот не имеет ничего общего ни с принадлежностью к какой-нибудь религиозной секте или политической партии.

Я отказываюсь быть солдатом, как Европейец, как художник, как поэт: как Европейец, несущий в себе сознание единства и неразделимости христианской культуры, я не могу принять участие в братоубийственной и междоусобной войне, каковы бы ни были ее причины. Ответственен не тот, кто начинает, а тот, кто продолжает. Наивным же формулам, что это война за уничтожение войны, — я не верю.

Как художник, работа которого есть созидание форм, я не могу принять участия в деле разрушения форм, и в том числе самой совершенной — храма человеческого тела.

Как поэт, я не имею права поднимать меч, раз мне дано Слово, и принимать участие в раздоре, раз мой долг — понимание.

Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, т. к. поражение на физическом плане есть победа на духовном, — не может быть солдатом.

Считаю необходимым прибавить, что Германский милитаризм, германская промышленная культура и германская государственность для меня глубоко неприемлемы.

Но тот, кто принимает оружие противника, — уподобляется ему. Это случилось с Европой. Борьбу с германской отравой можно вести только с морального плана. Европа уже заражена теми же болезнями, что Германия. Моральное преодоление экономической культуры и победа над силами материализма может прийти только из России. И мой отказ от военной службы в это время есть одно из проявлений этой борьбы, ибо всеобщая воинская повинность и теория нации под оружием есть одна из основных прусских идей, отравивших Европу.

Отказ мой чисто индивидуален: он не имеет ни цели пропаганды, ни содержит в себе упрека тем, кто идет на войну. Один и тот же поступок может быть подвигом для одного и преступлением для другого. Я преклоняюсь перед святостью жертвы гибнущих на войне и в то же время считаю, что для меня, от которого не скрыт ее космический моральный смысл, участие в ней было бы преступлением. Я знаю, что своим отказом от военной службы в военное время я совершаю тяжкое и сурово караемое преступление, но я совершаю его в здравом уме и в твердой памяти, готовый принять все его последствия.

Максимилиан Волошин

(Цит. по: Ново-Басманная, 19. С. 221–222).

Посев

Впервые: Русская мысль. 1915. № 4. Печатается по: *Волошин М. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 1. С. 226.

¹ *Недобрый Сеятель* — отсылка к древнегреческому мифу о Кадме, который засеял поле зубами убитого им дракона; из зубов выросли воины, немедленно вступившие в единоборство друг с другом. Существует аналогичный миф о Ясоне.

В эти дни

Впервые: Русская мысль. 1915. № 4. Печатается по: *Волошин М. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 1. С. 223.

Волошин ценил это стихотворение больше других, посвященных военной теме — см. его письма к А. М. Петровой от 7 февраля 1915 г. и к матери от 13 апреля 1915 г. (*Волошин М. А.* Собр. соч. Т. 10. С. 299, 313).

¹ См. о нем наст. изд., с. 735–736. Волошин сблизился с Эрнбургом, посвятившим ему «Стихи о канунах» (М., 1916), в Париже в начале 1915 г.

² *...Все во мне и я во всех...* — Ср. в стихотворении Ф. И. Тютчева «Тени сизые смешались...» (1835): «Час тоски невыразимой! Все во мне, и я во всём».

Газеты

Впервые: *Волошин М. А.* Anno mundi ardentis. 1915. М., 1916. Печатается по: *Волошин М. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 1. С. 227.

¹ *Трихины* — буквально: глисты, паразитирующие в мышцах и кишечнике. В эпилоге романа Достоевского «Преступление и наказание» (1866) Раскольникову снится, что человечество поражено страшной болезнью, обрекающей его на гибель: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. <...> Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя такими умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 419).

² *Застыть, как соль...* — Соляным столпом стала жена Лота, которая обернулась на родной Содом, когда ангелы выводили семью Лота из города, обреченного гневу Господню (Быт 19: 26).

Россия

Впервые: Власть народа. 1917. 28 июля, под заглавием: «России», с подзаголовком: «Во время галицийского отступления». Написано в 1915 г. Печатается по: *Волошин М. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 1. С. 221–222.

¹ *...Наотмашь хозяин хлещет Тебя по кротким глазам.* — Отсылка к сну Раскольникова о лошади из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (ч. 1, гл. V).

Николай Алексеевич Клюев

О Н. А. Клюеве см. выше, с. 710–714.

Мирская дума

Впервые: Огонек. 1915. № 27, 5 июля. С. [1]; с подзаголовком: «(Из песен о войне)». Печатается по: *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 259–260 (Библиотека поэта. Малая сер.).

¹ *Лешня* — жители лесной местности, охотники.

² *От Сиговья Муромского плёса Подымался Лазарь преподобный...* — Преподобный Лазарь Муромский — инок XIV в. Умер в марте 1391 г., прожив 105 лет. Основал Муромский Успенский мужской монастырь на берегу Онежского озера. Память преподобного Лазаря отмечается церковью 24 марта.

³ *«Свете Тихий»* — православная вечерняя молитва, одно из древнейших христианских песнопений.

⁴ *...Что певала бабка Купариха У Дедери Храброго на свадьбе.* — Поэтические образы, созданные, по-видимому, самим Клюевым.

«В ЭТОТ ГОД ЗА СВЯТЫМИ ОБЕДНЯМИ...»

Впервые: Биржевые новости. 1915. № 15141, 11 окт. Утр. вып. Печатается по: *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 268–269 (Библиотека поэта. Малая сер.).

¹ *Кудель* — пучок вычесанного льна или шерсти, приготовленный для пряжи.

² *Загуменье* — место за гумнами; задворки.

³ *...Егорьев дозор.* — Имеется в виду Георгий Победоносец, святой великомученик (страстотерпец), победитель дракона. Изображался на белом, как правило, коне, с копьём, пронзающим дракона.

⁴ *Аксамит* — плотная шелковая ткань; старинный узорчатый бархат.

«Что ты, нивушка, чернёшенька...»

Впервые: Речь. 1915. № 336, 6 дек.; Современное слово. 1915. № 2837, 6 дек.; Ежемесячный журнал. 1915. № 12 (под заглавием: «Мирская дума»; без деления на строфы и подстрочных объяснений; с эпиграфом: «Мирских умильных думушек В долгий летний день не высказать, В ночь осеннюю не выслушать (Из северных причитов)»). Печатается по: *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 264–267 (Библиотека поэта. Малая сер.).

- ¹ *Рожь-гумэница* — рожь как хранительница домашнего благосостояния.
- ² *Пелегать* — окружать заботой, лелеять; в авторском примечании, помещенном при первой публикации этого стихотворения, Ключев объяснил слово «спелегала» как «вскормила».
- ³ *Неедняк-трава* — сорняк.
- ⁴ *Пёстушка* — травянистое растение, хвощ.
- ⁵ *Омежик* — полоска вдоль межи (олон.).
- ⁶ *Косулить* — пахать сохой-косулей.
- ⁷ *Шатун* — бродяга; злой дух.
- ⁸ *Доможирщик* — домочадец, хозяин.
- ⁹ *Супесь* — песчаная или глиняная почва.
- ¹⁰ *Ширинка* — полотенце, скатерть.
- ¹¹ *Плёсо, плёс* — глубокое место в речном русле.
- ¹² *За мирскую Микулову пахоту...* — Имеется в виду Микула Селянинович, легендарный пахарь-богатырь в русских былинах новгородского цикла.
- ¹³ *Белица* — женщина, живущая в монастыре, но еще не принявшая постриг.
- ¹⁴ *Хартия* — старинная рукопись, список. Ключев использовал это слово как поэтическую метафору. Ср. в стихотворении «В селе Красный Волок пригожий народ...» (1916): «По Пятничным зорям на хартии вод Всевышние притчи читает народ».
- ¹⁵ *Ярыга* — беспутный человек, пьяница.
- ¹⁶ *От коклюшек...* — в первых публикациях — с авторским пояснением: «Куклюшки — деревянные палочки, употребленные при вязании кружев».
- ¹⁷ *Верижница* — монахиня, носящая на теле вериги.
- ¹⁸ *Жарник* — чугунок для углей и золы.
- ¹⁹ *Таган* — обруч на трех ножках, служащий подставкой для котла при приготовлении пищи.
- ²⁰ *Дева-Пятенка* — св. мученица Параскева (Параскева-Пятница) (день памяти, по русскому календарю, — 28 октября). В честь этой святой была названа мать Ключева Прасковья Дмитриевна (в православной традиции известны и другие святые мученицы, носящие это имя).
- ²¹ *Теплый Никола* (также: Никола Вешний, Никола Травный и др.) — день поминовения переноса мощей св. Николая Чудотворца в г. Бари; празднуется, по русскому календарю, 9 мая.

Павел Иванович Гомзяков
(1867–1916 или 1921)

П. И. Гомзяков родился в Благовещенске, в семье священника. Закончил Юрьевский университет в Дерпте. Служил судовым врачом во Владивостоке. В боевых действиях русско-японской войны непосредственного участия не принимал. В 1912 г. был переведен на Балтийский флот.

В 1885 г. в типографии командира портов Восточного океана опубликовала книжечку Гомзякова «На память друзьям». В 1904 г. он перечислил гонорар за выпущенные во Владивостоке «Стихотворения» Обществу Красного Креста.

В 1911 г. во Владивостоке вышла книга стихов Гомзякова «Ad astra» («К звездам» (лат.)). Несмотря на «символистское» заглавие, книга по преимуществу содержала рифмованные описания родной природы и переложенные в стихи эпизоды дальневосточной истории, в частности — описанные без каких бы то ни было демократических симпатий волнения 1905 г. Вышедшая отдельным изданием «галицийская быль» «За веру предков» (1915) явилась откликом Гомзякова на события Первой мировой войны.

За веру предков (Галицийская быль)

Впервые: *Гомзяков П. И.* За веру предков: (Галицийская быль). Колывань, 1915. Печатается по этому изданию.

¹ *Галицийская быль* — В августе-сентябре 1914 г. в Галиции происходило одно из крупнейших сражений Первой мировой войны между русской и австро-венгерской армиями; каждая сторона потеряла свыше 200 тысяч человек. Битва закончилась победой русских войск.

² *Проносились века, но не мог позабыть Галицийский народ о России...* — В XIII–XIV вв. галицкие земли входили в состав Галицко-Волынского княжества династии Рюриковичей, в конце XIV в. были разделены между Польским королевством и Великим княжеством Литовским. После первого раздела Польши Восточная Галиция вошла в состав Австрийской империи, после третьего раздела Польши к Австрии отошла Западная Галиция. Венский конгресс 1815 г. передал Западную Галицию царству Польскому, которое вошло в состав России.

³ *Гайдамаки* — участники повстанческих вооруженных отрядов на принадлежавшей Речи Посполитой Правобережной Украине в XVIII в. В гайдамацких восстаниях принимали участие запорожцы. В борьбе за православие гайдамаки неоднократно становились организаторами массовой резни, уничтожая поляков и евреев.

⁴ *«Коломыйка»* — украинская плясовая песня.

⁵ *Мазепа Иван Степанович (1639–1709)* — гетман Войска Запорожского; в период Северной войны изменил присяге и, пытаясь добиться независимости Украины, перешел на сторону шведского короля Карла XII.

⁶ *Лемки, гуцулы и бойки* — считаются автохтонным населением Карпат. Историческое самоназвание лемков — русины. Во время Первой мировой войны лемки подверглись особо жестокому преследованию со стороны австрийских властей за русофильство.

⁷ *...и для Руси Червонной...* — В XVIII — начале XX в. названия Червонная Русь и Галиция употреблялись как синонимы.

⁸ *Схизматик* — неверный, еретик.

⁹ *Швабы* — здесь: немцы.

¹⁰ *Тевтоны* — здесь: немцы.

¹¹ *...Но удалось сомкнуть лишь над Боснией пасть Ненасытному швабскому змию.* — По итогам Берлинского конгресса 1878 г. Босния, являвшаяся до этого османской провинцией, была передана под управление Австро-Венгрии, а в 1909 г. присоединена к ней.

¹² *Бескиды* — система горных хребтов в северной западной части Карпат.

¹³ *Громада* — здесь: община.

¹⁴ *Талергоф* — концентрационный лагерь, созданный властями Австро-Венгрии в самом начале Первой мировой войны. В Талергоф были депортированы жители Галиции и Буковины, симпатизирующие России.

¹⁵ *Колывань* — древнерусское название Таллина.

Владимир Владимирович Маяковский

О В. В. Маяковском см. выше, с. 698–700.

Вам!

Впервые: *Взял: Барабан футуристов*. Пг., 1915, под заглавием: «Вам, которые в тылу». Написано не позже начала февраля 1915 г. Печатается по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 75.

11 февраля 1915 г. Маяковский прочитал это стихотворение на вечере в артистическом подвале «Бродячая собака», что вызвало волну возмущения в зале: публика увидела в себе адресата упреков Маяковского (см.: *Биржевые ведомости*. 1915. 13 февр. Веч. вып.; *Биржевые ведомости*. 1915. 20 февр. Утр. вып.). В полном варианте автобиографии, напечатанном в журнале «Новая русская книга» в разделе «Писатели о себе» (Берлин. 1922. № 9), Маяковский вспоминал, что «Бродячая собака» чуть не была закрыта за чтение «Вам, проживающим...»

¹ *Как вам не стыдно о представленных к Георгию...* — Речь идет о Георгиевском кресте, который в 1807–1917 гг. был наградой для нижних чинов за боевые заслуги и храбрость.

² *Если б он, приведенный на убой...* — В тексте альманаха «Взял» вторая половина этого стиха была изъята цензурой.

³ *Северянин* — См. о нем выше, с. 670–672.

Георгий Владимирович Иванов

О Г. Иванове см. выше, с. 689–693.

«Теперь, когда быстрее лавы...»

Впервые: *Иванов Г.* Памятник Славы. Пг., 1915. Печатается по: *Иванов Г.* Стихотворения. СПб.; М., 2010. С. 133 (Новая библиотека поэта).

Этот пролог, в Содержании выделенный в отдельный раздел «Памятник Славы», написан специально для книги, в периодике не появлялся. Заглавие книги особенно дорого поэту еще и потому, что реальный, сложенный из стволов трофейных турецких орудий монумент перед Троицким собором в Петербурге вызвал в памяти Иванова образ отца, артиллериста, раненного под Плевной 19 августа 1877 г.

Велимир Хлебников

О Велимире Хлебникове см. выше, с. 686–687.

«Где волк воскликнул кровью...»

Впервые: Взял: Барабан футуристов. Пг., 1915. Вошло в цикл «Война в мышеловке». Печатается по: *Хлебников Велимир*. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 3. С. 180.

Цикл «Война в мышеловке» (впервые: Неизданный Хлебников. М., 1928. Вып. 5) Хлебников собирал из своих произведений 1915–1918 гг., так или иначе связанных с темой войны. В процессе компоновки автор подверг их правке, иногда значительной. Цикл публиковался и как поэма, и как сверхповесть (жанр, созданный Хлебниковым). Название связано с идеей Хлебникова при помощи законов времени выявить периодичность войн, даты их возможного начала с тем, чтобы научиться предотвращать их: «1. Мы — смуглые охотники, привесившие к поясу мышеловку, в которой испуганно дрожит черными глазами Судьба. Определение судьбы как мыши. 2. Наш ответ на войны — мышеловкой» (*Хлебников Велимир*. Собр. соч. Т. 2. С. 499).

Остались воспоминания об авторском чтении стихотворения «Где волк воскликнул кровью...»: «Однажды О. А. <Глебова-Судейкина> попросила его прочесть какие-нибудь свои стихи. Он ничего не ответил, но после довольно длинной паузы раздался его голос, глухой, негромкий с интонациями серьезного ребенка: “Волк говорит: я тело юноши ем... / Нет уже юноши, нет уже нашего / Веселого короля за ужином. / Поймите, он нужен нам!” Мы потом часто повторяли эти слова и любили их, с нежностью вспоминая прелестную чистоту этих интонаций. Позднее, это стихотворение приняло в печати иную форму» (*Лурье А.* Детский рай // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 275–276).

¹ *Кто книжечку издал «Песни последних оленей»...* — Имеется в виду поэт.

² *Падают Брянские, растут у Манташева...* — Имеются в виду акции Общества брянских машиностроительных заводов и Общества бакинских нефтяных промыслов «Манташев и К°». Эту и следующую строки А. Ахматова использовала как эпиграф к одному из вариантов «Поэмы без героя» (1940).

³ *...Нет уже юноши, нет уже нашего / Черноглазого короля беседы за ужином.* — Возможно, отсылка к началу пушкинского «Пира во время чумы» (1830) — речи Вальсингама об умершем Джаксоне.

Любовь Никитична Столица

О Л. Н. Столице см. выше, с. 720.

«Я — доброволец радостный...»

Впервые: Женская жизнь. 1915. № 5, 7 марта. Печатается по: *Столица Л.* Голос Незримого. М., 2013. Т. 1. С. 359–360.

«Ох ты, жизнь девичья, сонная!..»

Впервые: Журнал для хозяек. 1915. № 6, 15 марта. Печатается по: *Столица Л.* Голос Незримого. М., 2013. Т. 1. С. 360–361.

Зинаида Николаевна Гиппиус

О З. Н. Гиппиус см. выше, с. 684–685.

Тогда и опять

Впервые: В год войны: Артист солдату. [Пг.], 1915. Печатается по: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 248 (Новая библиотека поэта).

Странный закон

Впервые: Голос жизни. 1915. № 4. Печатается по: *Гиппиус З.* Собр. соч. М., 2001. Т. 4. С. 301–306.

¹ *Вольноопределяющийся* — военнослужащий, добровольно поступивший на военную службу после получения высшего или среднего образования и не-сущий службу на льготных условиях.

**Тэффи
(1872–1952)**

Тэффи (наст. имя и фамилия — Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая) — русская писательница и поэтесса, мемуарист, переводчик.

В июле 1916 г. в иллюстрированном еженедельном журнале «Солнце России» (№ 29. С. 15) появилась фотография с подписью: «Известная писательница Н. А. Тэффи, отвозившая подарки младшим чинам в действующую армию». Фотография — явно постановочная (воспроизведена на обложке книги: *Тэффи.* Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999). В одной руке Тэффи держит винтовку Мосина, которой ни при каких обстоятельствах не могла пользоваться, в другой — изящную тросточку. У ее ног — чемодан и сундук, явно наполненные подарками. Писательница одета в форму сестры милосердия, вперед кокетливо выставлена ножка, обутая в башмачок (Тэффи любила хорошую обувь). Эта фотография — единственный документ о пребывании Тэффи на фронте, никакими другими сведениями мы на сегодняшний день не располагаем. Теме Первой мировой войны посвящены два сборника рассказов Тэффи: «Зарево битвы» (Пг., 1915, издан в «Дешевой юмористической библиотеке “Нового сатирикона”») и «Житье-бытье» (Пг., 1916, вышел в издательстве «Новый сатирикон»).

Белая одежда

Впервые: Журнал журналов. 1915. № 14; В тылу: Альманах. Пг., 1915; О войне: Стихи современных поэтов. Пг., 1915. Печатается по: *Тэффи.* Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999. С. 262–263.

¹ *Плащаница* — тонкая ткань, погребальная пелена, которой было обвито снятое с креста тело Иисуса Христа.

Дэзи

Впервые: Русское слово. 1915. № 26. Печатается по: *Тэффи.* Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999. С. 210–212.

¹ *C'est très bien vu* — это очень одобряется (*фр.*).

Николай Степанович Гумилев

О Н. С. Гумилеве см. выше, с. 705–706.

Ода д'Аннунцио. К его выступлению в Генуе

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. № 14837, 12 мая. Печатается по: *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы. 3-е изд. Л., 1988. С. 250–251 (Библиотека поэта. Большая сер.).

5 мая 1915 г., в день памяти о начале похода интернационального отряда Д. Гарибальди во время итало-австрийского конфликта 1860 г., широко известный в России итальянский писатель Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) выступил с речью, призывавшей Италию к войне против Германии. Газета «Биржевые ведомости» в заметке «Речь д'Аннунцио» (7 мая 1915 г., утр. вып.) сообщала: «О пламенной речи Габриэля д'Аннунцио, произнесенной на острове Кварто, подле Генуи, в юбилейный день экспедиции славной гарибальдийской тысячи, уже были краткие телефонные сообщения. <...> Речь эта — блестящее соединение образной латинской риторики с пламенной неподдельной непосредственностью». Далее шли выдержки из самой речи: «Поднятая длань нашего национального героя указывает нам путь, которым мы должны идти теперь.

Она указывает на море!

Ах, если когда-либо камни в мечтах пророков получали дар речи, то сегодня мы видим воочию это воплощение мечты. Эта бронза громко и страстно говорит нам о нашем долге!

В эту ночь не остывший еще металл будет ярким пламенем рдеть над темно-синей рябью моря, и другие герои, которых воскресит в эту ночь все еще живое пламя души Гарибальди, бросят нам великие слова: “Хвала Богу! Итальянцы вновь зажгли огонь на алтаре Италии” <...> мощный голос его <Гарибальди> взывает ко всей Италии:

— Все, все отдайте пылающей Италии!

Блаженны юные, блаженны имеющие целомудренную душу, сильное тело и мать, достойную сына-героя <...>

Блаженны те, которые безмолвно и безропотно примут великую необходимость и не пожелают быть последними, а двинутся первыми.

Блаженны юные, алчущие и жаждущие славы, — они будут утолены.

Блаженны милостивые — им предстоит святая радость милосердия.

Блаженны те, которым суждено вернуться увенчанными победой, — они узрят преображенный лик Рима и ликующую красоту обновленной Италии!»

¹ *Волчица на столбе* — памятник легендарным основателям Рима Ромулу и Рему, выкормленным волчицей.

² *Был Августов высокий век...* — Имеется в виду эпоха правления первого римского императора Октавиана Августа (63 до н. в. — 14 н. э.), при котором в стране был восстановлен мир после затяжной гражданской войны, наступил «золотой век» римской литературы, эпоха Горация, Овидия, Вергилия.

³ *Изгнанник бедный, Алигьери.* — Данте Алигьери (1265–1321) в 1302 г. был изгнан из родной Флоренции вместе с партией белых гвельфов, к которой принадлежал; умер в изгнании.

⁴ *Короновала мертвеца В короновании Торквата.* — Итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595), автор поэмы «Освобожденный Иерусалим», был увенчан знаком всенародного признания — лавровым венком — перед самой смертью.

⁵ *Александр* — вероятно, Александр Македонский (4 в. до н. в.).

⁶ *Агамемнон* — герой «Илиады» Гомера, вождь греков в войне против троянцев.

Записки кавалериста

Впервые: Биржевые ведомости. 1915. № 14648, 3 февр.; № 14821, 3 мая; № 14851, 19 мая; № 14881, 3 июня; № 14887, 6 июня; № 15137, 9 окт.; № 15155, 18 окт.; № 15183, 1 нояб.; № 15189, 4 нояб.; № 15225, 22 нояб.; № 15253, 6 дек.; № 15267, 13 дек.; № 15269, 14 дек.; № 15279, 19 дек.; № 15285, 22 дек.; № 15319, 8 янв.; № 15316, 11 янв.. Написано в 1914–1915 гг. Печатается по: *Гумилев Н. С.* Собр. соч. М., 2005. Т. 6. С. 117–180.

«Записки кавалериста» описывают весь период службы Гумилева в Лейб-гвардии Уланском полку. Принято считать, что они представляют собой разрозненные корреспонденции для газеты «Биржевые ведомости» (некоторые сопровождалась пометой: «От нашего специального военного корреспондента»). Однако, по мнению Е. Е. Степанова, Гумилев с самого начала задумал их как документальную повесть (см.: *Гумилев Н. С.* Собр. соч. М., 2005. Т. 6. С. 466; коммент. Е. Е. Степанова). Специальное сопоставление текста Гумилева с официальными документами подтвердило фактическую точность «Записок» (см. там же, с. 467). Там же, с. 464–504, см. подробный военно-исторический комментарий к «Запискам кавалериста».

¹ Глава I описывает события 17–20 октября 1914 г.

² *Генерал М.* — генерал-майор В. Н. фон Майдель (1864 — ?).

³ *В.* — город Владиславов недалеко от границы с Восточной Пруссией.

⁴ *Рзъезд* — небольшая конная часть, высылаемая для разведки.

⁵ *Ермак* Тимофеевич (1532?–1585) — завоеватель Сибири (1581).

⁶ *Перовский Василий Алексеевич* (1794–1857) — организатор экспансии России в Туркестан.

⁷ *Лава* — боевой порядок и способ тактических действий, применявшийся в кавалерии для ведения разведки местности, прикрытия маневра своих войск, преследования противника и выполнения других задач. Ср. ниже в «Записках кавалериста»: «Я решил идти не лавой, то есть в ряд, на некотором расстоянии друг от друга, а цепочкой, то есть один за другим».

⁸ *Ландштурмист* — человек, отбывший срок военной службы, но физически еще годный к ней.

⁹ *Монтекристо* — легкое ружье для спортивной и развлекательной стрельбы, разработанное в середине XIX в.

¹⁰ В главе II описаны события 21–27 октября 1914 г.

¹¹ *Река Ш.* — имеется в виду река Шешупе у границы с Пруссией.

¹² *Вильгельм* — германский император и король Пруссии Вильгельм II (1859–1941).

¹³ *Фольварк* — мыза, усадьба, помещичье хозяйство.

¹⁴ *Город Ш.* — Шилленен.

¹⁵ В главе III описаны события 13–20 ноября 1914 г.

¹⁶ *Станция К.* — железнодорожная станция Колюшки.

¹⁷ В главе IV описаны события 20–30 ноября 1914 г.

¹⁸ *Иванова ночь* — ночь накануне Ивана Купала — народный языческий праздник 24 июня (7 июля), приуроченный к рождеству Иоанна Крестителя.

¹⁹ В главе V описаны события 1–4 декабря 1914 г.

²⁰ *Местечко Р.* — Роспрже.

²¹ *Рослый и широкоплечий полковник* — начальник штаба Уральской казачьей дивизии полковник А. И. Егоров (1876–1914).

²² *Молодой начальник дивизии* — исполнявший обязанности командира Уральской казачьей дивизии генерал-майор граф П. М. Стенбок (1869–1931).

²³ *Подчасок* — помощник часового в карауле.

²⁴ В главе VI описаны события 7–10 декабря 1914 г.

²⁵ *Секрет* — наблюдательный сторожевой пункт.

²⁶ *Динотериум* — вымерший представитель отряда хоботных.

²⁷ *Плезиозавры* — отряд ископаемых пресмыкающихся.

²⁸ *Болиды* — метеоры.

²⁹ ...по слову поэта, нас призвали всеблагие, как собеседников на пир, и мы были зрителями их высоких зрелищ. — Речь идет о строках из стихотворении Ф. И. Тютчева «Цицерон»:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

³⁰ *Уэллс Герберт Джордж (1866–1946)* — английский писатель и публицист, автор научно-фантастических романов.

³¹ В главе VII описаны события 11–21 февраля 1915 г.

³² ...словно богословы из «Вий», вступавшие в бой для решительного удара... — В повести Н. В. Гоголя «Вий» описаны драки между бурсой и семинарией: «Грамматики начинали прежде всех, и как только вмешивалась риторика, они уже бежали прочь и становились на возвышениях наблюдать битву. Потом вступала философия с черными длинными усами, а наконец и богословия в ужасных шароварах и с претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тем, что богословия побивала всех, и философия, почесывая бока, была теснима в класс и помещалась отдыхать на скамьях» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937. Т. 2. С. 179).

³³ В главе VIII описаны события 22–23 февраля 1914 г.

³⁴ *Местечко С.* — Серее.

³⁵ В главе IX описаны события 23–24 февраля 1915 г.

³⁶ *Wer ist da?* — Кто там? (нем.).

³⁷ В главе X описаны события 24–27 февраля 1915 г.

³⁸ «*Вот он, вот он, чёрт с рогом*»... — Во время Первой мировой войны у немцев были «рогатые» каски.

³⁹ ...мы встретили <...> командира пехотной дивизии... — Имеется в виду генерал-майор П. А. Тихонович (1858–1917).

⁴⁰ Местечко С. — Сейнах.

⁴¹ Местечко К. — деревня Копциово (Капчяместис).

⁴² *Расцветает дух, как роза мая ~ Слепо повинуется ему.* — Строфа из стихотворения Гумилева «Солнце духа» (1914–1915).

⁴³ «Halt!» — «Стой!» (нем.)

⁴⁴ В главе XI описаны события с 28 февраля до начала марта 1915 г.

⁴⁵ *Поручик Ч.* — взводный Гумилева М. М. Чичагов; см. о нем примеч. к стихотворению «Война» (С. 706).

⁴⁶ *Князь К.* — И. А. Кропоткин.

⁴⁷ В главе XII и в следующей, XIII главе описан бой 5–6 июля 1915 г., за который Гумилев получил второй Георгиевский крест.

⁴⁸ См. коммент. 47.

⁴⁹ *Деревня З.* — Заболотце.

⁵⁰ В главе XIV описаны события 12–31 июля 1915 г.

⁵¹ ...какую-то Сусанну со старцами... — В живописи неоднократно использовался сюжет из Книги пророка Даниила о благочестивой женщине по имени Сусанна, которую пытались соблазнить старейшины, затем ложно обвинившие ее в прелюбодеянии. Картины на этот сюжет писали Рубенс, Тинторетто, Джакомо Бассано, Паоло Веронезе и многие другие.

⁵² В главе XV описаны события 24–25 августа 1915 г.

⁵³ В главе XVI описаны события 1–2 сентября 1915 г.

⁵⁴ *Майн Рид* (1818–1883) и *Густав Эмар* (1818–1883) — авторы приключенческих романов.

⁵⁵ В главе XVII описаны события 9–10 сентября 1915 г.

⁵⁶ *И если им нечего делать «в гражданстве северной державы», то они незаменимы «в её воинственной судьбе»...* — Гумилев приводит строки из третьей песни поэмы Пушкина «Полтава» (1828–1829):

В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.

(Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 63)

Иван Сергеевич Шмелёв

Об И. С. Шмелёве см. выше, с. 729–730.

Три часа

Впервые: Речь. 1915. № 355, 25 дек. Печатается по: Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 8 т. 2-е изд. М., 1917. Т. 8. С. 155–174.

¹ «Варяг» — см. наст. изд. С. 674.

² *Ситный* — хлеб, испеченный из муки, просеянной сквозь сито.

³ «Пришла зима. Трещат морозы. На солнце искрится снежок. Пошли с товарами обозы по Руси вдоль и поперек» — неточная цитата из поэмы И. С. Никитина (1824—1861) «Кулак» (1858).

⁴ ...открытку с красным крестом, на которой напечатано — «из Действующей Армии»... — Штампом «Из Действующей Армии» помечали всю военную корреспонденцию.

⁵ «Заря» — еженедельный иллюстрированный журнал, издававшийся в 1913–1916 гг.

⁶ Ветла — ива.

⁷ ...на прясле... — на изгороди.

⁸ Отделенный — командир отделения.

⁹ «Корочка» — народная песня «Сухой бы я корочкой питалась...».

¹⁰ Цеппелин — дирижабль большой грузоподъемности, названный по имени своего создателя Фердинанда Цеппелина. Использовался немецкой армией в военных целях.

¹¹ Рига — постройка для сушки снопов с местом для обмолота.

¹² Дебаркадер — здесь: платформа.

В Калинове

Впервые: Киевская мысль. 1915. № 357, 25 декабря. Печатается по: Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 8 т. 2-е изд. М., 1917. Т. 8. С. 175–188.

¹ В день Успенья... — Праздник Успения Богородицы отмечается 15 (28) августа.

² Урядник — здесь: нижний чин уездной полиции.

³ Достойно — молитва «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...»

⁴ Чалый — масть коня серого цвета с примесью.

⁵ Трудник — мирянин, живущий и бесплатно работающий в монастыре.

⁶ Чертова кожа — плотная, обычно темная хлопчатобумажная ткань.

⁷ «Верую во Единого Бога и Творца... неба и земли видимого-невидимого!» — искаженные слова «Символа веры».

⁸ Псаломщик — церковный служащий низшей ступени.

⁹ Десятский — выборное должностное лицо из крестьян, исполнявшее полицейские обязанности.

¹⁰ Георгиевский крест — военный орден, предназначавшийся для нижних чинов, проявивших исключительную храбрость на поле боя. Представлял собой серебряный крест без эмали на орденской георгиевской ленточке. Также именовался солдатским Георгием.

Николай Родионович Роминский (1868–1943)

Николай Родионович Роминский — писатель, живописец, график, педагог. Получил художественное образование в Санкт-Петербурге, затем совершенствовался во Франции, Германии, Италии. В 1911 г. был секретарем Русского

павильона на Всемирной художественной выставке в Риме. Был участником военных действий в Первую мировую войну, закончил военную службу в чине полковника. В 1915 г. много печатался в журнале «Нива» (рассказы «Волчонок», «Два дня», «На мазурских озерах», «Набег», «Под первыми пулями», «Два Георгия», «Евстрат-воздыхатель», «Мурмуз и Жучка», «Газель и ее друзья», «Казак Кирилка»).

После революции обосновался в Латвии, откуда родом была его жена. С 1919 г. преподавал в Рижской городской русской средней школе, занимался живописью и художественной фотографией. Стал автором книг для подростков, посвященных этическим аспектам полового влечения («Дичь, на которую охотятся», «История странной любви»), а также исторических романов «Власть фараона. Цафнат монах» (Рига, 1922), «Карма. Царь Саул» (Рига, 1928), «Царь Давид» (Рига, 1930), опубликованных под псевдонимом Н. Р. Донец. Печатался также под псевдонимом Н. Р. Роминский-Донец. В 1938–1939 гг. в газете «Путь жизни», выходившей в Печерах, были напечатаны его очерки о Шалапине, о Московском художественном театре и «Что такое художественная натура». В 1939 г. семья, по праву немецкого происхождения жены, репатрировалась в Германию и поселилась в Познани, в то время входившей в состав Третьего Рейха. Роминский погиб в результате автомобильной катастрофы. Прощаясь с другом, он написал: «Прощайте, и не поминайте лихом. Всю жизнь я хотел делать людям только хорошее, доставлять им радость и, если возможно, счастье. К сожалению, это не только иногда не удавалось, но получалось обратное. Помимо моей воли, конечно, по Божьей воле... Воле, которая лучше знает, что нам нужно» (Русские в Латвии. История. Культура Современность. URL: http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/rgrg/rgrg_biograf_svedenija.html#5 (дата обращения: 25.05.2014)).

Волчонок

Впервые: Нива. 1915. № 27. С. 527–528; № 29. С. 565–572. Печатается по этому изданию.

¹ ...кончался сентябрь... — С 5/18 августа по 8/21 сентября 1914 г. на Юго-Западном фронте состоялась одна из крупнейших битв Первой мировой — Галицийское сражение между русской и австро-венгерской армиями.

² Собака Мурмуз — один из сквозных персонажей военных рассказов Н. Роминского, так же, как и казак Кирилка, дядя Митяй, крестьянин Евстрат и батальонный, все они служат в девятой роте, совершая бесчисленные подвиги.

³ Язык-то спрячь, — чего нечистого тешишь? — В русской иконописи дьявол иногда изображается с высунутым языком — так же, как на лубке, где с высунутым языком фигурируют, кроме того, Баба-Яга и Смерть (см.: Махов А. Е. Обнаженный язык дьявола как иконографический мотив // Махов А. Е. Одиссей. Человек в истории. М., 2003. С. 362).

⁴ ...отобрать патроны у убитых и раненых. — В течение всей Первой мировой войны русская армия страдала от острой нехватки снарядов. В воспоминаниях члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 г. Р. Р. фон Раупаха говорится: «Уже через шесть месяцев после начала войны наша артиллерия стала экономить снаряды. К февралю 1915 года гора Козюва, бывшая ключом нашей позиции на Карпатах, защищалась одной батареей, выпускавшей в лучшем случае 6–8 снарядов в день, и это в то время, когда немцы непрерывным

огнем тяжелой артиллерии буквально сметали наши окопы» (*Раунах Р. Р. фон. Facies Hippocratica* (Лик умирающего). СПб., 2007. С. 144).

⁵ *Классный фельдшер* — военный фельдшер.

⁶ *Je vu zem, je vu задор...* — Я вас люблю, я вас обожаю (*фр., искажен.*).

⁷ *Ah, les cochons!* — Ах, поросята! (*фр.*).

⁸ *Tous* — все (*фр.*).

⁹ *Schnaps, Bier, Wurst...* — Шнапс, пиво, колбаса... (*нем.*) — вульгарное представление о типичных атрибутах немецкой культуры.

¹⁰ *Was? Was?* — Что? Что? (*нем.*).

¹¹ *...в Вильне, а не в Киеве...* — Герой называет места особенно крупных боев 1914–1915 гг.

Вадим Михайлович Белов (ок. 1890–193?)

В. М. Белов — писатель, сотрудник «Синего журнала», военный корреспондент журнала «Нива», корреспондент «Биржевых ведомостей» участник военных действий Первой Мировой войны (на фронт ушел добровольцем), награжден двумя Георгиевскими крестами. После революции служил в войсках Колчака и Унгерна. В 1921 г. эмигрировал в Эстонию. Вернулся в Россию, где был расстрелян.

Об одном из эпизодов журналистской деятельности Белова рассказано в воспоминаниях Н. А. Карпова: «На его страницах <«Синего журнала»> появилось сообщение о похищении дочери крупного чиновника в Варшаве. Полиция и уголовный розыск сбились с ног, но не нашли даже следов ловких похитителей. Редакция, “не щадя затрат”, немедленно направила на поиски похищенной красавицы (разумеется, героиня такой романтической истории должна быть красавицей) своего сотрудника, молодого, но многообещающего проходимца Вадима Белова. — В журнале появился снимок, где этот синезурнальный детектив был изображен в полной походной форме, с рюкзаком за спиной и термосом на боку. Под снимком стояла подпись: “Наш сотрудник Вадим Белов отправляется на поиски похищенной девушки”. Рядом был помещен снимок с редакционной машинистки с подписью: “Похищенная девушка Галина Ганецкая”. В следующем номере была помещена фотография бородатого метранпажа типографии, где печатался журнал, с надписью: “Отец похищенной Галины. Горе его не поддается описанию”. Месяца два Вадим Белов посылал в редакцию описания своего путешествия, поисков и борьбы с похитителями, сидя у себя в комнатухе в Питере, где-то на Кирочной улице. Потом эта история надоела и читателям, и редакции. Мифическая красавица так и не была найдена, несмотря на затраты и на гонорар ловкому домоседу Белову» (*Карпов Н. А. В литературном болоте. СПб., 2007. С. 61*).

В «Ниве» в военные годы Белов опубликовал рассказы «Денщик Скоуроуменко» (1915), «Ночной гость» (1915), «Жертва» (1915), «Подвиг Ивана Ложкина» (1915), «Случайный друг» (1915), «Железные сердца» (1915), «Для ее счастья» (1916), «Меч судьбы» (1916), «Царевы дети» (1916), «Соперница» (1917). Рассказы, печатавшиеся в «Биржевых ведомостях» и в «Ниве», Белов объединил в сборниках «Кровью и железом: Впечатления офицера-участника: Август-сентябрь» и «Лицо войны: Записки офицера» (обе книги вышли

в Петрограде в 1915 г.). В эмиграции Белов занял сменовеховские позиции, в 1922 г. в Таллине выпустил книгу «По новым вехам». В 1920-е гг. вышли также книги Белова «Белая печать, ее идеология, роль, значение и деятельность: Материалы для будущего историка: Ревель. Январь-март 1922 г.» (Пг., 1922) и «Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье» (М.; 1923).

Жертва

Впервые: Нива. 1915. № 43. С. 790–794а. Печатается по этому изданию.

¹ *...августовский вечер...* — В августе 1914 г. начался массовый призыв в Российскую Императорскую армию.

² *Вольноопределяющийся* — нижний чин Российской Императорской армии и Флота, поступивший на военную службу добровольно и пользовавшийся определёнными льготами.

³ *...передки с орудиями...* — Передок — двухколёсная повозка, которую сцепляли с задней частью лафета буксируемого артиллерийского орудия для транспортировки его и снарядов.

⁴ *...не только тех, которые тряслись по дорогам Польши и Галиции без малого год...* — В конце 1914 — начале 1915 г. русский Юго-Западный фронт переместился из Польши на территорию Львовской области современной Украины.

⁵ *...рядом с двумя другими «номерами»...* — Солдатам артиллерийской бригады присваивались номера в соответствии с выполняемыми функциями, так, например, «первый» наводил прицел, «второй» подготавливал снаряды и т. д.

Яков Маркович Окунев (1882–1932)

Я. М. Окунев (наст. фамилия — Окунь) начал публиковаться в 1903 г. в одесских газетах (стихи, рассказы, публицистика) и в том же году стал участником революционного движения, за что несколько раз подвергался арестам, был исключен из университета и в 1907 г. выслан из Одессы. Тем не менее в 1914 г. он был призван в армию, сражался в Галиции и был награжден Георгиевским крестом. В 1914 г. вышла его первая книга «Каменное иго». За время службы в армии Окунев выпустил несколько сборников военных очерков: «Воинская страда: Боевые впечатления», «В огне войны», «На передовых позициях: Боевые впечатления» (все — 1915 г.). В 1916 г. он написал фантастический рассказ «Бред», и с тех пор фантастический жанр стал центральным в его творчестве: в 1920-е гг. в московских и ленинградских издательствах выходили его повести и романы — ранние образцы русской научной фантастики.

Тихий бой

Впервые: Окунев Я. Воинская страда: Боевые впечатления. Пг., 1915. С. 115–123. Печатается по этому изданию.

¹ *Парки* — строевые части, доставляющие боеприпасы на поле сражения.

Паровоз «Б. 47»

Впервые: *Окунев Я.* Военская страда: Боевые впечатления. Пг., 1915. С. 145–153. Печатается по этому изданию.

¹ *Крейцкопф* — деталь двигателя.

² *Nach Warschau, nach Warschau!* — На Варшаву, на Варшаву! (нем.).

Разведка

Впервые: *Окунев Я.* Военская страда: Боевые впечатления. Пг., 1915. С. 154–159. Печатается по этому изданию.

¹ *Шестьдесят шесть* — карточная игра для двух игроков.

² *Дратва* — прочная просмоленная или навощённая нитка для шитья кожаных изделий.

³ *...ваше в-дие.* — Ваше высокоблагородие.

⁴ *Die Russen! Die Russen!* — Русские! Русские! (нем.).

**Леонид Николаевич Андреев
(1871–1919)**

Начало войны застало Леонида Андреева на даче в Финляндии. По возрасту и состоянию здоровья призыву он не подлежал. На фронт отправился его младший брат Андрей, с которым на протяжении военных лет Леонид Андреев вел активную переписку. Во многом именно письма брата формировали представление писателя о войне. Брату он признавался: «Еще никогда ни при каком чтении я так не верил в войну как при твоих письмах» (цит. по: *Кен Л., Рогов Л.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 282).

Рассказ «Красный смех» (1905), изображавший ужасы Русско-японской войны, обеспечил Леониду Андрееву репутацию антимилитариста и пацифиста. Однако с началом войны с Германией, которую он воспринял как войну двух культур, его позиция резко меняется. Приглашая И. С. Шмелёва сотрудничать во вновь создаваемом журнале «Отечество», Андреев писал: «А программа такая, — до времени оставив в стороне наши внутренние дела и борьбу с правительством, — сейчас всеми силами содействовать успеху на войне, содействовать осознанию происходящего и уяснить его истинный смысл. Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен свыше всякой меры. Это борьба демократии всего мира с цезаризмом и деспотией, представителем каковой является Германия» (Там же. С. 283). Андреев с головой погружается в публицистику. В 1914 и начале 1915 г. он сотрудничает с газетами «Утро России», «Биржевые ведомости», «День», публикуется в журнале «Отечество», пишет заметки и брошюры с громкими агитационными заглавиями вроде «В сей грозный час» или «Нет смерти для того, кто любит родину», призывает писателей и поэтов посвятить свой талант делу войны (статья «Пусть не молчат поэты»). Все публикуемое в прессе о войне Андреев в то время принимает искренне и всерьез. Так, его пьеса «Король, закон и свобода», посвященная событиям в Бельгии, основана на газетном мифе (впоследствии опровергнутом) о том, что великий бельгийский драматург Морис Метерлинк принял участие

в военных действиях и даже получил ранение. Пьеса эта была в конце осени — начале зимы 1914 г. поставлена Московским драматическим театром и Александринским театром в Петрограде и имела у зрителей большой успех.

В ноябре 1914 г. Андреев публикует статью «Первая ступень», где, высказывая свое мнение по еврейскому вопросу, сравнивает антисемитизм с горбом на спине русского человека. В 1915 г. вместе с М. Горьким и Ф. Сологубом Андреев организует «Общество для изучения еврейства», среди прочего опубликовавшее посвященный еврейскому вопросу сборник «Щит», куда помимо «Первой ступени» попадает также и рассказ Андреева «Раненый». Однако уже в 1916 г. он перестает участвовать в деятельности общества. Причиной, по-видимому, явились разногласия с Горьким, начавшиеся еще в декабре 1915 г. после публикации его статьи «Две души», в которой Андреев увидел лишенную справедливости «торжественную и пышную панихиду» по России (Андреев Л. Н. О «Двух душах» М. Горького // Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1996. Т. 6. С. 570). Разочаровавшись к этому времени и в публицистике, Андреев возвращается к драматургии. В письме к брату он сообщает, что взахлеб работает над драмой «Самсон в цепях». Андреев пытается поставить ее в Московском драматическом театре у Немировича-Данченко, но терпит неудачу. Он пишет еще одну драму, — мистерию, как он сам ее называет; ее главный герой, не найдя ответов на последние вопросы, совершает самоубийство. Но и эту пьесу — «Собачий вальс» — Немирович-Данченко не принял к постановке. Прошла на московскую и петроградскую сцену другая пьеса — красочная любовная драма «Тот, кто получает пощечины», действие которой происходит в цирке, служащем метафорой человеческого существования. Последовавший за ней мрачно-исповедальный «Реквием», хотя и был поставлен на малой сцене Московского театра и, по признанию видевших ее современников, вызывал глубокое типично андреевское переживание эсхатологического ужаса, не имел особенного успеха. В январе 1916 г. Андреев закончил работу над повестью «Иго войны» и посвятил ее своему соседу по финской даче И. Е. Репину, в доме которого прошло ее первое публичное чтение. Выполненное в форме дневниковых записей, во многом не менее исповедальное, чем пьеса «Реквием», это произведение содержит почти всю сумму мыслей и переживаний, которые ложились в основу произведений Андреева военных лет. Повесть вышла в том же году в альманахе «Шиповник», но была удостоена весьма немногих и в основном негативных откликов.

Летом 1916 г. в жизни Андреева начинается новый этап. Его приглашает к сотрудничеству газета «Русская воля» (первый номер вышел 15 декабря 1916 г.); писателю предложены права редактора отдельного литературно-театрального критического раздела и полная свобода в выборе материала и сотрудников. Чрезвычайно обрадованный такой возможностью, Андреев пишет письма с приглашениями участвовать в новом издании И. С. Шмелёву, А. А. Блоку, А. С. Серафимовичу, В. И. Немировичу-Данченко, К. И. Чуковскому и другим. Однако большинство писателей от сотрудничества отказываются. По мнению Андреева, виной тому — репутация самой газеты, о которой ходят слухи, что организована она чуть ли не на немецкие деньги. Согласившийся участвовать в издании А. В. Амфитеатров, с которым Андреев работал и общался раньше, теперь становится ему лично неприятен; в работе редакции он видит полный беспорядок. Однако, несмотря на все это, Андреев продолжает работать глав-

ным редактором своего отдела вплоть до самого отъезда в Финляндию в октябре 1917 г. Восторг, вызванный Февральской революцией, быстро сменился у Андреева чувством глубокого ужаса. В статье «Veni, Creator», написанной в сентябре 1917 г., звучит пророческое предупреждение: «По лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, великий триумфатор — громче приветствуй его, русский народ! <...> Ты почти Бог, Ленин. Что тебе всё земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала. Они плачут — твои глаза сухи. <...> Кто же еще идет за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твое дымное и бурное лицо? Густится мрак, и во мраке слышу я голос: “Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем”...» (Андреев Л. Н. Далекие. Близкие. М., 2011. С. 245, 247). В конце октября 1917 г. Андреев уезжает в Финляндию, где 12 сентября 1919 г. умирает от порока сердца.

В некрологе Андреева Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал: «...насталась мировая война, а вслед за нею разразилась революционная катастрофа. <...> На чуткую поэтическую организацию Л. Андреева эти колоссальные события произвели действие оздоровляющее: в нем очнулся и воспрянул настоящий, большой писатель, кровно связанный со своей родиной и нацией, чутьем и разумом постигающий правду вещей и весь ужас национального бедствия. В ряде блестящих статей — памфлетов на великую злобу исторического дня — он обнаружил великую силу призванного писателя-гражданина» (цит. по: Перхин В. В. Одесские газеты о смерти Л. Н. Андреева // Русская литература. 2013. № 2. С. 198).

Ночной разговор

Впервые: Андреев Л. Н. Ночной разговор. Гельсингфорс, 1921. Написано в 1915 г. Печатается по: Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1995. Т. 5. С. 49–75.

С началом войны император Вильгельм II принял на себя звание Верховного главнокомандующего, однако фактически руководство военными операциями было возложено на начальника Полевого Генштаба. Большую часть войны император провел в Верховной ставке немецких войск в Плесе (Силезия), Лишь 29 июля 1917 г. он посетил театр военных действий неподалеку от города Сморгонь, чтобы высказать благодарность солдатам и офицерам, принимавшим участие в оборонительных боях. Таким образом, присутствие Вильгельма II на Западном фронте, описанное в рассказе Андреева, является фактом, заведомо вымышленным. В характере кайзера, каким он предстает у Андреева, воплощена авторская реконструкция германской идеи.

¹ ...от <...> мелинитного дыма... — Мелинит — взрывчатое вещество, применявшееся для изготовления артиллерийских снарядов.

² Вечный Жид — легендарный персонаж, обреченный на вечные скитания в ожидании второго пришествия за оскорбление, нанесенное Иисусу, когда тот шел на Голгофу (по другой версии — был кузнецом, выковавшим гвозди для распятия).

³ ...танец ведьм на Брокене... — Брокен — вершина горного массива Гарц в Германии; согласно легенде, ведьмы собираются здесь на шабаш в Вальпургиеву ночь (с 30 апреля на 1 мая).

⁴ *Лестница Иакова* — лестница между землей и небом, приснившаяся Иакову; по лестнице восходили и нисходили ангелы; на лестнице — Господь, завещающий землю Иакову и его потомству (Быт 28: 12–16).

⁵ *Ланд-штурм* — немецкий аналог русского ополчения.

⁶ *Альберт I* (1875–1934) — король Бельгии с 1909 г.

⁷ *Нансен Фритъоф Ведель-Ярлсберг* (1861–1930) — норвежский полярный исследователь, доктор зоологии, основатель физической океанографии, политический и общественный деятель, гуманист, филантроп.

⁸ *Маркиз Поза* — благородный герой драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (1783–1787).

⁹ *Тот самый германец, который еще в тевтобургском лесу колотил культурных римлян.* — Речь идет о Битве в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.), в которой германцы под предводительством Арминия уничтожили более трех легионов римской армии. В результате битвы Германия обрела независимость от Римской империи; Арминий стал национальным героем Германии.

¹⁰ *Комбатанты* — здесь: вояки.

Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945)

В самом начале Первой мировой войны — в августе 1914 г. — В. В. Вересаев (наст. фамилия — Смидович) был мобилизован. На этот раз (он принимал участие в Русско-Японской войне) его не призвали на фронт. Некоторое время он служил полковым врачом в Коломне, а затем стал заведующим военно-санитарного дезинфекционного отряда Московского железнодорожного узла (1914–1917).

В 1913–1914 гг. Вересаев был редактором выпускавшихся «Книгоиздательством писателей в Москве» сборников «Слово», однако после призыва уже не мог уделять достаточно времени редакторской работе. В «Воспоминаниях» Вересаева рассказано, как он отказался печатать рассказ С. М. Городецкого, не желая его именем «пачкать наших сборников», поскольку ранее Городецкий опубликовал в «Ниве» стихотворение «Сретение», в котором воспевал Николая II, ведущего русских против немцев за святое дело. Объясняясь с Городецким, который оправдывался тем, что в первые месяцы войны народ с восторгом смотрел на царя, Вересаев ответил: «Я бы думал, что призвание поэта — звать народные массы за собой, а не плестись в хвосте их настроений. Отчего бы тогда не воспеть немецких погромов, которые недавно волною прокатились по Москве и которые производили самые подлинные народные массы?..» (Вересаев В. Воспоминания // Вересаев В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1961. С. 454–455). Его собственный рассказ 1915 г. «Мария Петровна» — горячий протест против войны.

В марте 1917 г. на вечере в Художественном театре, где присутствовали А. Белый, Е. Трубецкой, Н. Бердяев, М. Волошин, братья Бунины, В. Брюсов, К. Станиславский, В. Немирович, многие начали высказываться за ведение войны до победного конца. Когда И. А. Бунин предложил Вересаеву также выразить свою позицию, Вересаев заявил: «Тут собрались сливки русской интеллигенции. Какой бы огромный эффект на весь мир получился, если бы эта интеллигенция, вместо того, чтобы требовать себе Константинополя

и разных других лакомых кусочков, заявила бы во всеуслышание: конец войне! Никаких аннексий, никаких контрибуций! Полное самоопределение народов!» «В той среде, где вращался я, — пояснял, вспоминая об этом эпизоде писатель, — это давно стало банальнейшим общим местом. Но здесь это произвело впечатление взрыва бомбы» (Там же. С. 457–458).

Марья Петровна

Впервые: Слово. М., 1915. Сб. 4 (с цензурным изъятием слов «господи, сколько народу перепорчено — молодого, здорового!» и заключительной фразы). Печатается по: *Вересаев В.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1985. Т. 3. С. 5–11.

¹ *Мюр и Мерилиз* — первый в России торговый дом для людей среднего класса в Москве на Петровке, основанный шотландцами Арчибальдом Мерилизом и Эндрю Муром в 1857 г. и просуществовавший до 1922 г.

² ...кроткое лицо с поднятою рукою и с надписью: «Приидите ко мне...» — Икона с изображением Иисуса Христа и его словами из Евангелия от Матфея (11: 28): «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы».

³ *Фельдфебель* — унтер-офицерский чин в русской армии до 1917 г., помощник ротного командира.

⁴ *Ihr abscheulicher schlechter Kaiser! Warum hat er diesen Krieg angefangen!* — Ваш отвратительный, плохой император! Зачем он начал эту войну! (нем.).

Борис Федорович Гейер (1879–1916)

Б. Ф. Гейер — драматург, писатель, журналист. Первый рассказ был напечатан в журнале «Нива» и имел успех. Гейер участвовал в создании сатирического журнала «Зритель», где публиковал свои рассказы. Первую пьесу написал в 1907 г. Для театра «Кривое зеркало» писал пародии, юмористические сценки и миниатюры. В пародии «Эволюция театра» (1910) продемонстрировал, как меняется один и тот же сюжет, воплощенный в манере Гоголя, Островского, Чехова и Леонида Андреева. В написанной в тот же год пьесе «Воспоминания» представил шесть вариантов одного события в воспоминаниях шести участников. Умер, заразившись дизентерией. О Гейере см.: *Кугель А. Р.* Листья, с дерева. Л., 1926. С. 200–203; *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России: (1908–1917). М., 1995. С. 270–279.

Актеры

Впервые: Война. 1915. № 39, июнь. С. 3–6. Печатается по этому изданию.

¹ *Я в костюме Айседоры Дункан...* — То есть не одет. Американская танцовщица Айседора Дункан (1877–1927), основоположница свободного танца, шокировала публику тем, что танцевала босиком и в греческом хитоне.

² ...ввиду запрещения... — Имеется в виду запрет на употребление крепких спиртных напитков во время войны.

³ *Wohin?* — Куда? (нем.).

⁴ *Nach Hause...* — Домой... (нем.).

⁵ *Zurück* — Назад (нем.).

⁶ *Менелай* — герой «Илиады» Гомера, царь Спарты, муж Елены.

⁷ *Donner wetter! Wass ist noch?...* — Черт побери! Что там еще?... (нем.).

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Об А. Т. Аверченко см. выше, с. 725–726.

Карьера певицы Дусиной

Напечатано: *Аверченко А.* Волчьи ямы. Пг., 1915. (Библиотека «Нового сатирикона»). С. 72–80. Печатается по этому изданию. Возможно, как и другие произведения этого сборника, рассказ был опубликован ранее в периодической печати, но обнаружить такую публикацию не удалось.

Рассказ посвящен Турции, официально вступившей в Первую мировую войну 2 ноября 1914 г. В основе эпизода с покупкой кальяна и ковров лежат газетные сообщения о том, что турки, покидая Тавриз, повесили живших в городе персов, не желавших продавать им товары за бумажные деньги, разграбили их имущество и сожгли базар (см., например: Биржевые Ведомости. 1915. № 14621, 19 янв. Вечерн. вып. ; Утро России. 1915. № 20, 20 янв.).

¹ *Шантан* — то же, что и кафешантан (от фр. *café chantant*), кафе или ресторан с эстрадой для выступления артистов, исполняющих номера развлекательного, часто фривольного характера.

² *Вильгельм* — германский император и король Пруссии Вильгельм II (1859–1918).

³ *...щеголяющая в чудесных, как мечта, туалетах от Пакена...* — Из дома моды «Raquin» (1891–1956), основанного в Париже супругами Исидором и Жанной Пакен. В число их постоянных клиентов входили самые влиятельные и богатые женщины: известные актрисы, куртизанки, королевы Испании, Бельгии, Португалии, жены американских миллионеров.

⁴ *Надо будет, — решило недавно турецкое правительство, — бумажные деньги выпустить.* — Первые бумажные деньги в Турции появились в 1840 г. Во время Первой мировой войны Османская империя, как и многие другие государства, отказалась от золотого стандарта, из-за чего резко упал курс обмена валюты.

⁵ *Кальян с насечкой* — кальян, украшенный традиционными восточными резными узорами по металлу.

⁶ *Пиастр* — турецкая монета. По курсу валют 1914 г. 40 пиастров равнялись 4 российским рублям (средний месячный заработок русского рабочего в 1913 г. — 22,53 рубля); Аверченко, таким образом, описывает очень дорогой кальян.

⁷ *Государственного казначейства.* — Речь идет о казначейских билетах — денежных знаках, которые выпускаются казначейством или эмиссионным банком под обязательства казначейства для покрытия государственных расходов, бюджетного дефицита. Не имеющие материального обеспечения, они пускаются в оборот во время войн и национальных потрясений, в периоды ухудшения финансового состояния государства.

⁸ *Эффенеди* (от турецк. «господин») — вежливое обращение, а также воинское звание, примерно соответствующее европейскому званию лейтенанта.

⁹ *Иншаллах!* (от араб. *in szallah*) — во имя Бога, с Божьей помощью, во имя Аллаха (молитвенная формула у мусульман).

¹⁰ *Слышали турки, что в других странах правительство выпускает кредитки — дай, думают, и мы выпустим.* — Кредитные билеты — бумажные деньги, обеспеченные, в отличие от казначейских, особым металлическим фондом.

¹¹ *Конклав* — здесь: собрание кардиналов. Конклав созывается после смерти папы римского для избрания нового папы; проходит в изолированном от внешнего мира помещении. Конклав 20 августа 1914 г. избрал новым папой Бенедикта XV; среди участников не было ни одного представителя Турции.

¹² *Захотела недавно Турция высадить недалеко от Одессы десант...* — В ночь с 28 на 29 октября 1914 г. два турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани канонерскую лодку «Донец»; десант в результате операции высажен так и не был.

¹³ *Кордегардия* — помещение для военного караула.

Корней Иванович Чуковский (1882–1969)

К. И. Чуковский (наст. имя и фамилия — Николай Васильевич Корнейчуков) не был призван на военную службу по состоянию здоровья. В его дневниках сохранилось немало сведений о том, как восприняли начало войны представители творческой интеллигенции, и бытовых зарисовок того времени. От оценочных высказываний Чуковский в своих записях воздерживался, но о его отношении к войне можно судить по тем деталям, которые он приводит. Так, например, 27 июля 1914 г. записано: «По улицам солдаты с котелками, с лопатами. Странно, что такую тяжесть носит один человек. У “Веч. времени” толпа. Многие жертвуют на флот — сидит даже военный у кружки и дама, напропалую с ним кокетничающая. Какого-то зеленого чертежника, чахоточного, громко (со скандалом) бранят: как вы могли усумниться? Как вы смели такое высказать... <...> Дама, оч. добродушная, — хохлушка? — читает в окне “Веч. времени”: “У Льежа погибло 15000 немцев” и говорит: “Ну, слава Богу... я счастлива”» (Чуковский К. Дневник: 1901–1969. М., 2003. Т. 1. С. 79). Время от времени очерки Чуковского о войне появлялись в периодических изданиях, причем многие его материалы были посвящены участию в войне союзников, прежде всего — Англии, где Чуковский жил в 1903–1904 гг., посылая оттуда корреспонденции в газету «Одесские новости». Целая серия очерков Чуковского под общим заглавием «Англичане» печаталась в 1915 г. в журнале «Нива» (№ 16. С. 313–320; № 17. С. 333–340). За этими большими публикациями последовали другие. В очерке «Гимны ненависти и гимны любви» Чуковский сообщал читателям, что немцы ненавидят англичан куда больше, чем русских и французов, и приводил в собственном переводе поразивший его немецкий гимн с проклятиями в адрес Англии. В противовес этому гимну Чуковский цитировал обращение русского мужика к «Вильгельму Жестокосердому»: «Крестьянин села Иванова пожалел степных, погибающих “варваров”. К самым жестоким врагам-супостатам у него нашлось сострадание» (Нива. 1915. № 24. С. 467). В № 28 был напечатан очерк Чуковского «Как в Англии вербуют добровольцев», а в № 35 — «Будьте спокойны, дорогие солдаты» — о помощи фронту в тылу Англии и Франции. Не удивительно, что Чуковский вошел в состав делегации русских журналистов, отправившейся в 1916 г. в Англию по приглашению британского правительства (см. об этом также наст. изд., с. 731). Итогом поездки

стала книга Чуковского «Англия накануне победы» (Пг., 1917). В предисловии к ней говорилось: «Нас встретили радушно и шумно — банкетами и шумными спичами. Нас принимал сам король. Нам показали многомиллионную армию, показали изумительный флот и целые версты заводов, работающих на оборону страны. Мы видели разрушенную Бельгию. По приглашению французского правительства мы побывали на французских позициях» (С. VII). Чуковский рассказывал об английских детях и женщинах, о лагерях для подготовки новобранцев, о пострадавшей от войны Бельгии, о добровольцах из английских колоний, воевавших на стороне Британской империи, об авиации и многом другом. Война, однако, не поглотила все интересы Чуковского. Достаточно сказать, что именно в период войны начало разворачиваться его творчество в области детской литературы: первая детская поэма «Крокодил» была написана в 1916 г., и в том же году был составлен сборник для детей «Елка», а в 1917 г. Горький предложил Чуковскому возглавить детский отдел издательства «Парус».

Великое в малом. Эюд.

Впервые: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1915 г. Пг., 1915. Т. 3. С. 131–142. Печатается по этому изданию.

¹ *Агамемнон* — герой «Илиады» Гомера, вождь греков в войне против троянцев; в трагедии Эсхила «Агамемнон» (458 до н. э.) пал жертвой своей жены Клитемнестры.

² «*Daily Telegraph*» — не менее популярная, чем «Таймс», ежедневная британская газета; основана в 1855 г.

³ *Мелеандр* — герой пьесы М. Метерлинка «Аглавена и Селизетта» (1896), участник трагического любовного треугольника.

⁴ *Селизетта* — героиня той же пьесы.

⁵ *Лючия* — героиня оперы Г. Доницетти «Лючия ди Ламермур» (1835) по мотивам романа В. Скотта «Ламмермурская невеста» (1819). Любовный сюжет оперы заканчивается гибелью Лючии.

⁶ *Камилла* — одна из героинь «Энеиды» Вергилия (29–29 до д. э.), прекрасная предводительница амазонок.

⁷ *Томми Аткинс* — прозвище простых солдат вооруженных сил Великобритании.

⁸ *В Дарданеллах...* — Силами Антанты, главным образом, Англии, в 1915 г. в Дарданеллах была развернута масштабная операция с целью прорыва к Константинополю и открытия морского пути в Россию. Операция по форсированию Дарданелл провалилась; по новому плану союзного командования решено было высадить десант на полуостров Галлиополи, чтобы силами пехоты прорваться к Константинополю. Высадка десанта состоялась 25 апреля 1915 г., и в тот же день союзники понесли огромные потери (18 000 человек), тем не менее боевые действия на полуострове продолжались до конца года.

⁹ *Маргарет Кэмпбел* — имя американской актрисы театра и немного кино (1883–1939). Не ясно, было ли это имя известно Чуковскому: первая работа актрисы в кино состоялась в 1919 г.

¹⁰ «*Dogs and Cats of Empire Fund for British Prisoners in Germany*» — «Фонд собак и кошек в пользу британских пленных в Германии» (англ.). В ответ на заявление кайзеровской Германии о том, что она будет сражаться до последней

кошки и собаки, англичанин Мод Филд написал открытое письмо от имени своего фокстерьера Тома с призывом к кошкам и собакам союзных стран пожертвовать деньги для помощи военнопленным. Созданный таким образом фонд сумел собрать весьма крупную сумму. См.: *Grant P. Philanthropy and Voluntary Action in the First World War: Mobilizing Charity*. N. Y., 2014. P. 35.

¹¹ «*Daily Mail*» — массовая английская ежедневная газета; выходит с 1896 г.

¹² *Роберт Оуэн* (1771–1858) — английский философ.

¹³ *Кобден Ричард* (1804–1865) — английский политический деятель.

¹⁴ *Голиок Джордж* (1817–1906) — английский публицист и общественный деятель, участник кооперативного движения рабочих.

¹⁵ *Громада* — здесь: общество.

¹⁶ ...стоило только сказать: «*Я бельгиец*»... — Бельгия была одной из стран, особенно пострадавших во время войны.

¹⁷ «*Лузитания*» — британский трансатлантический пассажирский лайнер; 27 мая 1915 г. был торпедирован германской субмариной и затонул в 13 километрах от берегов Ирландии. Из 1959 человек, бывших на борту, погибло 1198.

Михаил Михайлович Пришвин (1875–1954)

Читающей России М. М. Пришвин стал известен после публикации книги «В краю непуганных птиц. Очерки Выговского края» (СПб., 1907). В начале 1914 г. в горьковском издательстве «Знание» вышло его собрание сочинений в 3-х томах. Война застала Пришвина в Петербурге. В августе 1914 г. он писал в дневнике:

Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет.

Должно родиться что-то новое: последняя война.

Вот уже неделю в Петербурге и начинаю привыкать: город — военный лагерь, живется при военном положении много свободней, куда-то исчезли хулиганы, нищие, исчезло разнообразие, цветы жизни, все неожиданности, у всех одно лицо, все стали друг на друга похожи, и Петербург — прямая улица, как большая дорога проезжая на войну.

В пустой квартире через форточку чудится где-то сражение, и мы ничего не знаем о нем, на бабьем положении живем и все читаем, все стали идейные.

Пишу, а в окно одновременно врываются звуки граммофона, плач женщин и отдаленное солдатское пенье.

(Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. С. 65)

Тогда же Пришвин пишет заметки об одобрении «сухого закона» для «Русских ведомостей» («Обрадованная Россия», 15 авг.; «Провинциальные картины», 31 авг.). В сентябре-октябре 1914 г. и феврале-марте 1915 г. писатель ездил на фронт в качестве военного корреспондента и посылал с мест недавних боевых действий на границе с Австрией репортажи об особой атмосфере «братской линии», т. е. передовой, о снабжении армии. С лета 1915 г. в дневниковых записях Пришвина сочетаются две темы: стремление увидеть в человеке на войне светлое начало и понимание бессмысленной жестокости всего совершающегося. «Волочиск — наша пограничная станция с Австрией, здесь мы добивались про-

пуска, и я начинаю с Волочиска описание своего необыкновенного путешествия по завоеванной стране. Местечко обыкновенное, грязное, местечко юго-запада, где ютится всякая еврейская беднота. Тут был маленький бой, и за лесом в болоте есть первый крестик братской могилы. Таможня, водокачка и несколько других казенных зданий взорваны нами при первом известии о наступлении австрийцев, от взрыва погибло много сельскохозяйственных орудий. Среди этого хаоса нужно было устраиваться и притом принимать громадное и все возрастающее число первых раненых. Вначале эти раненые <поступали> сюда прямо после битвы. Волочискский питательный и перевязочный пункт был первым этапом на русской земле» (Пришвин М. М. Дневники. С. 66).

После поездки в Петербург в январе 1915 г. («определялся на войну») в феврале-марте Пришвин снова на фронте — в Карпатах, корреспондентом «Русских ведомостей». Он считает, что сейчас его задача не литература, а только журналистика: «Эта поездка будет отличаться от всех моих прежних поездок тем, что писать я буду на месте для газеты, а не беречь материалы для последующей литературной обработки» (Там же. С. 69). 9 февраля в дневнике появляется запись:

Проходил обоз, бывало, идут молодец к молодцу, а теперь больше бабы, да старики, да какой-нибудь бракованный.

Старик просит узнать, почему же они все на месте топчутся и когда будет конец — вот самое главное. Другой пришел узнать: честно ли ведется война?

Все эти разговоры убеждают меня до очевидности, что задача наша подержать неизбежно утомляющийся тяжелым настоящим и неизвестным будущим народный дух.

(Там же)

28 февраля Пришвин впервые попал в ситуацию реальных военных действий. Вернувшись с фронта в марте 1915 г., он продолжал, как и в другие военные годы, подолгу жить в деревне, пытаюсь понять, как осознает простой крестьянин сущность войны. В конце года сформировались неутешительные выводы: «Когда-то в начале войны казалось мне, что победа наша над врагом будет в то же время победой над самим собой, что мы организуемся. А вот уже прошло 15 месяцев войны, и Россия вся такая же: мечтает и утопает в грязи» (Там же. С. 75). Почти весь 1916 год Пришвин провел в деревне. Весной 1916 г. он получил по наследству участок земли и построил там дом. В конце года записал в дневнике: «Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звенья оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!» (Там же. С. 75).

Весь период с 1914 по 1917 г. Пришвин много печатался в различных газетах. С июля 1915 по февраль 1916 г. в газете «Русь» он вел собственную рубрику «Отзвуки войны», для газеты «Речь» писал очерки на деревенские темы. В ноябре 1916 г. приехал в Петроград, издал три очерка «Письма в провинцию». Зимой 1916–1917 гг. служил секретарем товарища министра торговли и промышленности. Февральскую революцию принял как естественное и благое завершение предыдущего исторического периода. После октябрьского переворота занял активную антивоенную позицию, выступал с резкой критикой Ленина.

Отзвуки боя

Впервые: Русские ведомости. 1915. № 51, 4 марта. Печатается по: *Пришвин М. М. Цвет и крест*. СПб., 2004. С. 478–481.

¹ *Фураж* — растительный корм для животных, обычно состоит из обработанных сушкой листьев и стеблей.

² *Сумочка переметная* — переметная сума — здесь: непостоянный человек, легко меняющий свои взгляды и убеждения.

³ *Дали дрелимона*, — *сказал капитан. Сыграли Дрейфуса*. — Игра слов по ассоциации со словом дрейфить (трусить) (см.: *Пришвин М. М. Цвет и крест*. С. 598; коммент. В. А. Фатеева).

Отзвуки войны. Православный с загулочей улицы

Впервые: Речь. 1915. № 217, 9 авг. Печатается по: *Пришвин М. М. Цвет и крест*. СПб., 2004. С. 483–485.

¹ *Мста* — река в Тверской и Новгородской областях России, впадает в оз. Ильмень.

² *...на лиманах...* — Здесь: на заливных лугах.

³ *Ханьжа* — крепкий спиртной напиток.

⁴ *...большими буквами напечатано: «Конец Европе!»* — Речь идет о статье Н. А. Бердяева «Конец Европы» (Биржевые ведомости. 1915. № 14899, 12 июня).

⁵ *«Национальное сознание и национализм ~ не знали национализма»*. — См.: *Бердяев Н. А. Судьба России*. М., 1918. С. 118–119.

⁶ *...фельетон «Конец интеллигентского сознания»...* — Речь идет о статье Н. А. Бердяева «Война и кризис интеллигентского сознания» (Биржевые ведомости. 1915. № 14985, 25 июля).

⁷ *«Сознание нашей интеллигенции ~ романтическим схемам»*. — См.: *Бердяев Н. А. Судьба России*. С. 45.

**Фёдор Дмитриевич Крюков
(1870–1920)**

Ф. Д. Крюков писал под псевдонимами А. Березинцев, А. Б., А. Б-цев, И (в). Гордеев и др. Казак по происхождению, уроженец станицы Глазуновской Усть-Медведицкого округа Земли войска Донского, Крюков окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт. В 1892–1894 гг. он сотрудничал в «Петербургской газете», где печатал короткие рассказы из столичного, сельского и провинциального быта, с 1894 г. стал сотрудником журнала «Русское Богатство» (в 1914–1917 гг. журнал выходил под названием «Русские записки»), редактором которого в то время был В. Г. Короленко. Здесь был напечатан очерк Крюкова «На тихом Дону (Летние впечатления и заметки)» (1898. № 8–10). В 1907 г. в вышел первый сборник его рассказов и повестей «Казацкие мотивы». В 1909 г. Крюков был избран товарищем-соиздателем «Русского богатства», где продолжал помещать свои публицистические материалы и рецензии, сотрудничая также с газетами «Русские ведомости» (1910–1917) и «Речь» (1911–1915).

В 1914 г. Крюков совершил поездку на южный театр военных действий через Баку, Тифлис, Джульфу и Хой; впечатления от этого путешествия отражены в его письмах с фронта, рассказах и очерках («В глубоком тылу», «С южной стороны», «В Азербайджане»). В декабре 1914 г. Крюков находился на Турецком фронте в качестве помощника думского уполномоченного при 3-м санитарном отряде Красного Креста имени Государственной думы, принимал участие в спасении раненых (см. его очерки «За Карсом» и «Около войны»). К этому времени относятся его рассказы «Четверо», «Мамет-оглы», «Ратник», «Душа одна». В ноябре 1915 — феврале 1916 г. с тем же санитарным отрядом в должности контролера Крюков побывал на Галицийском фронте (см. очерки «У боевой линии» и «В сфере военной обыденности»). Прифронтовой госпиталь в Звиняче он изобразил в повести «Группа Б.». В очерках Крюкова «В сугробах» и «Мельком. Современные тыловые впечатления» рассказано о спекуляции продуктами, охватившей деревню. События Февральской революции в Петрограде нашли отражение в его очерке «Обвал».

В марте 1917 г. Крюков был включен во Временный совет Союза казачьих войск от войска Донского, в апреле выдвинут от Глазуновской станицы на войсковой съезд в Новочеркасске. В июле 1917 г. он окончательно покинул Петроград и поселился в родной станице, где продолжил работу над романом из казачьей жизни, начатым еще в 1912 г. В конце войны Крюков состоял выборным Глазуновского станичного сбора, председателем местного общества потребителей. Был включен в казачий список кандидатов на выборах в Учредительное собрание, но не прошел по нему. Выступив в июне 1918 г. на стороне восставших против советской власти казаков, в первом бою Крюков получил контузию.

Рядом исследователей Крюков признан подлинным автором вышедшего под именем М. А. Шолохова романа «Тихий Дон» — или, во всяком случае, автором рукописей, впоследствии обработанных Шолоховым (см. работы И. Н. Медведевой-Томашевской, А. И. Солженицына, З. Бар-Селла, А. Ю. Чернова и др.). Общего признания эта точка зрения не получила.

Четверо

Впервые: Русские записки. 1915. № 5. Печатается по: Крюков Ф. Д. Рассказы. Публицистика. М., 1990. С. 449–469.

События, описанные Крюковым, относятся к Саракамышской операции конца 1914 — начала 1915 г.

¹ *Дышло* — одиночная оглобля в конской упряжи, не использующей дуги.

² *Молоканин* — последователь одного из распространенных в России христианских течений. Молокане не признают священников, икон и креста, не почитают святых, не совершают крестного знамения, не употребляют в пищу свинину и спиртные напитки. В конце XIX в. обширные поселения молокан были расположены в Закавказье, в том числе в Карсской области, впоследствии отошедшей к Турции.

³ *Чувалы* — здесь: мешки.

⁴ *Выростковая юфта* — мягкая и эластичная кожа, выделанная из шкур телят.

⁵ *Спутанная лошадь* — лошадь, ноги которой связаны так, чтобы она могла пастись, но не убежать.

⁶ *Лотошить* — здесь: делать что-либо суетливо, бестолково.

⁷ *Процесс Бейлиса* — судебный процесс против Менахема Менделя Бейлиса по обвинению в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика 12 марта 1911 г. Процесс, инициированный активистами черносотенных организаций, имел широкий общественный резонанс. Бейлис был оправдан.

⁸ *Гребло* — грабли (болг., юж.-слав.).

⁹ *Начетчик* — здесь: много читавший человек.

¹⁰ *Помороз* — здесь: обморожение.

¹¹ *Житный* — хлебный.

¹² *Кура* — здесь: вьюга, метель.

¹³ *Барак* — здесь: овраг.

¹⁴ *Лядащий* — плохой, слабый, невзрачный.

¹⁵ *Башлык* — отдельный остроконечный капюшон, как правило, суконный.

¹⁶ *Джурапки* — теплые шерстяные носки, распространенные на Кавказе.

¹⁷ *Поджигки* — растопка.

¹⁸ *Наклески* — верхний брус решетчатого борта арбы.

¹⁹ *Кулеш* — суп из крупы (обычно пшеница) и других ингредиентов, например мяса или сала.

²⁰ *Дрючок* — толстая палка или жердь.

²¹ *Редиф* — резервный состав в армии Османской империи, в него переводят после восьми лет службы в регулярной армии.

²² *Ясыр* — пленник (турецк.).

²³ *Башам... агрыюр...* — искаженное «Баш'ым аар'ыёр» — «У меня болит голова» (турецк.).

²⁴ *Прокозыряет* — проиграет в карты.

²⁵ *Корец* — ковш (форма созвездий Большой и Малой медведицы).

Душа одна

Впервые: Русские записки. 1915. № 12, под заглавием: «Силуэты. II. Душа одна». Печатается по: *Крюков Ф. Д.* Рассказы. Публицистика. М., 1990. С. 470–480.

¹ *Эпиграф* взят из стихотворения Н. А. Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855–1856).

² *Куга* — среднерусское и южное болотное растение, гибкие стебли которого применялись для разнообразного плетения. Здесь: не твердый человек.

³ *Скутляшится* — устанет (от донского «скутляшить» — «сковырнуть»).

⁴ *Поваканило* — здесь: повезло.

⁵ *...ходили за Карпаты, в Венгрию...* — Речь идет о событиях Галицийской битвы в августе 1914 г.

⁶ *20-й полк* — Галицийский 20-й пехотный полк в составе 9-го армейского корпуса Юго-Западного фронта.

⁷ *Шибаревая* — здесь: смелая, непоседливая.

⁸ *Поддонит* — здесь: незаметно стащит.

⁹ *Усть-Медведица* — станица Усть-Медведицкая, расположенная в 200 км на северо-запад от Царицына; административный центр Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского.

¹⁰ *Кумлыга* — железнодорожная станция в 150 км к северу от станицы Усть-Медведицкой.

¹¹ *23 ноября...* — В ноябре 1914 г. в Польше шла Лодзинская операция, а на Юго-Западном фронте (место службы Пашутки) было затишье и позиционная война.

¹² *...на касцию...* — искаж.: на кассу.

¹³ *Зыбнуть* — здесь: стать нетвердым, зыбким.

¹⁴ *Оралка* — плуг или соха.

¹⁵ *Поддоска* — часть каркаса телеги.

¹⁶ *Юфть* — выделанная кожа для верха обуви.

¹⁷ *Подошва* — толстая жесткая кожа, употребляемая на подошву.

¹⁸ *Чирики* — то же, что черевички. В XIX — начале XX в. — женские невысокие кожаные сапожки на каблуках.

¹⁹ *...сбросили наших с Карпат...* — Имеется в виду Карпатская операция в январе-апреле 1915 г. Плохо организованная и обеспеченная, она закончилась неудачей, большими потерями и ослабила весь Русский фронт.

²⁰ *Щерба* — рыбный суп их трех последовательно сваренных сортов рыб с добавлением овощей и крупы.

²¹ *Замостье* — городок в Польше.

²² *Тархан* — здесь: мелкий разъездной торговец.

²³ *Грубешов* — польский городок в 40 км на восток от Замостья.

Максим Горький

О Максиме Горьком см. выше, с. 721–723.

Герой

Впервые: Беседа. 1923. № 2, июль-август. Написано предположительно в 1915 г. Печатается по: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. М., 1973. Т. 17. С. 176–179.

¹ «Новое время» — газета, издававшаяся в Петербурге с 1868 по 1917 г., в 1912–1917 гг. — товариществом А. С. Суворина «Новое время». В выпуске от 14 июня 1915 г. заметки, приведенной Горьким, нет.

² *Перископ* — оптический прибор для наблюдения из укрытия.

1916 год

Осип Эмильевич Мандельштам

Об О. Э. Мандельштаме см. выше, с. 694–695.

Зверинец

Впервые: Новая жизнь. 1917. 18 июня. Написано 11 января 1916 г. Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 132–133 (Новая библиотека поэта).

Миротворческий пафос стихотворения резко контрастировал с воинственно-патриотическим духом, преобладавшим в поэзии во время Первой мировой войны.

¹ *Козлиным голосом...* — «Козлиная песнь» — буквальный перевод греческого слова «трагедия».

² *Германец выкормил орла ~ Из петушиного хохла.* — Орел, лев и петух — геральдические звери в гербах Германии, Англии и Франции. Геральдическая семантика, характерная для поэзии XVIII в., корреспондирует жанровому определению «ода» (см. выше, с. 695), возможно, возникшему под впечатлением чтения Г. Р. Державина, столетие которого отмечалось в 1916 г.

³ *Медведь* — эмблематическое обозначение России.

⁴ *Италия, тебе не лень ~ Перелетев через плетень?* — Мандельштам имеет в виду запоздалое (в мае 1915 г.) выступление Италии на стороне Антанты.

«Собирались эллины войною...»

Впервые: Вечерняя звезда. 1918. 16 февр. (с датой «1916»). Печатается по: *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1997. С. 136 (Новая библиотека поэта).

Написано в декабре 1916 г. в связи с высадкой англо-французских войск в Пирее (портовый город недалеко от Афин) и обстрелом Акрополя 18 ноября 1916 г. Другое событие, о котором идет речь в стихотворении, — прибытие в Россию английских кораблей с заказанным русским правительством военным снаряжением. 2 января 1917 г. С. П. Каблуков, тесно общавшийся с Мандельштамом, записал в дневнике, что стихотворение отразило «его нелюбовь, недоверие и неуважение к Англии, которую он считает высокомерной, самоуверенной и мещански-самодовольной нацией-островитянской, по духу чуждой и враждебной Европе (континентальной)» (цит. по: *Мандельштам О. Э.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 477; коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера).

¹ *Саламин* — остров, за владение которым в конце VII — первой половине VI в. до н. э. в течение нескольких десятилетий шла борьба между Афинами и Мегарами; борьба завершилась включением острова в состав Афинского государства.

Зинаида Николаевна Гиппиус

О З. Н. Гиппиус см. выше, с. 684–685.

Без оправданья

Впервые: *Гиппиус З. Н.* Последние стихи. 1914–1918. Пб., 1918 (с посвящением: «М. Г<орько>му» — М. Горькому и датой: 1915). Написано в 1916 г. Печатается по: *Гиппиус З. Н.* Стихотворения. СПб., 1999. С. 214 (Новая библиотека поэта).

Анна Андреевна Ахматова

Об А. А. Ахматовой см. выше, с. 668–669.

Памяти 19 июля 1914

Впервые: Во имя свободы. Пг., 1917. 25 мая (однодневная газета деятелей искусства). Написано 18 июля 1916 г. Печатается по: *Ахматова А. А.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 269.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России.

Борис Алексеевич Верхоустинский
(1888–1919)

Как участник анархистской группы «Черный террор» Б. А. Верхоустинский в 1907–1908 гг. отбывал заключение в петербургской тюрьме «Кресты», где познакомился с С. М. Городецким (см. о нем наст. изд., с. 718–719). Поэмы Верхоустинского «Спас» и «Анастасия» (1910–1911), написанные под впечатлением фольклора, духовных стихов и старообрядческих книг, вызвали восторженную оценку Городецкого. В 1910–1914 гг. Верхоустинский печатал стихи и прозу в периодических изданиях, в 1912-м опубликовал свой первый сборник рассказов, в 1913-м — два сборника сказок и рассказов для детей. Он держался в стороне от литературной среды, и особенно — от богемы, по долгу жил в провинции. Впечатления от провинциального и деревенского, далекого от культуры мира переданы в рассказах сборника «Во лесах» (1914). В 1914–1916 гг. вышли во многом автобиографические романы Верхоустинского «Перед бурей» и «Маленькая буря». В 1915 г. он стал участником группы «крестьянских» поэтов «Краса».

Впечатленный идеями сектантской эсхатологии, Верхоустинский воспринял Первую мировую войну как начало свершения апокалиптических пророчеств. В его поэзии прозвучала тема спасения Руси, обретаемого через гибель. В 1915–1917 гг. он печатал в журналах «Лукоморье» и «1914 год» рассказы и очерки, в которых шовинистические настроения сочетались с предчувствием катастрофы. Произведения военного времени вышли и отдельными сборниками «Утренняя звезда», 1915; «Рассказы», 1917).

Верхоустинский был мобилизован весной 1916 г., служил в саперных частях, получил отравление газами. После революции продолжал писать, работал в газетах, одно время был хранителем дворцов в Ораниенбауме. Умер от тифа.

«Свищут пули. Вой шрапнели...»

Впервые: 1914 год. Петроград. 1916. № 13–14, 1 дек. Печатается по этому изданию.

Клементий Бутковский
(1894–1920)

Клементий Бутковский (наст. имя и фамилия — Вениамин Симович Бабаджан) — поэт, художник, искусствовед. В 1913 г. поступил на юридический факультет Новороссийского университета, но летом 1914 г. был призван и отправлен на фронт. До весны 1918 г. служил в действующей армии при полевом лазарете и ведал хозяйственными делами. Стихи, написанные на фронте, Бабаджан опубликовал в издательстве «Омфалос», которое стало одним из самых деятельных одесских издательств в период Гражданской войны. Сборник назывался «Кавалерийские победы», был напечатан под псевдонимом Клементий Бутковский (ошибочно приписывался Ю. Г. Оксману) и вышел в свет в 1916 г. (на титульном листе значится 1917 г.). В кружке, который группировался вокруг издательства, избравшего пародийное название («омфалос» означает на древнегреческом «пуп»), ценились иронические стихи и пародии. В «Омфалосе» были опубликованы еще два сборника стихов

Бабаджана «Всадник» (1917) и «Зоя» (1919) и его книги о Врубеле и Сезанне (1918). В конце 1919 г. Бабаджан ушел в Добровольческую армию, в конце 1920 г. был расстрелян в числе других офицеров.

«Ох, надоело сидеть мне в мокром и грязном окопе...»

Впервые: *Бутковский К.* Кавалерийские победы: Стихи. Пг., 1917. С. 20, с датой под текстом: «916». Печатается по этому изданию.

Стихотворение, написанное гекзаметром, пародирует эпическую поэзию.

Сергей Митрофанович Городецкий

О С. М. Городецком см. выше, с. 718–719.

Армения

Впервые: *Армянский вестник.* 1916. № 14, под заглавием: «Армении». Написано 13 апреля 1916 г. Печатается по: *Городецкий С.* Стихотворения и поэмы. Л., 1974. С. 317 (Библиотека поэта. Большая сер.).

В 1915–1916 гг. на территории Османской империи происходили массовая депортация и убийства армянского населения. Геноцид армян начался 24 апреля 1915 г. В результате военных действий на Кавказском фронте к лету 1916 г. русскими войсками была взята под контроль большая часть Западной Армении, с XVI в. входившей в состав Османской империи. Приехав весной 1916 г. в Тифлис в качестве корреспондента газеты «Русское слово», Городецкий, хлопотавший об отправке его на фронт, познакомился с выдающимся армянским поэтом Ованесом Туманяном (1869–1923), который принимал участие в организации поездки добровольцев в город Ван для помощи беженцам. Городецкий описал их знакомство:

«— Я еду в Ван. Я — поэт Сергей Городецкий. <...>

— Мы знаем Вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От Союза городов? Что собираетесь там делать?

— Не знаю.

— Собирайте и спасайте детей. Они там бродят. Живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют».

Общение продолжилось тем же вечером. Туманян говорил Городецкому:

«— Бывает, что человек только в трудном пути находит верную дорогу. Вы — поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении. Напишите про нее.

— Я хочу, но я ничего не знаю.

— Вы — поэт. Поэзия — это и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, — это и будет поэзия. <...>

Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный: мой путь стал мне ясен.

(*Городецкий С.* Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984. С. 138–139.)

Через несколько дней, 13 апреля, Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армении». Оно стало затем вступлением к вышедшему в 1918 г.

в Тифлисе сборнику «Ангел Армении», который автор посвятил Туманяну и преподнес с дарственной надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя — это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной» (Там же. С. 140).

Велимир Хлебников

О Велимире Хлебникове см. выше, с. 686–687.

«Как! и я, верх неги...»

Впервые: Временник I. М., 1917, под заглавием: «Печальная новость. 8 апреля 1916». Вошло в цикл «Война в мышеловке» (см. о нем выше, с. 746). Печатается по: *Хлебников Велимир. Собр. соч.: В 6 т. М., 2000. Т. 3. С. 176–177.*

Дата, вынесенная в заглавие первой публикации, — время призыва Хлебникова на военную службу, этому событию и посвящено стихотворение.

¹ *Отбивая в сутки 365×317 ударов — ровно.* — Строка связана с поиском Хлебниковым «законов времени». Ср. в статье «Наша основа» (1919): «Пехотинец германской пехоты по военному уставу должен делать 81 или 80 шагов в минуту. Следовательно, в сутки он сделает 365×317 шагов, т. е. столько шагов, сколько суток содержится в 317 годах — времени одного удара струны человечества» (Там же. Т. 6, кн. 1. С. 176–177).

² *И забуду о милом государстве 22-летних...* — Ср. в манифесте «Труба марсиан» (1916): «Право мировых союзов по возрасту. Развод возрастов, право отдельного бытия и делания <...> Государство молодежи, ставь крылатые паруса времени...» (Там же. С. 249–250). Здесь также аллюзия на поэму Маяковского «Облако в штанах» (1915): «Иду — красивый, двадцатидвухлетний».

³ *Ныне в плену я у старцев злобных...* — Имеется в виду военная служба.

⁴ *А не Король государства времен...* — Ср. в дневниковых записях: «19 декабря <1915>. Основание Государства Времени <...> 31 декабря <1915>. Осип Брик провозгласил тост за короля времени В. Хлебникова» (Там же. Т. 6, кн. 2. С. 230).

⁵ *...только «ик» / И упавшее «о»...* — Хлебников описывает превращение слова «король» в слово «кролик».

«Девы и юноши, вспомните...»

Впервые: Пета. М., 1916. Вошло в цикл «Война в мышеловке» (см. о нем выше, с. 746). Печатается по: *Хлебников Велимир. Собр. соч.: В 6 т. М., 2000. Т. 3. С. 181–182.*

¹ *Если встал он, / Принесет ему череп Эс...* — То есть из слова «он» получится «сон».

² *Иль позовите с острова Фиджи ~ Как должно есть человечью руку.* — Острова Фиджи — скопление вулканических и коралловых островов — расположены в юго-западной части Тихого океана. Название «Фиджи» впервые внес на карты Джеймс Кук, который в 1779 г. был убит жителями Гавайских

островов. Согласно одной из версий его гибели (которой следует, в частности, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), его останки были съедены туземцами.

³ *...к Войне Великаньше, что волосы чешет свои от трупья.* — Ср. в поэме «Вы, привыкшие видеть жизнь...» (1922): «Трупьями косы текли ведьмы пышной и белой».

⁴ «*Майна*» — команда «Опускай!».

⁵ *Дроги* — грузовая телега без кузова.

⁶ *Америго Веспуччи* (ок. 1451–1512) — испанский мореплаватель, участник нескольких экспедиций к берегам Нового Света.

⁷ *Кортец Фернандо* (1485–1547) — завоеватель Мексики. Ср. в письме Хлебникова к родным из Персии, куда он отправился вместе с частями Красной армии на помощь Гилянской республике в 1921 г.: «...общество — искатели приключений, авантюристы шаек Америго Веспуччи и Фердинанда Кортеца» (Там же. Т. 6, кн. 2. С. 209).

Иван Алексеевич Бунин

Об И. А. Бунине см. выше, с. 732–733.

Старуха

Впервые: Русское слово. 1916. 25 дек., под общим заглавием «Три рассказа» вместе с написанными около того же времени рассказами «Пост» и «Третьи петухи». Печатается по: *Бунин И. А. Собр. соч.*: В 9 т. М., 1966. Т. 4. С. 412–415.

Рассказ был первоначально озаглавлен «Святки». 9 декабря 1916 г. Н. А. Пушешников отметил в дневнике: «Иван Алексеевич пишет маленький рассказ про старуху» (*Бабореко А. И. А. Бунин: Материалы к биографии.* М., 1983. С. 240).

¹ *...тускло блестела картина — зеленоватый кружок луны в облаках, дремучий литовский лес, тройка лошадей, сани, из которых розовыми лучами палили охотники, и кувыркающиеся за санями волки...* — Не вполне точное описание многократно растиражированной картины Н. Е. Сверчкова «Охота на волков с саней» (1860).

² *...греки (народ вообще мирный, с утра до вечера соборно участвовавший в театральных трагедиях и совершавший жертвоприношения, а в свободные часы вопрошавший оракула) наголову разбили однажды войско персидского царя при помощи богини Афины-Паллады...* — Речь идет о Марафонской битве (12 сентября 490 г. до н. э.), одном из крупнейших сражений греко-персидских войн, в котором греки под руководством Мильтиада нанесли поражение персидской армии. Известны изображения Мильтиада рядом с Афиной Палладой — богиней войны, покровительницей его полиса. Сообщение о ежедневном соборном участии греков в трагедиях — пародийный пересказ трудов Вяч. Иванова, посвященных дионисийству («Эллинская религия страдающего бога» (1904), «Религия Диониса» (1905)). Характерный для Иванова пафос соборности делает узнаваемым адресата пародии.

³ *Ханжа* — китайская хлебная водка желтого цвета, ханшин.

⁴ ...били друг друга по раскрашенным физиономиям молодые люди, притворявшиеся футуристами... — Во время публичных выступлений футуристы, стремясь эпатировать публику, появлялись с раскрашенными лицами. В 1914 г. в газете «Новь» была помещены фотографии Давида Бурлюка с разрисованным лицом и Маяковского; публикация фотографии сопровождалась следующей подписью: «“Пророки” футуризма в “готовом” к выступлению виде: Маяковский кричит о своем презрении к “толпе”. Бурлюк “выявляет” свое отношение более мирным способом». Воспроизведение фотографии и подписи см.: Литературное наследство. М., 1932. Т. 2. С. 119.

⁵ ...лакей, певший свои стихи о лифтах, графинях, автомобилях и ананасах... — лидер эгофутуристов Игорь-Северянин (см. о нем выше, с. 670–672). Ср., например, такие его стихотворения как «Увертюра» (1915) или «На премьер» (1911):

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! Весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!
Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолет буеров!
Кто-то здесь зацелован! Там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!
В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезефарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!
(«Увертюра»)

Овеев желание грезовым парусом,
Сверкая устовым колье,
Графиня ударила веером страусовым
Опешенного шевалье.
Оркестромелодия реяла розово
Над белобархатом фойе.
Графиня с грацией стрекозовой
Кусала шеколад-кайе.
Сновала рассеянно блестящая публика
Из декольтэ и фрачных фалд.
А завтра в рецензии светскою рубрикой
Отметится шикарный гвалт.
(«На премьер»)

⁶ ...в одном театре лез куда-то вверх по картонным гранитам некто с совершенно голым черепом, настойчиво у кого-то требовавший отворить ему какие-то врата... — Имеется в виду постановка пьесы Леонида Андреева «Анатема» в Московском Художественном театре с В. И. Качаловым в главной роли. Пьеса во время войны не шла: премьера состоялась 2 октября 1909 г., а 9 января 1910 г. представления были запрещены специальным циркуляром П. А. Столыпина.

⁷ ...великий мастер притворяться старинными русскими князьями... — Ф. И. Шаляпин (1873–1938), исполнявший партии князя Владимира в опере А. Н. Серова «Рогнеда» (1896), Ивана Грозного в опере Я. А. Римского-Корсакова «Псковитянка» (1896), царя Бориса в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов» (1898).

⁸ ...старик и старуха, больные тучностью, кричали и топали друг на друга ногами, притворяясь давным-давно умершими замоскворецкими купцами и купчихами... — По-видимому, Бунин говорит о постановках пьес А. Н. Островского, возможно, в Александринском театре.

Тэффи

О Тэффи см. выше, с. 747.

Явдоха

Первую публикацию установить не удалось. Вошло в сб. «Неживой зверь» (1916). Печатается по: *Тэффи*. Проза. Стихи. Пьесы. Воспоминания. Статьи. СПб., 1999. С. 191–194.

¹ *Нюренберг Арон Давидович (?–1917)* — врач, друг Тэффи и А. М. Ремизова (Нюренберг был прототипом Доктора — одного из героев его повести «Корявка» (1922)). 20 ноября 1914 г. Александр Блок записал: «Л. Е. Габрилович, заступаясь за честь женщины, выстрелил в доктора Нюренберга и арестован» (*Блок А. Записные книжки: 1901–1920*. М., 1965. С. 248). О Нюренберге см.: *Тэффи*. Доктор Нюренберг // *Русская воля*. 1917. № 52, 8 апр. С. 3; *Ремизов А. М. Из «временника»: Доктор Нюренберг* // *Почта вечерняя*. 1918. № 8, 18 марта. С. 4.

² *Пунька* — хлев.

³ ...на Божье нарожденье... — на Рождество.

Фёдор Дмитриевич Крюков

О Ф. Крюкове см. выше, с. 766–767.

Группа Б (Силуэты)

Впервые: *Русские записки*. 1916. № 11. С. 52–85; № 12. С. 151–182. Печатается по этому изданию.

¹ *Карафашка* — легкая повозка.

² *Шаритка* — Так называли монахинь Ордена Сестер Милосердия Св. Викентия де Поля (от фр. *charité* — милосердие).

³ *Жолнежи* — солдаты (*польск.*).

⁴ *Кожух* — верхняя одежда.

⁵ *А там... приподняв... за-на-вес-ку...* — строчка из гимна полка «Черных гусар».

⁶ *Мухобой* — то же, что повеса.

⁷ *Фольварк* — небольшая усадьба.

⁸ *Зауряд-врач* — лицо, имеющее свидетельство, которое дает право занимать должность врача и выполнять соответствующие обязанности, но не имеющее диплома о законченном высшем образовании.

⁹ *Шкалик* — здесь: малец.

¹⁰ *Интендант* — офицер, ведающий делами хозяйственного снабжения и войскового хозяйства.

¹¹ *Войт* — выборный староста, старшина в сельском округе.

¹² *Журавец* — элемент каркаса церковного купола.

¹³ *Серые герои* — названы так по цвету шинели нижних чинов царской армии.

¹⁴ *Чи видержимо? Усе зруйновано.* — Или выдержит? Все разрушено (укр.).

¹⁵ *Эмеритура* — в дореволюционной России специальная пенсия уволенным в отставку государственным служащим, пособие вдовам, сиротам из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений из жалованья государственных служащих.

¹⁶ *Соловей, соловей, пта-шеч-ка <...> Канареечка жалобно поет...* — строевая солдатская песня.

¹⁷ *Перемога* — победа (укр.).

¹⁸ *Межник* — межа.

¹⁹ *Пароль донёр* — слово чести (искаж. фр.).

²⁰ *Добже* — хорошо (польск.).

²¹ *Пани, цо значе «кóхамъ»?* — Пани, что значит «любовь»? (польск.).

²² *Авек мон плезир!* — С удовольствием! (искаж. фр.).

Леонид Николаевич Андреев

О Л. Н. Андрееве см. выше, с. 756–758.

Иго войны. Признания маленького человека о великих днях

Впервые: Метель: Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Пг., 1916. Кн. 25. Печатается по: Андреев Л. Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1994. Т. 6. С. 7–85.

¹ *«Копейка»* — ежедневная бульварная газета, издавалась в 1908–1918 гг.

² *...обо всех этих несчастных бельгийцах...* — 3 августа 1914 г. германская армия, нарушив нейтралитет Бельгии, пересекла государственную границу страны, большая часть ее территории была оккупирована.

³ *Шувалово* — поселок под Петроградом.

⁴ *...бегство «в Египет»...* — метафора, отсылающая к евангельскому эпизоду бегства в Египет Святого семейства, спасавшегося от избиения младенцев, начатого по указанию царя Ирода.

⁵ *Кайзер* — германский титул монарха, здесь: император Вильгельм II.

⁶ *Бурбон* — здесь: дикарь.

⁷ *Мне сорок пять лет и, следовательно, что бы там ни случилось, я ни в каком случае призыву не подлежу.* — В период Первой мировой войны мужчины до 40 лет, отслужившие срок действительной службы, зачислялись в ополчение. В 1916 г. был проведён призыв старшей возрастной категории; люди, которые считали себя не подлежащими мобилизации, восприняли её крайне болезненно.

⁸ *...География с бантом...* — Кавалеры ордена Св. Георгия 4-й степени за выслугу лет, отличившиеся в бою и достойные награждения крестом 4-й степени, имели право добавить к уже полученному ранее Знаку ордена бант

из Георгиевской ленты, свидетельствующий о том, что носящий его отмечен дважды: за выслугу лет и воинский подвиг.

⁹ *Малахов курган* — прославлен героической обороной русскими войсками во время Крымской войны в 1854–1855 гг.

¹⁰ *Метерлинк Морис Полидор Мари Бернар (1862–1949)* — писатель бельгийского происхождения, живший во Франции с 1896 г. После оккупации Бельгии в 1914 г. Метерлинк выразил желание вступить в Французский иностранный легион. Читал лекции о германской оккупации и героических сражениях бельгийцев. Существовал газетный миф о том, что Метерлинк, вступив в ряды армии, воевал и даже был ранен. Сюжет этот лег в основу пьесы Андреева «Король, закон и свобода» (1914).

¹¹ *...где-то в Пруссии, где так ужасно были разбиты Самсоновские корпуса.* — Имеется в виду битва при Танненберге 26–30 августа 1914 г. Самсоновские корпуса названы так по фамилии генерала А. В. Самсонова, командовавшего 2-й (Наревской) армией.

¹² *Текут трамваи...* — Трамваи ходили по Невскому проспекту с 1907 по 1952 г.

¹³ *Тевтоны* — здесь: немцы.

¹⁴ *...«Ярослав горит» или «Сандомир в огне»...* — Ярослав и Сандомир — города в Польше.

¹⁵ *...немцы осаждают Антверпен.* — Осада Антверпена германскими войсками началась 20 сентября 1914 г. Город пал 10 октября 1914 г.

¹⁶ *Цеппелины* — дирижабли жесткой конструкции, выпускавшиеся немецкой фирмой «Люфтшиффбау Цеппелин ГмбХ».

¹⁷ *...приколот ли у него значок?* — Имеются в виду значки, выдававшиеся сборщиками пожертвований для того, чтобы не просить у одного и того же человека дважды.

¹⁸ *Камо бегу от духа твоего?* — Неточная цитата из Псалтыри (138: 7).

¹⁹ *...по поводу возможного выступления Турции...* — Имея уже подписанный 2 августа 1914 г. договор о военном сотрудничестве с Германией, Турция еще некоторое время сохраняла нейтралитет.

²⁰ *В городе ходят ужасные слухи, что Варшава взята немцами.* — В действительности немцы были остановлены в пригородах Вашавы.

²¹ *...индусы бросаются под колесницу Джагернаута, своего злого бога.* — Речь идет об индуистском ритуале Ратха-ятры, в ходе которого толпы людей тащат колесницу с изображением мурти Джаганнатхи (одно из воплощений Кришны). Считалось, что смерть под колесами этой огромной колесницы гарантирует человеку выход из бесконечного круговорота перерождений. Определение Кришны как злого бога неверно.

²² *...рыжих подбирают для какого-то полка или гвардии.* — При наборе в гвардейские части все полки имели свои предпочтительные «типажи»; рыжих и бородатых обыкновенно определяли в лейб-гвардии Московский полк.

²³ *Вольноопределяющийся* — человек со средним или высшим образованием, отбывающий воинскую повинность добровольно и на льготных условиях.

²⁴ *...в кофейню Филиппова.* — Филипповы — основатели знаменитого хлебопекарного производства; заведения, принадлежавшие их предприятию, имелись и в Петрограде.

²⁵ *Крепость Перемышль* — на юго-востоке Польши.

²⁶ *Жандарм Мясоедов Россию за 30 серебряников продал.* — Вероятно, имеется в виду полковник С. Н. Мясоедов, 20 марта 1915 г. повешенный по ложному обвинению в шпионаже.

²⁷ *...как если бы среди всеобщей трезвости я ханжи нализался.* — Речь идет о запрете на употребление спиртных напитков во время Первой мировой войны. Ханжа — китайская водка или суррогатный спиртной напиток.

²⁸ *«Сатирикон»* — сатирический журнал, издавался в 1908–1914 гг. Возможно, имеется в виду *«Новый сатирикон»*, издававшийся в 1913–1918 гг.

²⁹ *Самсон* — библейский герой, отличавшийся необыкновенной силой и прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами.

³⁰ *Жоффри Жозеф Жак Сезер* (1852–1931) — главнокомандующий французской армией в 1914–1916 гг.

Фёдор Августович Степун (1884–1965)

Ф. А. Степун, молодой, но уже довольно известный философ из круга журнала «Логос», был мобилизован в августе 1914 г. и воевал вплоть до Февральской революции, когда, неожиданно для себя, принял участие в работе Временного правительства, став начальником политического управления при Б. В. Савинкове, в ту пору товарище военного министра. Этнический немец, воспитанник Гейдельбергского и Фрейбургского университетов, билингв, в совершенстве владеющий русским и немецким языками, Степун воевал за Россию и всю жизнь считал себя русским. Обстоятельно и пространно о Первой мировой войне он писал дважды. Первый раз еще будучи на фронте — в эпистолярном романе «Из писем артиллериста-прапорщика», созданном им на основе собственной военной корреспонденции. Второй — гораздо позже в эмиграции, в мемуарах «Бывшее и несбывшееся», где вспоминал о своем первом литературном опыте так: «...живущий ныне во мне образ войны далеко не во всем совпадает с теми ее зарисовками, что были мною в свое время даны в письмах с фронта. Перечитывая эти письма, изданные по настоянию М. О. Гершензона, я удивляюсь, сколько в них горечи и гнева...» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 278). Первая часть романа «Из писем артиллериста-прапорщика» (письма за 1914–1915 гг.) появилась с цензурными купюрами в журнале «Северные записки» в 1916 г. (№ 6–9, 11–12). Позже Степун восстановил опущенные места, добавил письма за 1916 и 1917 гг., изменил заглавие на «Из писем прапорщика-артиллериста» и в таком виде опубликовал роман в одной книге с сочинением Б. В. Савинкова «Из действующей армии (лето 1917 г.)» в 1918 г. в издательстве «Задруга». Выход книги не остался незамеченным: о ней писали Ю. Айхенвальд, А. Бем, Б. Грифцов, И. Эренбург и другие; переиздания в эмиграции вызвали новые отклики, например, Б. Зайцева и С. Эфрона. Л. Гроссман настолько высоко оценил литературный дебют Степуна, что назвал произведение одной из «самых замечательных книг в огромной литературе, порожденной истекшей войной <...> Живая непосредственность человеческого документа здесь сочетается с глубоко философским подходом к трагизму военных фактов. <...> В прежние времена Федор Степун мог бы стать лауреатом Нобелевской премии» (цит. по.: Литературная жизнь

России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. М., 2005. Т. 1. Ч. 1. С. 171).

Эпистолярная форма романа была очень «своевременна». Во время Первой мировой войны на первый план вышли документальная проза и публицистика, так как более других литературных жанров отвечали потребности публики знать происходящее на фронтах. Военными корреспондентами, писавшими очерки в самые разные периодические издания, были В. Я. Брюсов, Н. С. Гумилев, Б. В. Савинков, А. Н. Толстой, В. Муйжель, Ф. Крюков. Особую ценность приобрели свидетельства очевидцев и письма с фронта. В. В. Розанов в работе «Война 1914 года и русское возрождение» (1915) писал: «Как задыхающемуся нужно глотнуть воздуха, так вся Россия внутри себя жадно глотает каждую весточку с войны. Тут входит жажда слиться воедино с лучшими сынами своими... <...> Все умерло для нас, кроме их <воинов>, вся страна замерла и не хочет ничего, не ждет ничего, кроме “весточки оттуда”!..» (Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 178, 189).

Но роман «Из писем прапорщика-артиллериста» не только документален, он автобиографичен, что становится очевидным при сопоставлении с мемуарами «Бывшее и несбывшееся». Единственное, что изменяет Степун, — это некоторые имена: вместо Федора Августовича Степуна — Николай Федорович Лугин, имя командира батареи Дмитрия Ивановича Чаляпина заменено на Ивана Дмитриевича Халяпина, братья Владимир и Евгений Балашевские превратились в «братьев Г-их». Фамилия полковника Горева, первым отказавшегося подписывать телеграмму Родзянко (рассказ о встрече Нового 1917 г. в полной версии «Писем»), в романе была заменена на Счастьев. В остальном совпадение биографий Степуна и Лугина, насколько мы имеем представление о биографии последнего, поразительно; сохраняется все, вплоть до имени первой жены (упоминаемая в письмах «покойная Анечка»).

Таким образом, эпистолярный роман «Из писем артиллериста-прапорщика» находится на стыке двух тенденций в русской литературе периода Первой мировой войны: он, с одной стороны, является документальным свидетельством, написанным русским офицером — участником войны, а, с другой, представляет собой опыт осмысления хода истории путем эстетизации фрагмента собственной биографии.

Из писем артиллериста-прапорщика

Впервые: Северные записки. 1916. № 6. С. 150–170; № 7–8. С. 145–160; № 9. С. 9–23; № 11. С. 108–120; № 12. С. 1–13. Печатается по этому изданию с восстановлением цензурных купюр по изданию: *Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста // Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста; Ропшин В. Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918. С. 3–188.*

¹...за «бестактный» ответ и «развращающую армию» улыбку я был посажен после смотра на сутки под арест. — Это «темное место» полностью проясняется только обращением к мемуарам Степуна, в которых дано исчерпывающее объяснение «забавного инцидента, заслуживающего того, чтобы о нем рассказать поподробней, уж очень он был характерен для старой России» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 266). Дерзкие по армейским меркам ответы, которые давал Степун генералу Нищенкову

во время осмотра батареи, вызвали гнев генерала и «надменно-ироническую улыбку» на лице Степуна. Развязкой конфликта стал замечательный диалог:

— Чему вы улыбаетесь, прапорщик? — <...> повысил на меня голос генерал Нищенков.

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство, бессознательное трудно поддается анализу.

<...>

— Надеюсь, вы понимаете неуместность вашего ответа? — не без труда сдержал себя генерал. — Вы кто такой? Чем вы занимаетесь?

— Философией, ваше высокопревосходительство.

<...>

— На трое суток под строгий арест, — отчеканил он <...> и возмущенно повернул мне свою широкую спину.

(Там же. С. 268)

² *Бездарное и безвкусное переименование Петербурга Петра и Пушкина в шишковско-националистической Петроград.* — Степун имеет в виду, что переименование Петербурга в 1914 г. пришлось бы по душе адмиралу А. С. Шишкову (1754–1841), главе «Беседы любителей русского слова», министру просвещения, президенту Российской академии, филологу и лингвисту, резко выступавшему против употребления слов иноязычного происхождения. Именование Петербурга Петроградом встречается, однако, и у Пушкина — см. в «Медном всаднике»: «Над омраченным Петроградом / Дышал ноябрь осенним хладом».

³ *Немецкая армия безумно и бездарно расстреливает величайшее произведение искусства, собор в Реймсе...* — Потрясающий современников обстрел, разрушивший Реймский собор, произошел в сентябре 1914 г.

⁴ «Спаси, Господи, люди Твоя» — тропарь Кресту и молитва за Отечество.

⁵ *Казалось, что Кант был глубоко не прав. Живи он не в Кенигсберге, а в Сибири, он наверное понял бы, что пространство вовсе не феноменально, а насквозь онтологично. На Байкале он, вероятно, написал бы не трансцендентальную эстетику, а метафизику пространства.* — В «Трансцендентальной эстетике» Канта, которая составляет первую часть «Критики чистого разума», пространство и время трактуются как априорные формы созерцания, которые не выводятся из внешнего опыта. Об онтологии Кант писал: «Основоположения рассудка суть лишь принципы описания явлений, а гордое имя онтологии, притязающей на то, чтобы давать априорные синтетические знания о вещах вообще в виде систематического учения (например, принцип причинности), должно быть заменено скромным именем аналитики чистого рассудка» (Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 305).

⁶ «Epidemiespital», «Eintritt verboten» — «Инфекционное отделение», «Вход воспрещен» (нем.).

⁷ *Пулярда (пулярка)* — название блюда из специально откромленной птицы.

⁸ *...о четырех стадиях эротически музыкального у Кьеркегорда...* — Сёрен Кьеркегор (1813–1855) — датский философ, оказавший большое влияние на феноменологию XX века. Упоминаемые в письме идеи Кьеркегора изложены в его трактате «Или — или» (1843), в состав которого входило построенное на анализе музыки Моцарта эссе «Непосредственно-эротические стадии, или Музыкально-эротическое начало» (русский перевод см. в кн.: Миф о Дон Жуане. СПб., 2000. С. 281–366). Кьеркегор выделяет три стадии

непосредственно-эротического и считает, что первая из них «обозначена в роли пажа в “Фигаро”», вторую «демонстрирует Папагено в “Волшебной флейте”», а третья «обозначена “Дон Жуаном”» (Там же. С. 309, 313, 318).

⁹ *Микроцефал* — человек с ненормально маленькой головой.

¹⁰ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) — генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), прославившийся знаменитым «брусиловским прорывом», который описывает Степун.

¹¹ *Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич* (1859–1918) — болгарский генерал на русской службе, генерал от инфантерии (1914).

¹² *Фейерверкер* — унтер-офицер артиллерии.

¹³ *Триумфальная арка Константина* — арка, построенная императором Константином I Великим (272–337 гг. н. э.) в Риме в честь победы над Максенцием в 312 г. н. э.

¹⁴ *Фисгармония* — клавишный духовой музыкальный инструмент, по звуку напоминающий орган.

¹⁵ *...две руссинских женщины.* — Русины — название украинцев западно-украинских земель — Галиции (Галичины), Буковины, Закарпатской Украины, — имевшее наибольшее распространение во время их пребывания в составе Австро-Венгрии.

¹⁶ *...прапорщик второй батареи, парижско-московский художник М. Ты его должна знать по выставкам и «Свободной эстетике».* — По всей видимости, речь идет о художнике Николае Дмитриевиче Милиоти (1874–1962), одном из участников «Общества свободной эстетики» (1907–1917 гг.). В 1914 г. Милиоти был мобилизован, воевал в Галиции в чине прапорщика. Демобилизован в июне 1917 г. по решению Временного правительства.

¹⁷ *Резиньяция* — безропотное смирение, полная покорность судьбе.

¹⁸ *Новый год трансцендентален...* — В философии Канта трансцендентальными называются априорные формы познания, которые делают возможными опыт и организуют познание.

¹⁹ *Присяжный поверенный* — адвокат на государственной службе при окружном суде или судебной палате.

²⁰ *Семеша* — денщик Степуна Семен Путилов.

²¹ *...«каждый за все и за всех виноват»...* — См. роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 262.

²² *Паоло Учелло* (1397–1475) — итальянский живописец, представитель флорентийской школы кватроченто.

²³ *Тинторетто* (1518–1594) — итальянский живописец эпохи позднего Возрождения.

²⁴ *Труба Цейсса* — военный наблюдательный прибор, вспомогательное средство для производства стрельбы.

²⁵ *Мемуары «железного канцлера»* — мемуары первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка (1815–1898) «Мысли и воспоминания», которые содержат апологию жесткого политического стиля.

²⁶ *...славянофильской формуле Достоевского: «Быть русским — значит быть всечеловеком».* — См. знаменитую «Пушкинскую речь» (1880): *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 147.

²⁷ *...«Ночные часы» Блока <...> Стихи о России <...> стихи <...> о Мери...* — Четвертый сборник стихов А. А. Блока «Ночные часы» (М., 1911) включал

стихотворения, позднее вошедшие в цикл «Родина» («Россия», «Русь моя, жена моя...» и др.), и цикл из трех стихотворений «Мери».

²⁸ *Дистинкция* — различие.

²⁹ ...словно вышедших из пьесы Метерлинка в постановке Мейерхольда. — В. Э. Мейерхольд (1874–1940) неоднократно обращался к постановкам пьес бельгийского драматурга М. Метерлинка (1862–1949). В частности, как главный режиссер театра В. Ф. Комиссаржевской, Мейерхольд в 1907 г. поставил пьесу «Сестра Беатриса», действие которой разбивалось на ряд статичных сцен. От исполнителей режиссер требовал «крайней неподвижности, почти марионеточности» (Мейерхольд В. О театре. СПб., 1913. С. 30). По-видимому, такое же впечатление производили на Степуна силуэты австрийцев, увиденные в подзорную трубу.

³⁰ «И в небесах я вижу Бога» — заключительная строка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1831).

³¹ «Христианином нужно быть вовсе не для того ~ а потому что каждый человек должен умереть». — Цитата из XXVI главы романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (опубл. 1859)

³² «alles ist todt und wir sind todt» — «все умерло, и мы умерли» (нем.) — цитата из XLIV главы «Дворянского гнезда».

³³ ...златокудрый дионисист... — Имеется в виду Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), поэт-символист, эстетик, философ, автор работ о культуре Диониса («Эллинская религия страдающего бога» (1904), «Религия Диониса» (1905)).

³⁴ «Тристан» — опера Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда» (первая постановка — 1865 г.).

³⁵ Сергею Г-ну — Сергею Иосифовичу Гессену (1887–1950), философу, со-редактору журнала «Логос».

³⁶ Брюсов и А. Н. Толстой... — Писатели были военными корреспондентами газет «Биржевые ведомости» и «Русские ведомости».

³⁷ Федя Протасов — герой незавершенной драмы Л. Н. Толстого «Жвой труп» (1900, опубл. 1911).

³⁸ Андава — словацкая река Ондава.

³⁹ ...горы далекого Татра. — Татры, горный массив в Словакии.

⁴⁰ «В качалке бледен, недвижим, страдая раной, Карл явился...» — цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828).

⁴¹ ...«Логос», Мелис, Кронер... — Рихард Кронер (1884–1974) — немецкий философ. В 1910 году вместе с Г. Мелисом, Ф. А. Степуном и С. И. Гессеном основал международный философский журнал «Логос» и до 1933 г. был редактором его немецкого издания. См.: Кронер Р., Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф. О мессии. СПб., 2010.

⁴² Ласк Эмиль (1875–1915, Галиция) — немецкий философ, представитель неокантианства. Преподавал в Гейдельбергском университете, где учился Степун.

⁴³ «Пиковая дама» — опера П. И. Чайковского (1890) по одноименному произведению А. С. Пушкина.

⁴⁴ Ишиас — воспаление седалищного нерва.

1917 год

Владимир Владимирович Маяковский

О В. В. Маяковском см. выше, с. 698–700.

К ответу!

Впервые: Новая жизнь. 1917. № 96, 9 авг. Печатается по: *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 1. С. 143–144.

Стихотворение вызвало негативный отклик меньшевистской газеты «Единство»: «Если до сих пор только скучные прозаики победно боролись с “империализмом” Милюкова, французов и англичан, то теперь за это дело взялся в стихах футурист Маяковский» (Единство. 1917. 11 августа).

¹ *...чтоб кто-то где-то разжился Албанией.* — Речь идет о Балканских войнах 1912–1913 гг. за независимость стран Балканского полуострова от турок. Сербия, Греция, Болгария и Черногория хотели включить Албанию в состав своих государств.

² *...чтоб бесплатно Босфор проходили чьи-то суда.* — Кровавопролитная Дарданелльская операция 1915 г. была начата по инициативе У. Черчилля для захвата Константинополя и открытия морского пути в Россию. Завершилась она поражением Антанты.

³ *...чтоб кто-то к рукам прибрал Месопотамию.* — После вступления Османской империи в войну против Антанты под угрозой оказались стратегически важные для Англии месторождения нефти на Ближнем Востоке. Британское командование надеялось защитить их, а также захватить Месопотамию, поэтому в 1914–1918 гг. на территории Месопотамии шли бои между армиями Британии и Османской империи (Месопотамская кампания).

Борис Алексеевич Верхоустинский

О Б. А. Верхоустинском см. выше, с. 771.

Огненное крещение (Видения войны).

Отрывок из поэмы

Впервые: 1914 год. 1917. № 1, 5 янв. С. 15–18. Печатается по этому изданию.

¹ *Так шел на смерть впервые с саперами Стовер.* — Автобиографический мотив: в 1916 г. Верхоустинский участвовал в боевых действиях в составе саперных частей.

² *Когда б умело сердце по воздуху летать ~ Прикрыла бы от смерти его крылом, своим!* — Образ восходит к плачу Ярославны в «Слове о полку Игореве».

³ *Но воин в черных латах ждет крепкого вина...* — Распространенная в русской поэзии метафора «битва — пир» также восходит к «Слову о полку Игореве».

⁴ *Они земля и в землю их жизнь возвращена.* — Парафраз слов, сказанных Богом в момент изгнания из рая сотворенному из праха земного Адаму: «В поте лица своего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» (Быт 3: 19).

⁵ *Фольварк* — мыза, усадьба.

⁶ *Как Святогор, солдаты уже в земле стоят...* — Святогор — герой русского былинного эпоса, древний богатырь. Пытаясь поднять «суму переметную» с тягой земной, он ногами уходит в землю, которая не может его держать.

Исаак Эммануилович Бабель (1894–1940)

Литературный дебют Бабеля состоялся незадолго до войны — его первой публикацией стал рассказ «Старый Шлойме», в 1913 г. помещенный в киевском еженедельном иллюстрированном журнале «Огни». В 1914 г. Бабель — студент киевского коммерческого института. Окончив его, он в 1916 г. переезжает в Петроград, поступает на четвертый курс Бехтеревского психоневрологического университета, знакомится с Горьким и начинает печататься в журнале «Летопись» (рассказы «Мама, Римма, Алла», «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна»). В 1917 г. Бабель публикует рассказы «Вдохновение» (Журнал журналов. № 7), «В щелочку» (Журнал журналов. № 16), «Doudou» (Свободные мысли. 13 марта) и оказывается привлечён к суду по двум статьям сразу — за попытку ниспровергнуть существующий строй и за порнографию, но дело так и не получило ход в связи с наступлением Февральской революции.

Осенью 1917 г. Бабель отслужил несколько месяцев рядовым на румынском фронте и впоследствии дезертировал. Впечатления от участия в боях, дополненные мемуарами французских солдат, позднее стали материалом для создания цикла новелл «На поле чести» (Лава. 1920. № 1; цикл включает вольную обработку некоторых сюжетов из книги капитана французской армии Г. Видаля «Персонажи и анекдоты Великой войны», изданной в Париже в 1918 г.). «Эта “заявка на документальность, — пишет Лев Лившиц, — поддерживается и самим строем повествования, лишённого и тени патетики — даже патетики ужаса и страдания. Обвинительный акт империалистической войне, ненавистной не только потому, что она физически уничтожает людей, но и потому, что морально убивает человека, пробуждая в нем худшие инстинкты, оскверняя само понятие гуманности. Парадоксальны ее изломы — последний Дон Кихот, квакер Стон, гибнет из-за любви к лошадям, но что-то не видать Дон Кихотов, когда кругом гибнут люди... Для Бабеля ненавистна разрушительная стихия войны. Но здесь и намёка нет на возможность выхода из-под ее власти. Ужасна своей бесчеловечностью война <...> Физиологический эксцесс — фатальное порождение хаоса, вызванного тем, что “человек убивает человека”» (Лившиц Л. К творческой биографии Исаака Бабеля // Вопросы литературы. 1964. № 4. С. 113–114).

Став в марте 1918 г. корреспондентом петроградской газеты «Новая жизнь», редактором и идейным вдохновителем которой был Горький, Бабель публикует больше двух десятков очерков, которые, вероятно, должны были составить летопись первых месяцев большевистского Петербурга. Эти очерки печатались в «Новой жизни» под рубрикой «Дневник» и представляли собой зарисовки сиюминутной жизни. Газета «Новая жизнь» была закрыта в июле 1918 г. В этом же месяце Бабель опубликовал «набросок с натуры» о проводах солдата на фронт — «На станции» (Эра. № 6). Близкий по жанру к очеркам «Дневника», этот «набросок» отразил, по-видимому, еще одно из впечатлений, полученных в годы войны.

Doudou

Впервые: Свободные мысли. 1917, 13 марта (в рубрике «Мои листки»). Печатается по: *Бабель И.* Собр. соч.: В 4 т. М., 2006. Т. 3. С. 71–74.

¹ *...la petite Doudou...* — ...крошка Дуду... (фр.).

² *...tango acrobatique...* — ...акробатическое танго... (фр.).

³ *Oh mon docteur...* — О, доктор... (фр.).

⁴ *...m-r Drouot.* — ...месяе Друо (фр.).

⁵ *«Il m'aime, ma soeur, il m'aime».* — «Он любит меня, сестра, любит» (фр.).

⁶ *«Doudou, ma bien aimée»* — «Дуду, моя любимая» (фр.).

⁷ *...adieu, mon ami...* — ...прощайте, мой друг... (фр.).

⁸ *«Il gèle, il meurt, il est seul, il me prie, dirai-je non?»* — «Его знобит, он умирает, совсем один, он просит меня, неужели я скажу нет»? (фр.).

Валентин Петрович Катаев

О В. П. Катаеве см. выше, с. 724.

Ночью

Впервые: 30 дней. 1934. Декабрь. Написанный в августе 1917 г., рассказ был запрещен цензурой. Печатается по: *Катаев В.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1983. Т. 1. С. 52–66.

Летом 1916 г. Румыния вступила в войну на стороне Антанты, которая рассчитывала таким образом нейтрализовать Болгарию, выступившую в октябре 1915 г. ее противником. Описанные в рассказе события отражают реальную картину, складывающуюся в то время на Балканском театре военных действий: болгарам, оставшимся в тылу, не было понятно, почему они должны воевать против родных по крови и религии русских.

¹ Эпиграф взят из рассказа Ги де Мопассана «Страх» (1884).

² «Месяцы» Чайковского — фортепианный цикл «Времена года» (1876), состоящий из двенадцати пьес, поименованных по месяцам.

³ *Пына? — Хлеб?* (румынск.).

⁴ *Ну эст пыне! Нуй!* — Нет хлеба! Нет! (румынск.).

⁵ «*Raine militara*» — «Хлеб военный» (румынск.).

⁶ *Нушты русешты. Шты романешты?* — Не знаю по-русски. Знаешь по-румынски? (румынск.).

⁷ *Je suis volonteur russe! C'est la tete chose que officier! Mordieu!* — Я русский доброволец! Это все равно что офицер! Чёрт побери! (фр.).

⁸ «*Двенадцатый год*» — торжественная увертюра П. И. Чайковского «1812 год» (1880).

Борис Викторович Савинков
(1879–1925)

Печатался под псевдонимом В. Ропшин. Террорист, государственный деятель эпохи Временного правительства. Участвовал в организации убийств министра внутренних дел В. К. Плеве, московского генерал-губернатора великого князя

Сергея Александровича и др. После разоблачения Е. Ф. Азефа как провокатора стал руководителем Боевой организации. В 1909 г. написал книгу «Воспоминания террориста» и повесть «Конь бледный», которые сделали его имя известным в литературных кругах. После начала Первой мировой войны вступил добровольцем во Французскую армию, был военным корреспондентом с французского фронта, что послужило материалом для книги «Из Франции во время войны». После Февральской революции вернулся в Россию и принял деятельное участие в работе Временного правительства, хотя, как отмечал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты», презирал и Временное правительство, и А. Ф. Керенского. В апреле 1917 г. был назначен комиссаром в 8-й армии, а с 28 июня 1917 г. — комиссаром Юго-Западного фронта. С 19 июля назначен управляющим Военным министерством при министре Керенском; пост начальника политического управления при нем занимал Ф. А. Степун. Савинков был совершенно убежден в необходимости вести войну «до победного конца», что нашло свое отражение в публикуемом сочинении «Из действующей армии (лето 1917 года)».

Из действующей армии (лето 1917 года)

Впервые: *Степун Ф.* Из писем прапорщика-артиллериста; *Ропшин В.* Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918. С. 191–239. Печатается по этому изданию.

Очерки «Из действующей армии (лето 1917 г.)» написаны под впечатлением от поездок Савинкова по Юго-Западному фронту и были опубликованы под псевдонимом В. Ропшин вместе с романом Степуна. Название «Из действующей армии» давало читателю установку на документальность: штампом «из действующей армии» помечали на почте фронтовую корреспонденцию, в некоторых периодических изданиях военной поры появилась колонка с таким названием, в которой предельно сжато сообщалось о последних известиях с линии фронта.

¹ «Взбунтовавшиеся рабы»... Кто произнес это слово? — Имеется в виду знаменитое выступление А. Ф. Керенского (см. о нем ниже) на съезде делегатов флота 29 апреля 1917 г.: «Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов? <...> У меня нет прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы, а сознательные граждане, творящие новое государство» (Утро России. 1917. 31 апреля; *Керенский А. Ф.* Речи о революции. Пг., 1917. С. 62).

² *В Каменец-Подольске — съезд фронтовых делегатов.* — В конце апреля 1917 г. в Каменец-Подольске проходил Съезд делегатов Юго-Западного фронта, в котором принимали участие крупные военные и государственные деятели того периода.

³ «земля и воля» — лозунг эсеров и Временного правительства; две главные ценности, во имя которых, как предполагалось, солдатам следует продолжать войну.

⁴ *Керенский Александр Федорович (1881–1970)* — один из главных деятелей Февральской революции. 2 марта 1917 г. вошел как министр юстиции во Временное правительство, начал активно налаживать связи с представителями армии, ездил по фронту. 12 апреля 1917 г. он говорил представителям 7-й армии: «...мы не должны позволить прорвать фронт, уничтожить живую силу государства и отнять свободу <...> мы нуждаемся в контроле и критике Советов солдатских, рабочих, крестьянских и офицерских депутатов, которые

представляют народ и русскую демократию» (цит. по: Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 144). 5 мая 1917 г. было объявлено о создании 1-го коалиционного правительства, в которое вошли представители меньшевиков и эсеров, Керенский занял в нем пост военного и морского министра. 8 июля он стал министром-председателем Временного правительства, с сохранением поста военного и морского министра; 30 августа, после ареста Л. Г. Корнилова, был назначен верховным главнокомандующим. 1 сентября Временное правительство временно передало власть «Совету пяти», или «Директории», во главе с Керенским. В тот же день Временное правительство провозгласило Российскую Республику. 25 сентября сформировано 3-е коалиционное правительство с Керенским в качестве министра-председателя и верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции Керенский несколько месяцев скитался по России, затем эмигрировал.

⁵ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) — военный деятель, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). В 1915–1916 гг. командовал 8-й армией, с марта 1916 г. — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. В мае–августе 1916 г. руководил наступлением, получившим название «Брусиловского прорыва», — одной из крупнейших операций на русско-германском фронте. Выступал за войну «до победного конца».

⁶ *Крыленко Николай Васильевич* (1885–1938) — большевик, член партии с 1904 г. Летом 1914 г. эмигрировал, жил в Швейцарии, участвовал в работе Бернской конференции заграничных секций РСДРП. После возвращения в Россию (летом 1915 г.) арестован и в апреле 1916 г. направлен в действующую армию. Во время Февральской революции 1917 г. избирался председателем полкового, дивизионного, в апреле 1917 г. армейского комитетов 11-й армии Юго-Западного фронта. 15 апреля 1917 г. в Каменец-Подольске открыл Съезд делегатов 11-й армии; председатель съезда; избран председателем армейского комитета.

⁷ «Русские солдаты!... Русские уступили, и война продолжалась» — Такие послания предназначались для распространения на территории противника.

⁸ *Шейдеман Филипп* (1865–1939) — деятель правого крыла германской социал-демократии.

⁹ *Либкнехт Карл* (1871–1919) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии.

¹⁰ *Чернин* — Оттокар Чернин фон унд цу Худениц (1872–1931) с декабря 1916 г. по апрель 1918 г. являлся министром иностранных дел Австро-Венгрии. Весной 1917 г. начал (через принца Сикста Бурбонского) тайные переговоры с президентом Франции Пуанкаре, стремясь заключить мир с Антантой.

¹¹ «Умом Россию не понять» — строка из знаменитого четверостишия Ф. И. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья,
В Россию можно только верить.

¹² *Санкюлоты* (фр. sans-culottes, от sans — без и culotte — короткие штаны) — термин, употреблявшийся в период Великой французской революции. Первоначально аристократы презрительно именовали санкюлотами своих политических противников — представителей городской бедноты, носивших

длинные брюки из грубой материи (в отличие от дворян и буржуа, носивших короткие штаны с шёлковыми чулками); в дальнейшем (особенно в годы якобинской диктатуры) термин «санкюлот» становится самоназванием патриота, революционера.

¹³ *Директория* — орган исполнительной власти во Франции эпохи Первой республики (1792–1804).

¹⁴ *Георгиевский крест* — здесь: военный орден, предназначавшийся для нижних чинов, проявивших исключительную храбрость на поле боя.

¹⁵ *Настроенный Кронштадта и митингов у дворца Кшесинской*. — Кронштадт до Октябрьской революции был одним из оплотов большевизма в России. С 11 марта 1917 г. Петроградский комитет РСДРП (б), его Военная организация и ЦК партии большевиков помещались в петроградском особняке Кшесинской, с балкона которого часто выступали сторонники Ленина. В ночь с 3 на 4 апреля 1917 г. его посетил вернувшийся из эмиграции Ленин и выступил перед собравшейся толпой.

¹⁶ *Черемисы* — устаревшее название марийцев.

¹⁷ *Скобелев Матвей Иванович (1885–1938)* — участник социал-демократического движения. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома и заместитель председателя Петроградского совета, в мае — августе 1917 г. министр труда во Временном правительстве, заместитель председателя ВЦИК 1-го созыва.

¹⁸ *Цертели Ираклий Георгиевич (1881–1959)* — один из лидеров меньшевиков. В конце марта 1917 г. вошёл в состав Исполкома Петроградского совета. 5 мая решением Петроградского совета введён во Временное правительство в качестве министра почт и телеграфов. 22 мая Временное правительство командировало Скобелева и Цертели в Кронштадт, так как Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил 17 мая, что не признаёт Временное правительство; переговоры завершились соглашением. 24 июля вышел из состава Временного правительства.

¹⁹ *Исполнительный комитет* — Исполнительный комитет Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

²⁰ *Георгиевская медаль* — медаль с надписью «За храбрость» была учреждена в 1913 г. для награждения нижних чинов. Одна из разновидностей ордена Св. Георгия.

²¹ *Золотое оружие*. — Золотым оружием «За храбрость» награждали за проявленную личную доблесть и отвагу. Также называлось Георгиевским оружием.

²² *Он помнит Свистельники. Он атаковал Дзике-Лане*. — Бои у деревни Свистельники и на высоте Дзике-Лане совершались в рамках последней крупной наступательной операции Русской армии в Первой мировой войне на Юго-Западном фронте (июнь 1917 г.).

²³ *«Правда»* — большевистская газета.

²⁴ *Алешка-Горшок* — герой одноименного рассказа Л. Н. Толстого (1905). Здесь используется в значении «человек из народа, простец».

²⁵ *Вы жертвою пали в борьбе роковой, Любви беззаветной к народу...* — цитата из революционного похоронного марша на слова А. Архангельского (А. А. Амосова).

²⁶ ...«только смерть попирает смерть»... — аллюзия на пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

²⁷ ...на «Очакове»... — Команда крейсера «Очаков» участвовала в Севастопольском восстании 1905 г.

²⁸ *Ванька-Каин* — знаменитый вор, разбойник и московский сыщик Иван Осипов (1718 —?). Будучи крепостным человеком купца Филатьева, бежал от него, был схвачен и возвращен обратно. За донос на своего барина Ванька-Каин получил свободу и пристал к ворам. Вначале он промышлял в Москве, потом бежал на Волгу, там примкнул к шайке атамана Зори. В 1741 г. явился в сыскной приказ, чтобы сделаться сыщиком. Ванька-Каин несколько раз подкупал сыскной приказ, полицию и сенатскую контору. Карьера Ваньки-Каина окончилась при столкновении с сильной в то время сектой скопцов. В 1756 г. он был наказан кнутом и сослан в Сибирь.

²⁹ ...перековать преждевременно мечи на орала. — Аллюзия на знаменитый стих из ветхозаветной Книги пророка Исаии (Ис. 2: 4).

³⁰ *Фейерверкер* — унтер-офицер артиллерии.

³¹ *Бризантные снаряды* — разрывные снаряды.

³² *Разве не во имя ее умирали русские люди в Петрограде 9 января?* — 9 января 1905 г. войсками была разогнана и расстреляна рабочая демонстрация. Этот день получил название «Кровавое воскресенье».

³³ *Разве не во имя ее умирали русские люди в Шлиссельбурге и на Лисьем Носу?* — До Февральской революции Шлиссельбург и Лисий Нос были местами массовой казни участников революционного движения.

³⁴ *Наш непрощаемый грех не смывается никаким покаянием, ибо грех этот смертный. Мы согрешим против Духа Святого: против свободы.* — Ср.: «Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем» (Мф 12: 31–32).

³⁵ ...не вода, а уксус и желчь. — Аллюзия на Евангелие: распявшие Христа воины, «придя на место, называемое Голгофа, что значит: “лобное место”, дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить» (Мф 27: 33–34).

³⁶ «я дам тебе звезду утреннюю» — Ср. в Откровении Иоанна Богослова: «Кто побеждает и соблюдает дела мои до конца, тому дам власть над язычниками <...> И дам ему звезду утреннюю» (2: 26–28).

³⁷ ...*Пестелей, Желябовых и Гершуни.* — Перечислены знаменитые русские революционеры. Павел Иванович Пестель (1793–1826) — декабрист, казнен в числе пяти руководителей восстания. Андрей Иванович Желябов (1851–1881) — революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли»; казнен как один из организаторов убийства Александра II. Григорий Андреевич Гершуни (1870–1908) — террорист, один из основателей «боевой организации» социалистов-революционеров.

³⁸ *Твой облик сух, твой остов жесток... ~ Тупым предательством дрожит...* — Приведенная по памяти цитата из стихотворения Зинаиды Гиппиус «Петербург» (1909).

³⁹ *Мир «без аннексий и контрибуций»* — один из программных большевистских лозунгов.

⁴⁰ *Бабы в батальоны идут...* — Женские военные подразделения стали создаваться в 1917 г.

⁴¹ *Черемисов Владимир Андреевич* (1871–?) — генерал от инфантерии (1917), во время войны 1914–1918 гг. командир полка, генерал-квартирмейстер 12-й армии, генерал для поручений при командующем 7-й армией. В июле 1917 г. командовал 8-й армией, с сентября 1917 г. — главнокомандующий Северным фронтом.

⁴² *Багратион Дмитрий Петрович* (1863–1919) — генерал-майор, с 1916 г. командир Кавказской туземной конной дивизии.

⁴³ *«Нива»* — популярный еженедельный журнал, издавался с 1869 по 1918 г.

⁴⁴ *«В борьбе обретешь ты право свое»* — лозунг эсеров.